

Колосёр
12
ДЕКАБРЬ
1966

В ЭТОМ НОМЕРЕ

- Ночь вся в солнце**
из книги «РАССКАЗЫ ОБ ЭСТОНИИ» Вал. Рушкиса 2
- Песня туристов**
В. ФАЙНБЕРГА 8
- По сигналу пионерской тревоги** 9
- Клуб Жака Паганеля** 10
- Арест**
из воспоминаний ГАРРИ АЙЗМАНА 13
- В поисках Александра Грина**
рассказывает В. САНДЛЕР 17
- Старик прячется в тень**
повесть А. МИНЧКОВСКОГО 22
- На этот раз история...**
репортаж А. ЛОСЕВА и Ю. МИХАЙЛОВА 39
- Творчество наших читателей** 43
- Самые, самые первые**
очерк Л. СТЕКОЛЬНИКОВА 43
- Странная собака**
рассказ Е. ВЕРЕЙСКОЙ 45
- Что? Где? Когда? Почему?** 48
- Уголёк**
журнал для малышей 49
- Волшебный котел**
хакасская сказка 51
- Селеднка с привкусом**
очерк К. ГОЛОВАНОВА 52
- Желтый нубин**
фантастический рассказ Л. ПОДОСИНОВСКОЙ 54
- Заяц-путешественник**
перевел с эвенкийского ГЛ. СЕМЕНОВ 60
- Уголок веселого архивариуса** 61
- Шахматы** 64

„ШЕКСПИР ОТКРЫЛ АМЕРИКУ...“

Игра в стихах „13 очков“ напечатана на странице 63

НОЧЬ ВСЯ В СОЛНЦЕ

Вал. Рушкис

Рисунки Г. Праксейна

1.

— На что жалуетесь? — спросил Аугуст Метс.

— Плечо, — ответил я. — В направлении все сказано.

Он осторожно притронулся к моей руке и сильными быстрыми пальцами пробежал до плеча.

— Тут? Понимаю, старый перелом. Ничего, справимся. Рука будет как новая.

Скупым, хорошо рассчитанным движением он взял со стола коробку талька и начал натирать руки. Короткий белый халат туго обтягивал его богатырские плечи.

— Начнем, — повернулся он ко мне.

Коснувшись холодной больничной клеенки — она всегда бывает холодной! — я нагнулся, чтобы поправить простыню. А подняв голову, заметил, что Аугуст меня потерял. Озадаченно вздернув брови, он старался найти меня напряженно вытянутыми руками. Его широко раскрытые глаза смотрели мимо меня, в сторону.

— Вы... вы меня не видите?

— Да, — очень спокойно отозвался Метс. — Не только вас, я ничего не вижу. Но это не мешает мне работать. Ведь глаза видят только кожу. То, что снаружи. А мои пальцы узнают, что делается глубже, внутри... Ну, начнем!

Много дней подряд я приходил к нему на массаж. Мне было больно, и Метс понимал это. Чтобы отвлечь мое внимание, он говорил. Так я узнал о его судьбе.

2.

Во сне к нему часто возвращается щедрый на краски и образы мир зрячих людей. Ему видится родной остров Хийумаа, серо-голубой залив и отлогий берег, где вместе с соседскими ребятами Аугуст пас деревенское стадо.

Когда-то половиной Хийумаа владел барон Унгерн Штернберг.

«Ночь вся в солнце» — глава из книги Вал. Рушкиса «Рассказы об Эстонии».

Книга выходит в серии «Ты по стране идешь». Об этой серии ты мог прочесть в «Костре» № 10.

Барон был бесконечно жаден.

Вдоль северо-западного берега Хийумаа протянулась подводная гряда Суур-раху — Большой риф. И барон Унгерн стал зажигать там ложный маяк. Свет его направлял корабли на верную гибель.

Тогда являлся со своей шайкой разбойник-барон. Он добывал утопающих и грабил суда. Он все богател, вся посуда у него была из чистого золота и домов он себе построил уйму, сто больших домов — и на острове и на большой земле...

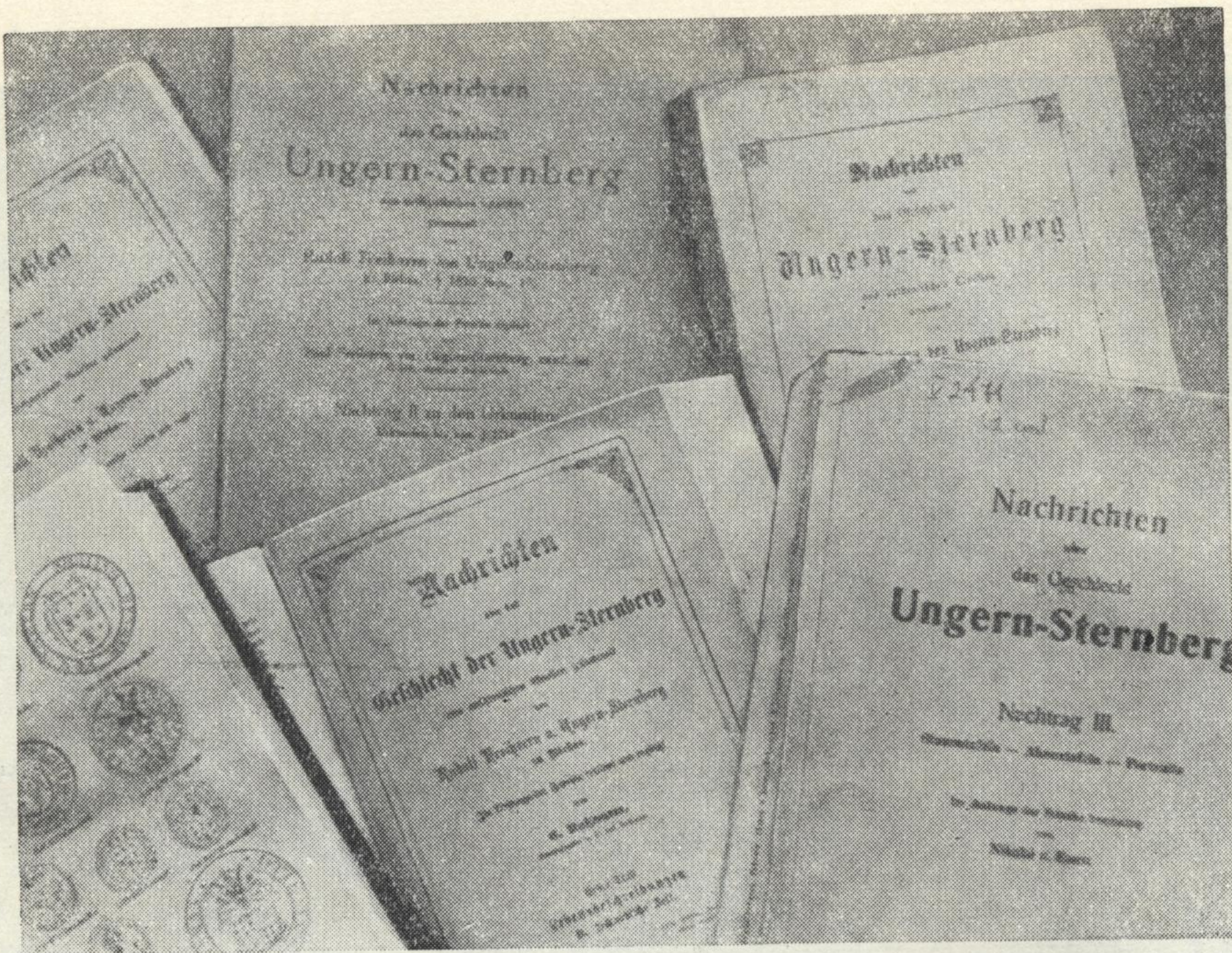
Барон, по преданию, был горбуном. Так было нужно, — не могли легенды оставить зло безнаказанным! Будто бы один опытный капитан разгадал умысел барона-пирата и переждал шторм в открытом море. А когда рассвело, моряки поняли, что ночью им светил костер, разложенный среди сучьев высокой сосны, — светил, завлекая на рифы. Тогда они высадились на берег, поймали барона Унгерна и так ему надавали, что он навсегда остался горбатым.

Позже — уже не мальчишкой, — подростком, — в одной из книг Аугуст прочел совсем другое. Никакой храбрый капитан никогда не высаживался на берег Хийумаа, чтобы наказать фон Унгерна. На портрете Отто Людвиг фон Унгерн Штернберг был изображен широколобым породистым красавцем. Напудренный парик, пышные кружева воротника, кружевные манжеты... И горба у барона, оказывается, не было.

3.

Нет, на самом деле барон не зажигал ложных маяков: но зато в штормовые ночи он просто гасил маяк, вверенный ему правительством. А потом действительно грабил разбившиеся суда.

Его разбой достиг такого размаха, что царь вынужден был назначить следственную комиссию. Во время обыска в декабре 1802 года в Сууремыйзе было обнаружено множество награбленного: закопанного в землю, замурованного в тайниках, в плоских ящиках уложенного между двойными полами. У барона нашли целый склад мануфактуры — шелк, сукно, парчу. Вozy табака, шерсти, красок.

Телячьи кожи, мечи, ножи, кольца, скрипки, зеркала, десятки ящиков пуговиц — ничем не брезговал жадный барон!

Судили пирата в Таллине, весной 1804 года.

Фон Унгерн обвинялся в убийстве своего шкипера Мальма: недовольный шкипером барон избил его, а потом перерезал ножом горло. Обвинялся в попытке отравления фельдшера, который осмотрел труп Мальма и утверждал, что шкипер погиб насильственной смертью. Обвинялся в поджоге судна «София». В потоплении корабля «Святой Николай». В ограблении потерпевших бедствие судов «Луиза Каролина», «Ди Хофнунг», «Юлиана»...

Фон Унгерна признали виновным по всем пунктам обвинительного заключения — и приговорили всего лишь к поселению в Сибири. Его сослали в Тобольск, где барон поступил на службу в канцелярию генерал-губернатора, по вечерам рисовал кораблики и овец, занимался благотворительностью... Долго еще, даже после Великого Октября, зловещим карканьем звучала фамилия «Унгерн».

Во время гражданской войны потомок Отто Рейнхольда, барон Николай-Роберт-Макс фон Унгерн во главе своих банд ворвался на советский Дальний Восток. Низкорослый, усатый, с глазами навыкат, как злой дух носился он верхом на своем вороном жеребце. «Черным бароном» прозвал его народ за кровавое неистовство.

В 1921 году, в жестоком бою разбив банду фон Унгерна, красноармейцы Рокоссовского схватили черного барона. Революционный суд приговорил его к расстрелу.

Со всеми баронами рассчиталась советская страна. Но в Эстонии продолжали править богатей. Живые фон Унгерны продолжали ходить по родной земле Аугуста Метса и, срубая самодельной деревянной шашкой головки колючего чертополоха, он тихонько приговаривал:

— Вот тебе, Унгерн! Вот тебе!

4.

Старший брат Аугуста ушел на заработки тринадцати лет.

Тринадцать лет было старшей сестре Линде, когда ее взяли из четвертого класса школы и отдали «в люди».

Дошла очередь и до Аугуста.

Отец велел умыться почище, причесаться поглаже. Повел на лесопилку господина Тоомберга, где делали доски.

Теперь Аугуст, конечно, знает, что локомотив больше всего похож на маленький паровоз, но на Хийумаа железных дорог нет, паровозов Аугуст тогда еще не видел... В черной железной машине пылал огонь, какие-то колеса вертелись и заставляли двигаться тонкие пилы, ходившие вверх и вниз, распиливая бревно сразу на несколько досок.

— Мал парнишка, — поморщился Яан Тоомберг. — Нет, Метс, и не проси. Ну куда я его дену? Если инспектор увидит — неприятности будут.

— Он у меня сильный... Старательный...

— Как зовут-то?

— Аугуст...

— Слушай, Аугуст: а не хочешь ли ты поработать у локомобиля? Э, по глазам вижу: тебе уже не терпится стать машинистом! Еще бы, такой почет! Но, конечно, на работу придется приходить пораньше, разогреть машину, а вечером, когда все разойдутся, прибраться и почистить локомотив. И еще: не попадаться на глаза инспектору. Тогда будешь приносить домой полкроны за каждый рабочий день.

— Но взрослому вы платите за ту же работу полторы кроны, хярра Тоомберг, — нерешительно протянул отец.

— Послушай, Метс: но ведь то взрослый! А это же совсем ребенок! Нет, Ханс, у меня все-таки лесопилка, а не благотворительное общество...

И Ханс Метс согласился. Его сын стал «машинистом».

Аугуст приходил за полтора часа до взрослых, чтобы растопить локомотив. Весь день он вручную подкачивал воду в котел, на себе таскал в топку мешки опилок. Хозяин добродушно улыбался Аугусту, паренька никто не торопил... кроме манометра. Тоомберг сказал: если давление упадет и пилорама остановится, Аугуста выгонят. Только и всего.

Сама прожорливая машина, ее манометр и водомерное стекло весь день требовали от Аугуста: «Опилки! Воды!»

Изредка, когда приезжал инспектор, Аугуст, припадая к земле, позади штабелей бревен и досок пробирался в дальний угол двора и

принимался сортировать тонкие, легкие реечки, специально припасенные на этот случай. Он радовался короткой передышке, боясь одного: вдруг хярра инспектор заподозрит обман и Аугуст потеряет свой заработок?

Но инспектор осматривал локомотив, за чашкой кофе беседовал с заводчиком, почтительно прощался и уезжал. Все обходилось благополучно, удивительно благополучно!

Ему — вот счастливцев! — удалось проработать возле проклятого локомобиля несколько лет. Только когда он стал взрослым и мог бы работать у машины не таясь, хозяин выгнал его. Выгнал, потому что теперь Аугуст мог потребовать полторы кроны в день, а у хярра Тоомберга была лесопилка, а не благотворительное общество, и он уже присмотрел нового мальчишку.

Аугуст начал плотничать вместе с отцом, но часто в те годы оставались без работы золотые отцовские руки. Все тяжелее жилось большой семье. А когда заболел старый Ханс — и совсем стало плохо. Наверное, врачи могли бы его вылечить. Но тогда им нужно было платить столько денег...

Гроб отцу Аугуст сделал своими руками.

Только в 1940 году, когда Эстония вошла в Советский Союз, жизнь изменилась. Даже на далеком Хийумаа для всех — и для Аугуста! — нашлось достаточно работы. Дети начали учиться. Взрослые начали строить. Заводчика Тоомберга выгнали, последние фон Унгерны сами куда-то сбежали!..

5.

Ефрейтор противотанкового дивизиона эстонского корпуса орденосец Аугуст Метс в сентябре 1944 года с боями вернулся в Эстонию, освобожденную от гитлеровцев.

Соскочив с понтона, он схватился руками за обод колеса, всей силой стараясь повернуть его. Навалились и другие артиллеристы, и орудие двинулось вперед, оставляя глубокие следы в желтом песке.

Установив орудие на огневую позицию, Аугуст поднял голову, стер со лба капли пота и огляделся. Где-то далеко впереди пылал огромный пожар и дым закрывал полнеба. На берегу виднелись домики эстонской деревни с высокими крышами. Серебристые ивы склонились к воде. Наконец-то Эстония!..

Последняя, бесконечно яркая вспышка зачеркнула картину родной земли.

Мир погас.

Осколок разорвавшейся рядом мины полоснул Аугуста на лицо, по глазам. Больше он ничего не видел. Никогда.

Он не видел врачей, что склонялись над ним. Не видел вагона поезда, который вез его так долго. Только чувствовал боль, слышал приглушенные голоса да стук колес на стыках.

Потом наступила тишина. Ему сказали, что это Тбилиси, Грузия.

Опытный русский хирург, профессор, уверял Аугуста, что ему и то повезло. Пройди осколок миллиметром глубже...

Аугуст молчал.

Что он умеет? Работать топором. И только. И то не умеет, а умел. Слепых плотников не бывает.

Аугусту нужна была помощь, срочная помощь. И он получил ее. Это не была медицинская помощь в прямом смысле слова, хотя оказал ее все тот же русский хирург с мягким баском:

— Брось грустить, парень! — сказал он Аугусту. — Ты будешь лечить людей. Становись массажистом. Силы у тебя хоть отбавляй, а глаза массажисту ни к чему. Глаза видят только кожу...

Вернувшись в освобожденную Эстонию, Аугуст Метс пришел в Министерство здравоохранения и сказал:

— Хочу быть массажистом. Учите.

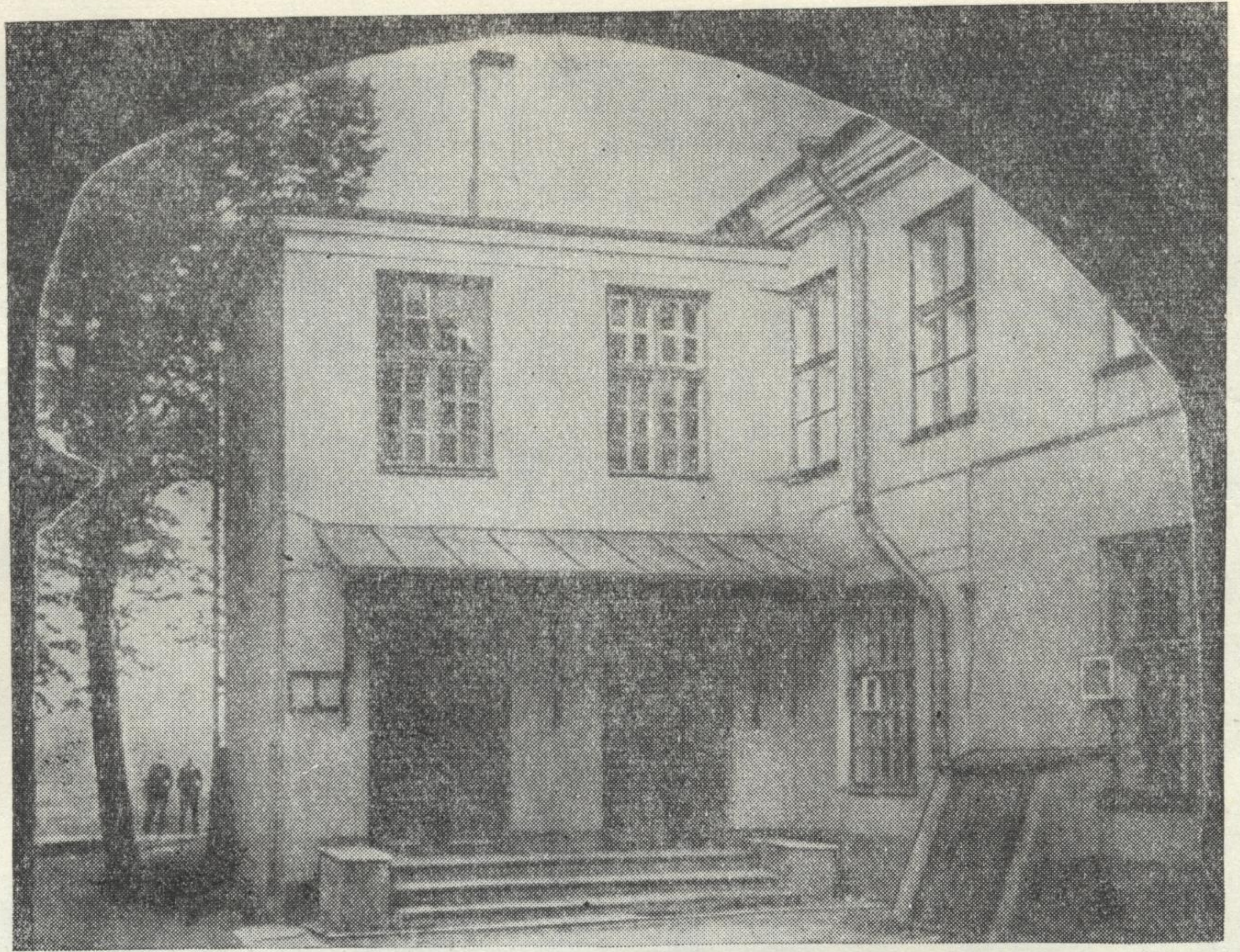
И уселся за парту в Таллинской медицинской школе.

Старинное здание, отведенное под школу, стоит на обрыве, где дикий плитняк нависает над каменной кладкой крепостной стены.

Этот дом над обрывом я видел в родословной Унгерн-Штернбергов, на старинной гравюре, в XVII веке тут было их родовое гнездо. Наверное, прадеды Метса под плеткой надсмотрщика возвели его — и Аугуст по праву вошел сюда.

6.

Его пальцы, пальцы плотника и солдата, постепенно приобретали гибкость и чувствительность. Осязанием он постигал недоступные зрячему тайны каждого бугорка, напряженного

нервного сплетения или косточки, которая «не в порядке».

Однажды после занятий он вышел из палаты и остановился в длинном коридоре больницы, нащупывая палкой дорогу. И вдруг почувствовал в своей руке другую — маленькую, женскую.

— Идемте, я провожу вас.

Голос был приятный, ласковый. Аугуст шел по коридору, умышленно замедляя шаги. Так он мог бы идти долго-долго...

Расставаясь, он поблагодарил свою спутницу. Он понимал, что эта встреча — случайная счастливая минута, которая больше никогда не вернется.

Но девушка проводила его по больничному коридору и на следующий день, и на третий. Наверно, она дожидалась Аугуста.

Горсовет сделал им свадебный подарок — комнатку в коммунальной квартире. Они пришли в эту пустую комнату и сложили вместе свои вещи. Тогда у них еще не водилось ни мебели, ни посуды. У Аугуста был только чемодан и аккордеон. У Марики на аккордеон меньше.

А еще была радость, опровергающая законы арифметики: ведь от деления на двоих радость всегда только увеличивается!

7.

Молодой массажист Аугуст Метс получил направление в поликлинику Таллинской больницы «Тынисмяэ». С тех пор много лет он проработал здесь.

Однажды я был у него на приеме последним, да еще немного задержался с разговорами. Аугуст провел рукой по выпуклому циферблату своих часов и, словно подтверждая их правильность, в дверях кабинета появился шустрый, остроглазый паренек. Он вежливо поздоровался, привычно уселся за стол и подвинул к себе скопившиеся за день направления.

— Сын мой, Тийт. Помощник! Еще дошкольником начал помогать, — сказал Аугуст и пояснил: — Тут нужно отмечать явку больных на процедуры, так он ставит крестики и кружочки. Сначала мы с ним немножко путались, но Тийт привык быстро. Теперь он у меня старший писарь!

Тийт заполнил карточки, и мы втроем вышли на людную улицу. Отец взял сына за руку, и оба шагали так уверенно, что даже трудно было решить — кто кого ведет? И вообще ведет ли?

Они пригласили меня к себе. Это была уже новая, отдельная квартира, и я радовался, глядя на Аугуста, когда он показывал мне свою ванную, кухню, комнаты...

— А здесь наша обновка стоит — видите? Совершенно необходимая для меня вещь!

Он остановился возле телевизора.

— Простите... Но зачем вам телевизор?

— Как же! Много интересного. Вот вчера мы смотрели кино...

Он так и сказал: «мы смотрели». И тут же объяснил: Марика рассказывает, что там видно — и в кино рассказывала, и в театре, но там они соседям мешали. И вот — купили...

Недавно они всей семьей побывали на родине Аугуста, на Хийумаа.

Вместе рыбачили, собирали орехи, ходили по грибы. Когда кто-нибудь находил боровик или рыжик, Аугуст начинал искать рядом и собирал довольно много. А если его спрашивали, как это ему удается, шутливо отвечал:

— Очень просто: сажусь и слушаю, как грибы растут! Потом остается только руку протянуть!

Не раз побывали они на развалинах хутора Сарве, разбитого фашистским снарядом. Поднялись и на холм за поселком, к локомотиву. Аугуст до сих пор помнил свою первую встречу с ним, часто рассказывал сыну об огромном прожорливом чудовище. И теперь Тийт удивился:

— Отец, но это совсем простая машина! И очень маленькая!

— Может быть, — растерянно сказал Аугуст. — Если бы мне не приходилось кормить ее и поить, может быть, и мне она казалась бы не такой страшной...

У подножия маяка Кыпу жена и сын рассказывали Аугусту, как высоко поднялась четырехгранная башня старого маяка — выше

всех окрестных лесов. Огонь этого маяка и тушил когда-то барон-пират.

И еще раз вспомнил Аугуст барона уже на обратном пути, неподалеку от родной деревни — в Сууремыйзе.

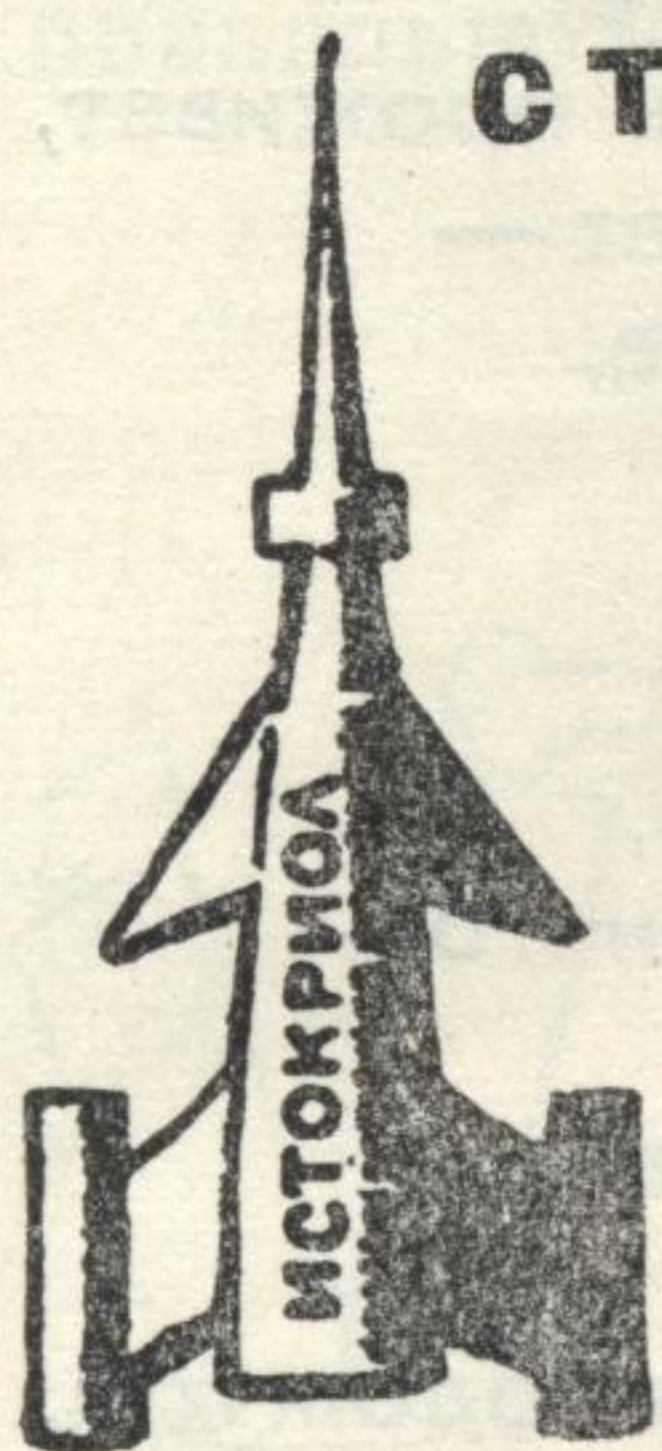
У парадного входа белого двухэтажного дома с черепичной крышей большая доска уведомляла, что это памятник архитектуры и охраняется государством. Но из раскрытых окон доносились звонкие голоса и смех.

В этот первый сентябрьский день к баронскому замку по всем дорогам спешили ребята. Они вбегали в широкую дверь и старинные деревянные лестницы двумя расходящимися полукругами приводили их в школьные классы.

Аугуст трогал массивную дверь, возле которой некогда дежурили цепные псы, ощупывал комнатную пушку барона-пирата — маленькую, теперь совсем безобидную — музейный экспонат.

Но, может быть, именно тут Аугуст Метс понял, что он всю жизнь сражался с черными баронами фон Унгернами и победил их, хотя ни разу ни с одним из них не встретился лицом к лицу.

Фото С. Розенфельда

СТОЛ ЗАГАДОК-66

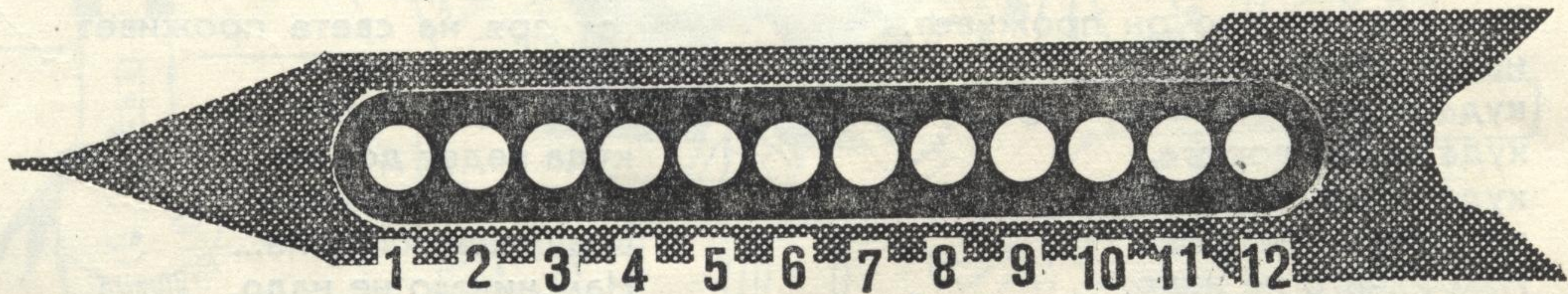
Новогодний заключительный конкурс

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА ОБЛОЖКУ

Требуется сообщить, как называется космический корабль и каков его бортовой номер. Название корабля, как вам уже ясно, зашифровано. А бортового номера вообще на картинке не видно — он у корабля на другом боку. Но это не страшно. Для того чтобы прийти к решению, нужно всего лишь решить **ДВЕНАДЦАТЬ ЗАДАЧ**, рассеянных по страницам «Костра».

Каждая задача подскажет вам какую-то цифру. Вы занесете ее в один из кружков-иллюминаторов. Двенадцать цифр — двенадцать кружков; что делать дальше, станет потом понятно.

Итак, на старт!

ПЕСНЯ ТУРИСТОВ

В. Файнберг

Рисунок В. Свешникова

По тропке муравей ползет
наверх на небосклон.
Всю жизнь свою он проживет,
но не узнает он —
куда ведет тропинка,
куда ведет дорога,
куда летит планета,
вращаясь, как юла...
Нам ничего не надо,
нам надо лишь немного —
чтоб неизвестность
всегда вперед звала!

И сам орел глядит с высот
сто лет на белый свет.
Всю жизнь свою он проживет,
но не поймет секрет —
куда ведет тропинка,
куда ведет дорога,
куда летит планета,
вращаясь, как юла...
Нам ничего не надо,
нам надо лишь немного —
чтоб неизвестность
всегда вперед звала!

Кто дремлет век, за годом год,
ничем не удивлен,
тот зря на свете проживет
и не узнает он —
куда ведет тропинка,
куда ведет дорога,
куда летит планета,
вращаясь, как юла...
Нам ничего не надо,
нам надо лишь немного —
чтоб неизвестность
всегда вперед звала!

Вступить, пожалуй...

ПО СИГНАЛУ
ПИОНЕРСКОЙ
ТРЕВОГИ

Дорогие ребята из ...надцатой новосибирской школы!

Получил от вас весточку и очень смеялся. Такая потешная история! Как это вам в голову пришло? Надо же придумать — объявить прием в Общество друзей манной каши!

«На всех переменах только и было разговору, что о первой лекции. Эту лекцию мы должны были прослушать перед вступлением. И вот в 18.30 ребята собрались. Народу было очень много...»

Еще бы не много! Я и сам бы бегом побежал, это ведь так весело — стать другом манной каши! Не какой-нибудь, а манной! Еще, глядишь, и значок дадут!

«...Маша Петрова — ответственная за лекцию — сразу предупредила: «У кого текущие двойки, могут не оставаться. Не примем!»

И опять не могу не согласиться, правильно — ну их,

двоечников, пусть давятся ячневой кашей или овсяной. И не мешают нам в смысле манной!

И вот началась лекция.

«Маша что-то тихонько лепетала себе под нос, а ребята не слушали. Одни смотрели журналы, другие писали записки, третьи разговаривали, четвертые пускали голубки, а пятые кололись иголками...»

Словом, каждый развлекался как мог. А как же иначе? Ведь и собрались поразвлечься, поиграть, позабавничать!

Но дальше стало еще забавней.

Маша Петрова вдруг нарушила правила игры: она рассердилась. Выдала анкеты половине вступающих, а другой половине выдать отказалась — мол, не слушали. Представляете: сосед получил, а я нет, а шумели все одинаково!

И тогда что вы, молодцы, устроили! Сидячую забастовку! Отказались уходить из

класса! Полчаса Машу мурыжили!

И снова резвились при этом, конечно, как могли. Кто-то даже улегся на парту с портфелем под головой.

И Маша сдалась. И сообразила, что теперь ее очередь почудить. И предложила: «Я вам — анкеты, а вы за это подберите с полу бумажки!» И тут уж получился настоящий цирк!

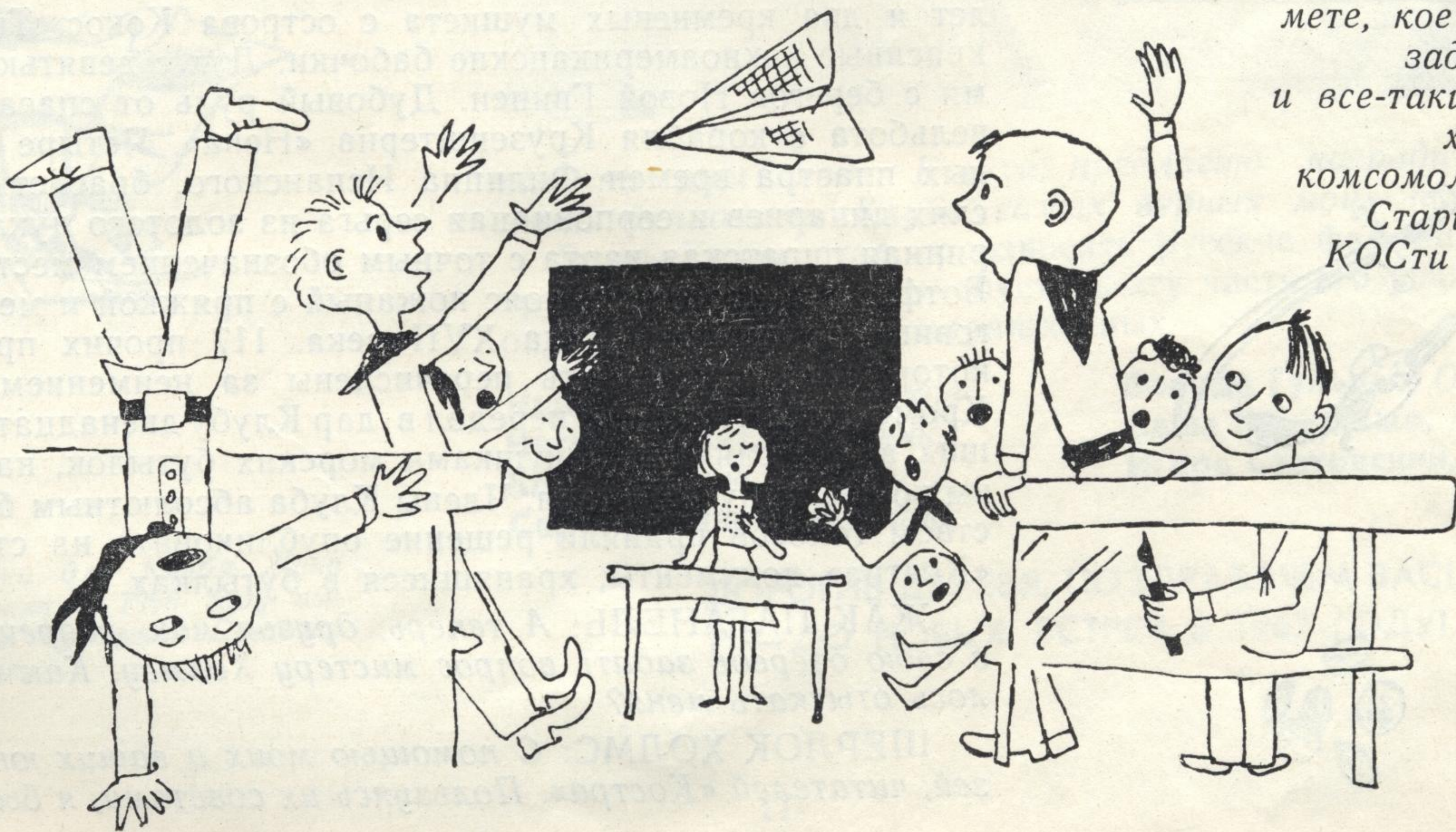
Остроумцы, острословы, придумщики, — ай да школьники из ...надцатой школы!

Одно только я перепутал, цитируя ваше письмо. Но сознательно перепутал: мне тоже хотелось пошутить.

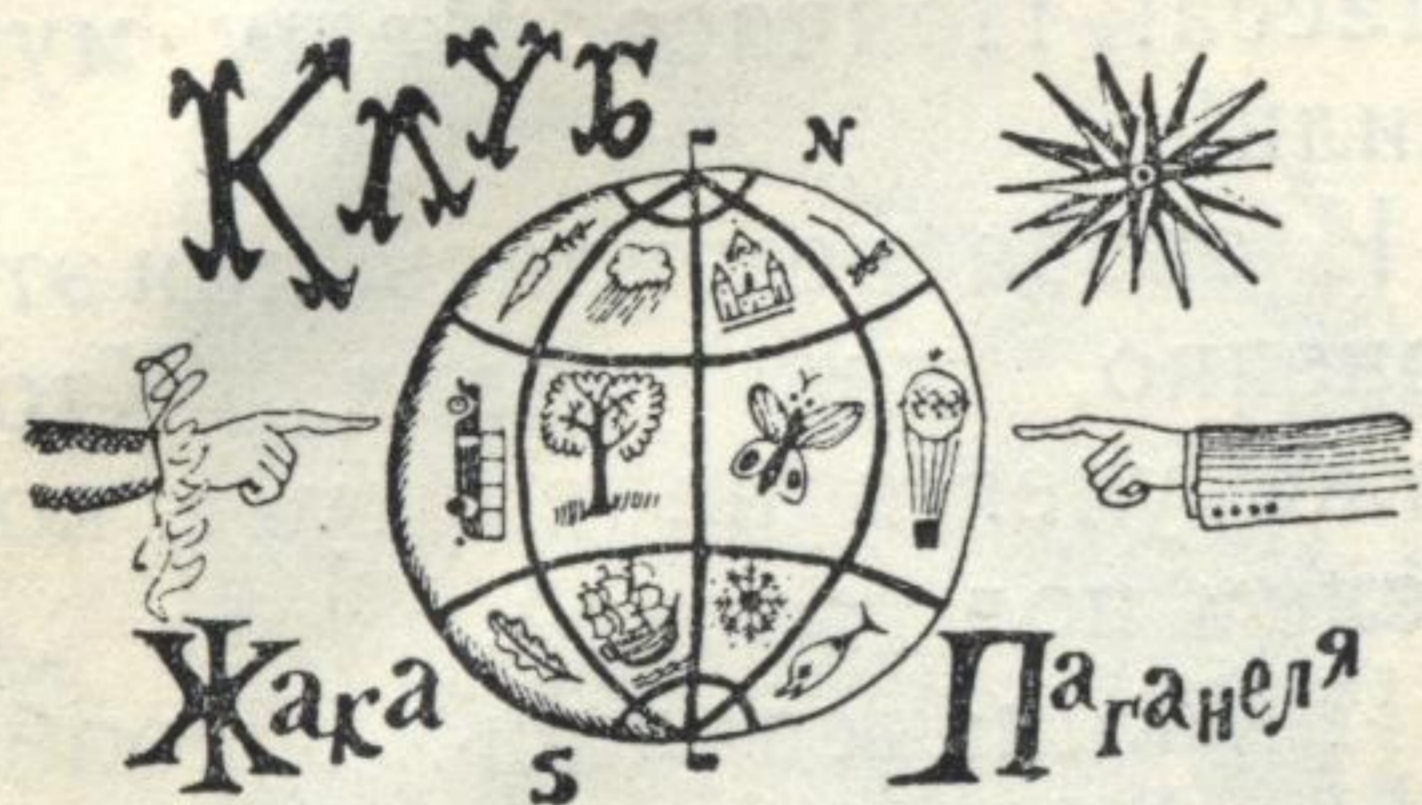
Я придумал это самое Общество друзей манной каши. А в вашем-то письме шла речь о ПРИЕМЕ В КОМСОМОЛ.

Да, только название другое. А все остальное — по-вашему, как у вас говорится: и нудная лекция, и иголочки, и «забастовка» под гогот, и ультиматум насчет бумажек...

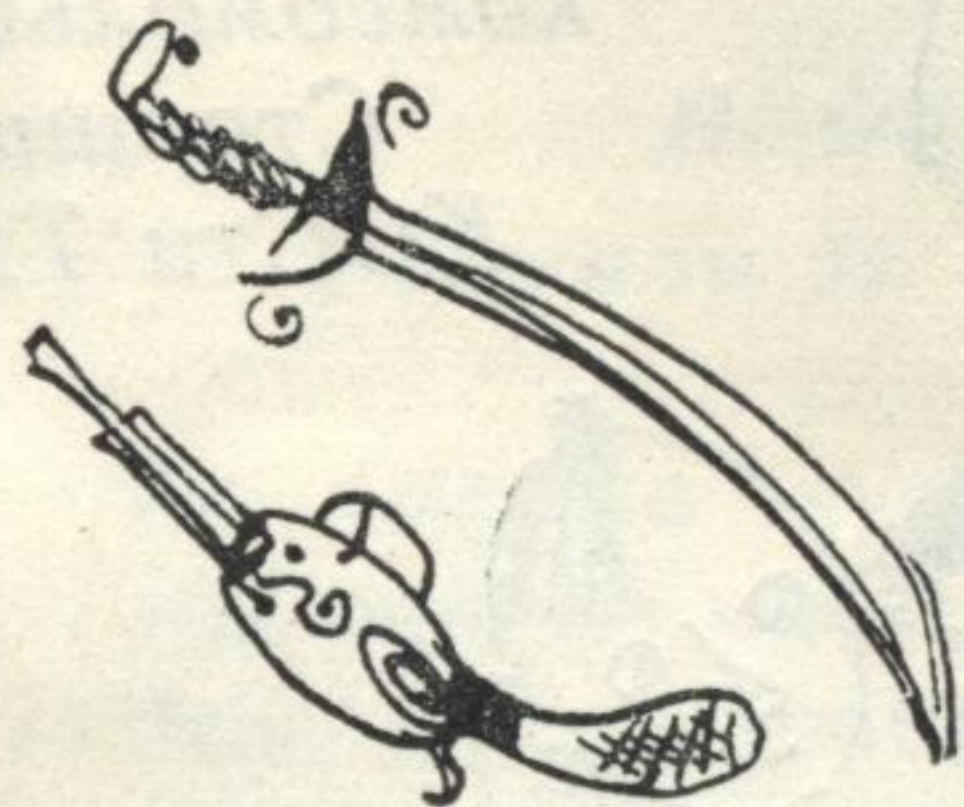
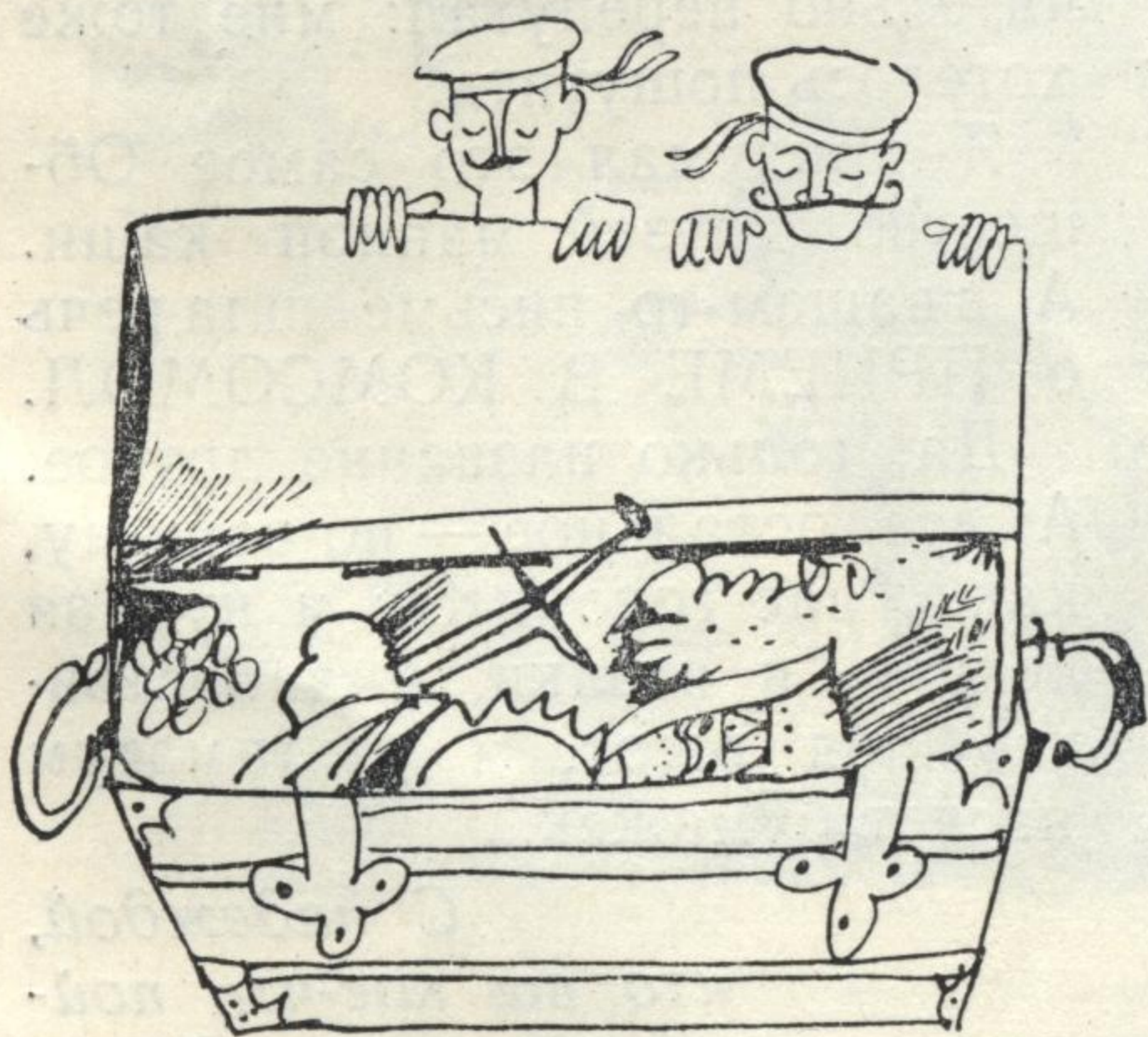
С надеждой,
что вы кое-что поймете,
кое над чем задумаетесь
и все-таки станете
хорошими комсомольцами —
Старший брат
КОСТИ ТЕРКИНА

ПАГАНЕЛЬ И ХОЛМС В „КОСТРЕ“

Стенограмма торжественного заседания членов Клуба по поводу приезда в Ленинград Жака Паганеля и Шерлока Холмса.

ЖАК ПАГАНЕЛЬ: Я прямо-таки счастлив познакомиться с вами, друзья мои. Всю свою жизнь я лелеял мечту увидеть ваш прекрасный город. Я прошу вас извинить меня за опоздание: смею вас уверить, это произошло так неожиданно... Однажды я издал прекрасную карту Америки, куда по рассеянности втиснул Японию. Ах, это совсем не о том! Не подумайте, что я снова ошибся судном, как тогда, когда вместо «Шотландии» угодил на «Дункан»! Советский теплоход «Лермонтов» направлялся из Гавра в Ленинград, но не сразу, а после кругосветного путешествия. Правда, узнал я об этом только в открытом море...

— Капитан, — спросил я, — когда вы намерены быть в Ленинграде?

— Через год, — ответил он, — не раньше декабря.

— Черт возьми! Это меня чрезвычайно отдаляет от Ленинграда! А клуб Жака Паганеля без Жака Паганеля — это, согласитесь, как-то несолидно...

— Ничего не могу поделать, месье. Таков приказ.

Так я отправился в кругосветное путешествие. «Вперед же и без колебаний, — сказал я себе, — после многих лет затворничества в кабинете эта прогулка весьма кстати»...

ШЕРЛОК ХОЛМС: Позвольте вопрос, месье.

ЖАК ПАГАНЕЛЬ: Хоть двадцать вопросов, сэр, разговор с вами всегда будет для меня удовольствием!

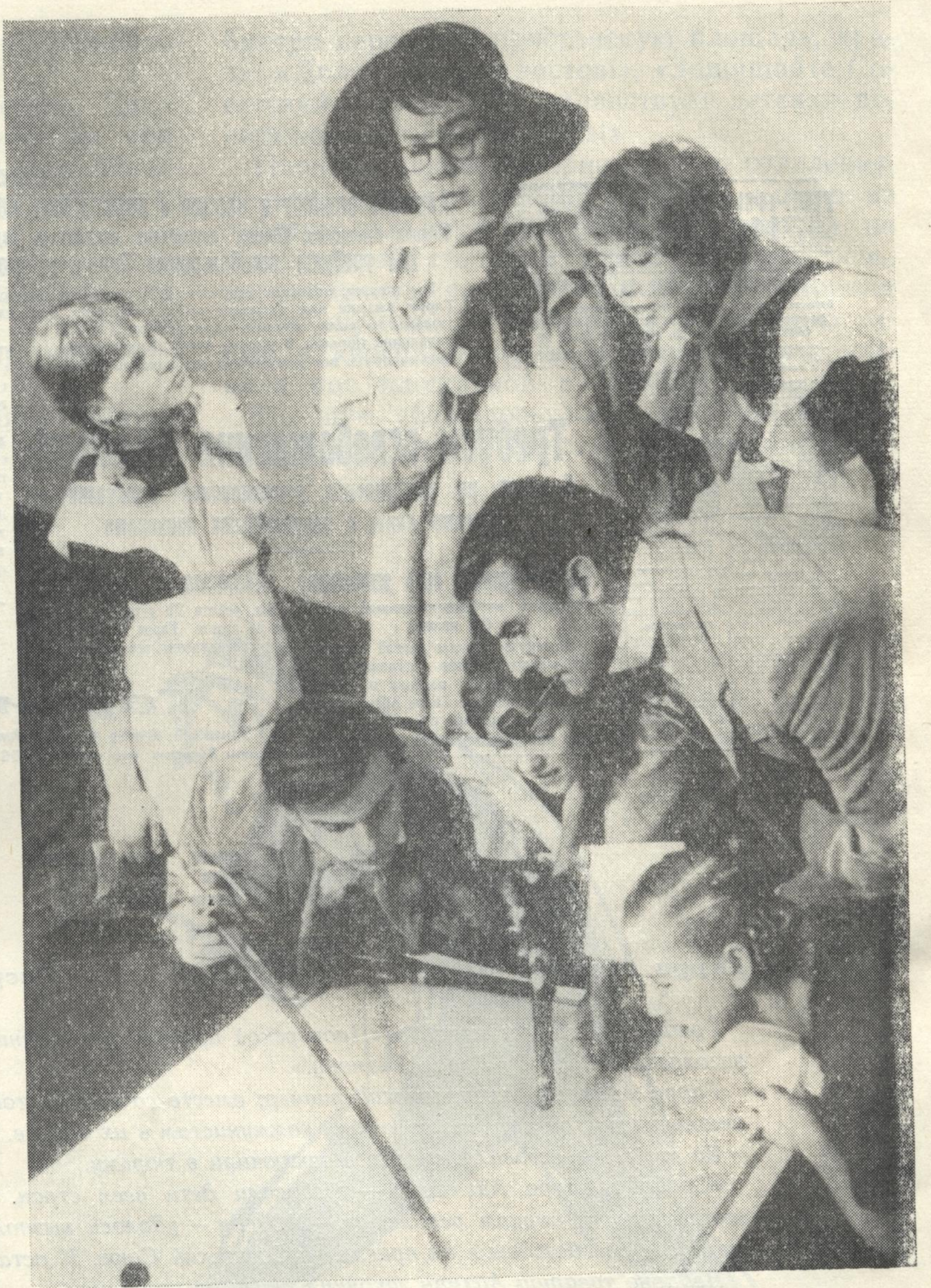
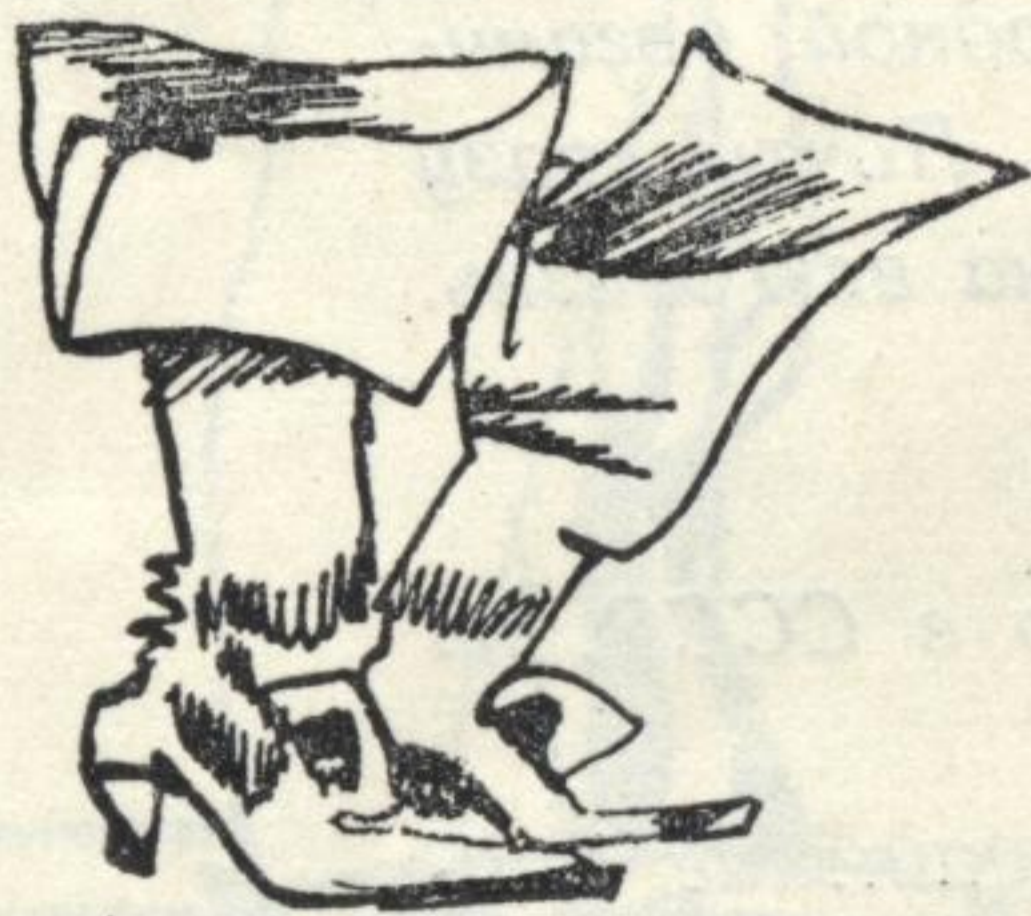
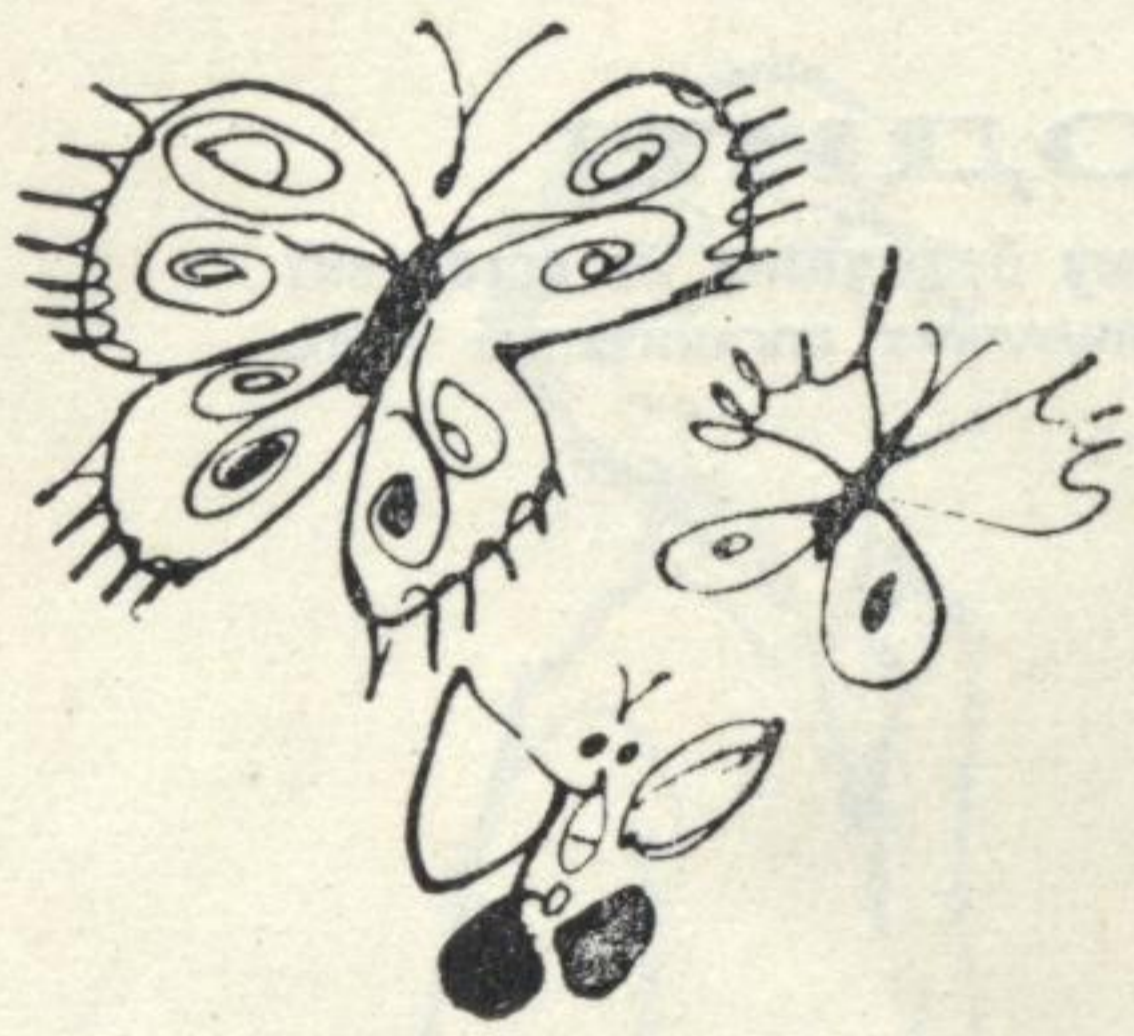
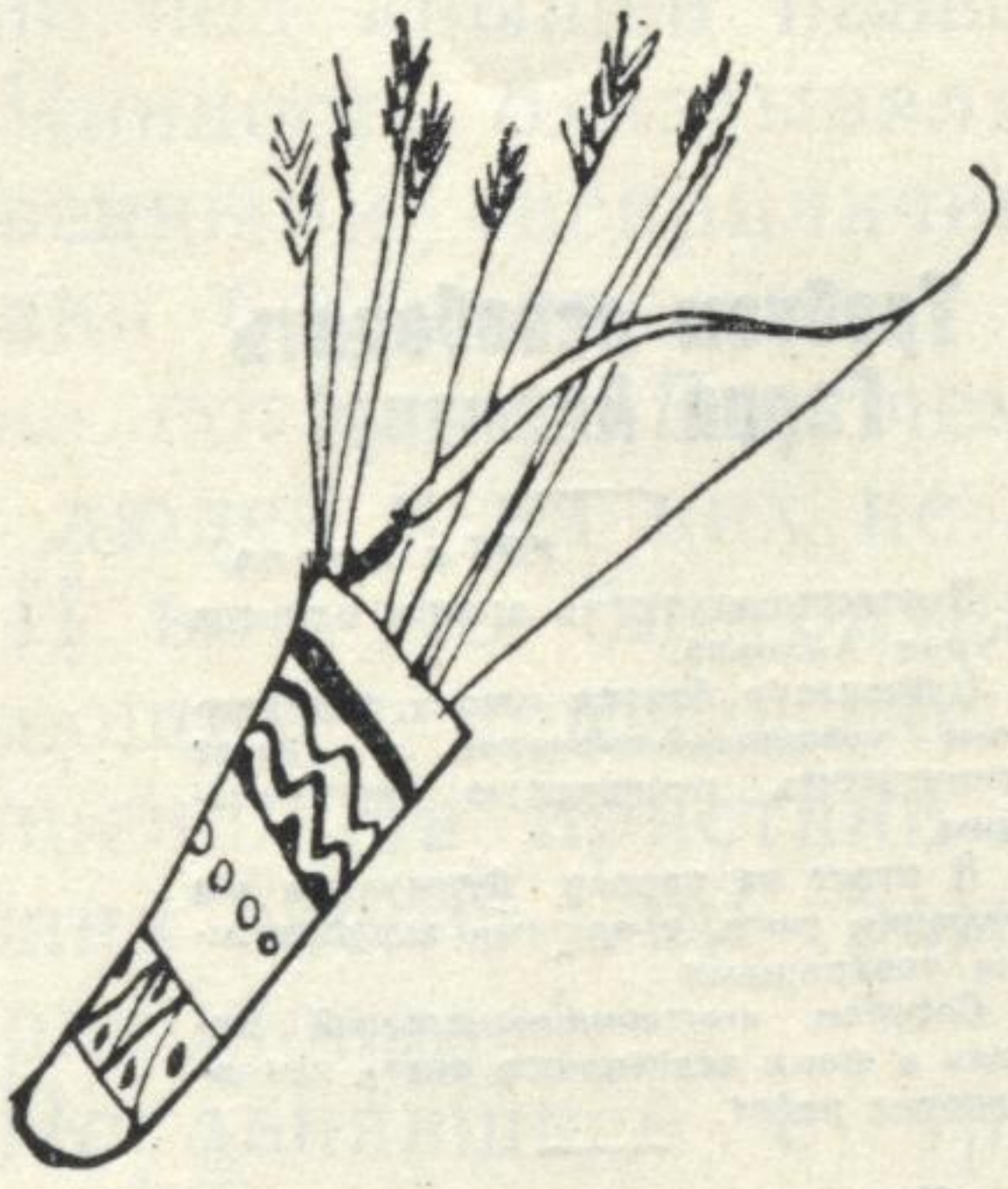
ШЕРЛОК ХОЛМС: Мы хотели бы увидеть вещественные доказательства того, что вы не теряли времени даром в этом вынужденном плавании. Тогда мы, пожалуй, простим вам опоздание...

ЖАК ПАГАНЕЛЬ: Какая прекрасная мысль!

Паганель позвонил по телефону, и ровно через полчаса два матроса с теплохода «Лермонтов» втащили в зал заседаний клуба большой ящик. Из ящика под бурные аплодисменты присутствующих были извлечены: бордажная сабля, пистолет и два кремневых мушкета с острова Кокос. Три очень красивые южноамериканские бабочки. Лук с девятью стрелами с берегов Новой Гвинеи. Дубовый руль от спасательного вельбота с корабля Крузенштерна «Нева». Четыре серебряных пиастра времен Филиппа Испанского, браслет из римских динариев и серповидная серьга из золотого дуката. Старинная пиратская карта с точным обозначением места клада. Ботфорты-матросские, пояс кожаный с пряжкой и медная пуговица от штанов конца XVII века. 117 прочих предметов, которые не могут быть перечислены за неимением места... Кроме того, Паганель передал в дар Клубу двенадцать обросших водорослями и ракушками морских бутылок, найденных им во время путешествия. Члены Клуба абсолютным большинством голосов приняли решение опубликовать на страницах «Костра» документы, хранящиеся в бутылках.

ЖАК ПАГАНЕЛЬ: А теперь, друзья мои, разрешите мне в свою очередь задать вопрос мистеру Холмсу. Как вам удалось отыскать меня?

ШЕРЛОК ХОЛМС: С помощью моих и ваших юных друзей, читателей «Костра». Пользуясь их советами, я быстро на-

пал на ваш след... Кстати, предлагаю наградить почетными дипломами Клуба самых верных моих помощников. Здесь Холмс стал произносить русские фамилии с таким трудом, что мы решили опустить эту часть его речи и просто опубликовать список награжденных.

Нина Виротченко, Волхов
Наташа Кивит, Кемерово
Клара Цигина, Камышин
Сергей Буяновский, Баку

Володя Гульдас, Одесса
Саша Чепуренко, Москва
Игорь Стаховский, Москва

Рисунки для Клуба Жака Паганеля в 1966 году выполнил художник Светозар Остров.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС!
И — ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ В 1967 ГОДУ!

ГАРРИ АЙЗМАН СНОВА ЗА РЕШЕТКОЙ!
Буржуазия боится пионеров. Она испугалась наших товарищам. Мы протестуем против ареста Айзмана. Мы требуем его освобождения! Выбрось Гарри от десантников ребят делегатов на Международном слете!

Мы требуем освобождения Айзмана! Буржуазия боится пионеров. Она испугалась наших товарищам. Мы протестуем против ареста Айзмана. Мы требуем его освобождения! Выбрось Гарри от десантников ребят делегатов на Международном слете!

Сегодня Гарри снова за решеткой! Мы требуем его освобождения! Выбрось Гарри от десантников ребят делегатов на Международном слете!

СОЕД. ШТАТЫ
Айзмана сажают в карцер и подвергают наказаниям
Объявив голодовку, Айзман потребовал прекратить издевательство
Мы требуем освобождения Гарри из тюрьмы!

Все письма, которые получает Айзман, он не читает. Он не отвечает на них. Он не говорит с кем-либо. Он не ест. Он не спит. Он не дышит. Он не живет. Он только существует. Он только дышит. Он только существует. Он только дышит. Он только существует.

Требуем освобождения Айзмана!

В ответ на выступление американской буржуазии — укрепим связь с зарубежными пионерами

Айзман — должен быть освобожден
Собирайте интернациональный взнос (22 школа)

Четвертые классы первой ступени протестуют против организации в Америке детской полиции и ареста активного пионера Гарри Айзмана. По всей школе сейчас проходит сбор интернациональной копейки. Все

Айзмана на свободу!

Мы, ребята 79 детского дома, узнав об аресте Гарри Айзмана, требуем освобождения его из тюрьмы.

Гарри не один

Узнав об аресте пионера Америки Гарри Айзмана мы члены 226 школы и работники пионерских организаций

Требуем освободить Гарри Айзмана!

206-я школа

Протестуем против ареста пионера Гарри Айзмана. Буржуазия боится наших зарубежных товарищей пионеров и хочет уничтожить пионерскую организацию. В ответ на террор буржуазии мы укрепим связь с нашими зарубежными товарищами. Соберем «интернациональный пятан» в фонд всемирного слета протестарских ребят.

Увеличим свои ряды

15-я школа

Арестим одного из передовых пионеров мира не задушить пионерского движения.

На арест Гарри Айзмана ответим вовлечением в пионерские ряды всех неорганизованных ребят.

Позор американским палачам!

192-я школа

Учким 192 школы протестуют против

АРЕСТ

Гарри Айзман

Рисунки А. Сколзубова

Тридцать семь лет назад в «Пионерской правде» и в «Ленинских искрах» появились заголовки: «Свободу Гарри Айзмону!»

Гарри Айзман — американский пионер; вместе со своими товарищами, нью-йоркскими школьниками, он помогал взрослым коммунистам в их борьбе.

За это его арестовали, судили и заключили в тюрьму.

«Свободу Гарри Айзмону!» — требовали дети всех стран. Международной организации помощи борцам революции — МОПРу — удалось вызволить Гарри. Почти сразу же после освобождения он приехал в Советский Союз. И остался у нас на всю жизнь.

Недавно товарищ Айзман закончил книгу воспоминаний.

Печатаем отрывок из нее.

Летом 1929 года нью-йоркская пионерия готовилась послать делегацию в СССР, на Слет юных пионеров.

В то же самое время в Лондон, на свой слет, собирались и американские бойскауты...

Бойскауты собрались на одной из самых больших пристаней Америки — нью-йоркской пристани № 54. Время шло к полудню. Пестрела чинная толпа провожающих. Пароход готовился к отплытию.

Был нестерпимый июльский зной. Пахло разогретой резиной, ацетиленом, смолой и нефтью. С моря дул ветер, но не приносил облегченья, потому что подхватывал тучи рас-

каленной пыли и швырял в лицо. Все краски блекли под слепящими солнечными лучами, все тускнело, сливаясь в мертвый серый цвет. Пассажиры и провожатые жались в тени. Все было почтенно и прилично: почтенны и приличны были пристанские служащие, воспитанны и приличны отъезжающие бойскауты, вполне прилично было название пароходной компании, и казались вполне почтенными

жирные пристанские голуби, лениво ворковавшие под крышей павильона.

Чинность охватывала всю пристань. Единственными «неприличными» людьми на пристани были грузчики, торопливо заканчивавшие погрузку. Впрочем, их никто не считал за людей и на них не глядели.

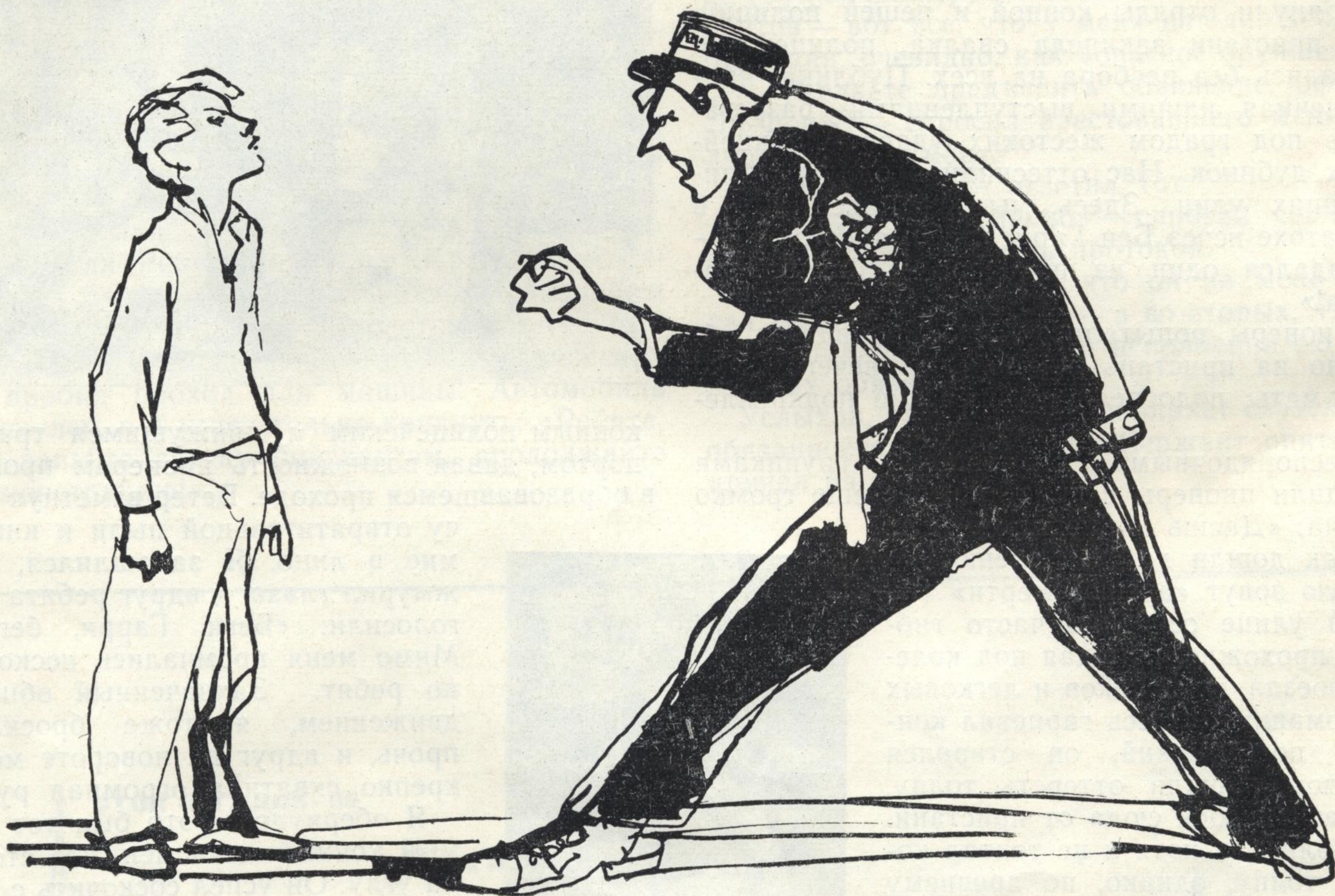
И вот это благодушное настроение отъезжающих и провожающих было внезапно нарушено. На пристани появилась шумная колонна ребят. Они громко и весело пели «Интернационал»!

Поравнявшись с трапом, ребята вынули спрятанные под блузами плакаты, на которых

быстро пересекли пристанскую площадь, крича: «Долой империалистов!», «Защитайте Советский Союз!», «Да здравствует детская делегация в Советский Союз!»

Пионеры дошли до пристанского отделения, и тогда Додо Мэликан, вожатый одного из отрядов нью-йоркских пионеров, вскочил на телеграфный столик и начал говорить речь, направленную против скаутов. Его прервали диким шумом. Толпа буржуа, со злостью забыв о «воспитанности» и «приличиях», осыпала нас площадной руганью.

На шум сбежалось множество зевак, пассажиров парохода, пристанских клерков, маль-

было написано: «Долой организаторов китайской бойни!», «Защитайте Советский Союз!», «Бойскауты, вас готовят к войнам!», «Не верь бойскаутам, вступай в ряды юных пионеров!»

Нарядно одетые чинные буржуа — родители и родственники отъезжающих бойскаутов — растерянно смотрели на пионеров. Ребята

чишек, вечно сленящихся по пристаням, каких-то моряков, портовых грузчиков.

Вслед за Мэликаном на столик взобралась пионерка Руфь Юккельсон, а потом я.

— Мы собрались, — начал я, — чтобы протестовать против бойскаутов, едущих в Англию, где организуется смотр будущих солдат

капитализма. Их готовят к боям против рабочих. Их готовят к войне против СССР...

Вновь поднялся страшный шум. Скауты кричали и свистели. От волнения у меня пересохло в горле, но я не сдавался:

— В ответ мы, пионеры, вскоре отправим свою делегацию в Советский Союз, чтобы передать приветствие от американских пионеров первой в мире рабоче-крестьянской стране... Долой бойскаутов! Да здравствует делегация пролетарских детей в СССР!

К концу моей речи толпа начала напирать на пионеров, и едва я успел спрыгнуть со стола, как его с грохотом опрокинули.

И все-таки пионеры еще пытались произносить речи, поднимаясь на плечи товарищей. Так было с Беном Гарпером, нью-йоркским руководителем пионерской организации, но он тотчас же смолк и спрыгнул вниз, потому что нагрянули отряды конной и пешей полиции. На пристани закипела свалка, полицейские кидались без разбора на всех. Публика, привлеченная нашими выступлениями, разбежалась под градом жестоких ударов полицейских дубинок. Нас оттеснили в одну из ближайших улиц. Здесь мы хватились, что в суматохе исчез Бен Гарпер. «Он арестован! — догадался один из пионеров. — Даешь Гарпера!»

Пионеры попытались было прорваться обратно на пристань, но об этом нечего было и думать: подоспели полицейские подкрепления.

Беспорядочными, смятенными группками уходили пионеры с пристани, все еще громко крича: «Даешь Гарпера!»

Так дошли до 11-й авеню, которую зовут «авеню смерти» (на этой улице особенно часто гибнут прохожие, попадая под колеса поезда, грузовиков и легковых автомашин). Здесь гарцевал конный полицейский, он старался крупом лошади оттереть толпу, докатившуюся сюда от пристани.

Полисмен хотя и не топтал коном толпу, однако, по древнему обычаю всех «блюстителей порядка», держался так, что каждый не повинующийся рисковал попасть под копыта лошади.

Из толпы по его адресу летели выкрики: «Долой палачей!», «Вон жандармов!»

Чтобы помочь маленьким пионерам перейти улицу без риска быть раздавленными автомобилем или лошадью, я встал между

конным полицейским и движущимся транспортом, давая возможность пионерам пройти в образовавшемся проходе. Ветер взметнул кучу отвратительной пыли и кинул

мне в лицо. Я закашлялся, зажмурил глаза, и вдруг ребята заголосили: «Беги, Гарри, беги!» Мимо меня промчались несколько ребят. Захваченный общим движением, я тоже бросился прочь, и вдруг на повороте меня крепко схватила огромная рука.

Я обернулся — это был тот самый конный полисмен, что стоял на углу. Он успел соскочить с лошади и погнаться за нами. Я пошатнулся от толчка его здоровенной лапы, но он, крепко держа меня за ворот сорочки, поволок по мостовой. Я вскрикнул и рванулся. Пионеры дружно бросились на жандарма. Он барахтался, словно медведь. От его пинков несколько человек отлетело прочь, однако остальные не отступали, они все же осилили

его и вырвали меня. Я помчался дальше. Полицейский снова настиг меня, но с помощью ребят я вырвался снова. Задыхаясь от бега, я почувствовал, что теряю силы, и бросился через дорогу. Полисмен схватил было меня, но я рванулся, и он чуть не попал под автомобиль. Наконец, он схватил меня в четвертый раз и, положив руку на револьвер, пыхтя, как паровоз, прохрипел: «Хватит, малый, отыгрались!»

Так я был арестован. Мы с ним шли по улице — огромный полицейский и я: он грубо тянул меня за руку, а в нескольких шагах сзади пионеры, не отставая, кричали: «Даешь свободу Гарри!», «Гарри — свободу!»

На углу жандарм втолкнул меня в маленький полицейский автомобиль. Пионеры окружили машину, продолжали скандировать: «Даешь Гарри!» Вдруг на подножку вскочил пробравшийся сквозь толпу другой полицейский и стал размахивать пистолетом: «Расходитесь!» — визжал он. Пионер Чарли Персели, мой близкий друг, воскликнул: «Стреляй!» — и обнажил свою грудь. Полицейский явно сдрейфил. Лоб его покрылся каплями пота.

— Стреляй, желтая собака! — снова крикнул Чарли. Ребята подняли страшный шум, защищая своего товарища, и оскандалившийся «бык» опустил руку с пистолетом.

К этому времени прибыл наряд полицейских и пробил проход для машины. Автомобиль тронулся, и я успел только крикнуть: «Ребята, не давайте спуску бойскаутам, продолжайте демонстрацию!»

В автомобиль, кроме нас, сели еще два полицейских. Всю дорогу они осыпали меня отборной руганью.

В участке, куда мы прибыли, начальство первым делом распорядилось отправить специальный отряд для усмирения «страшного бунта» у пристани. Потом начался разговор со мной.

— Имя? — проревел полицейский сержант.

— Айзман Гарри, — ответил я.

— Возраст?

— Четырнадцать лет.

— Где живешь?

— 1271, авеню Гоу.

— Пока хватит с тебя, — проворчал сержант и, обернувшись к полисмену, коротко приказал:

— Обыскать!

Осколок зеркала, фотографическая карточка группы пионеров и никелевая монета в пять центов — вот все, что у меня нашли. Зеркало отобрали, очевидно, как «опасное оружие».

— Желаете предъявить обвинение, офицер Ля-Форж? — спросил арестовавшего меня полицейский сержант.

— Да, желаю, — ответил тот.

— В чем же именно? — спросил сержант, приготовившись писать протокол.

— Во-первых, в том, что он на меня плевал, — сказал полисмен, — а во-вторых, что он избил палкой лошадь при исполнении ею служебных обязанностей.

Услышав, что лошадь «исполняет служебные обязанности», я фыркнул. Сержант опять закричал на меня:

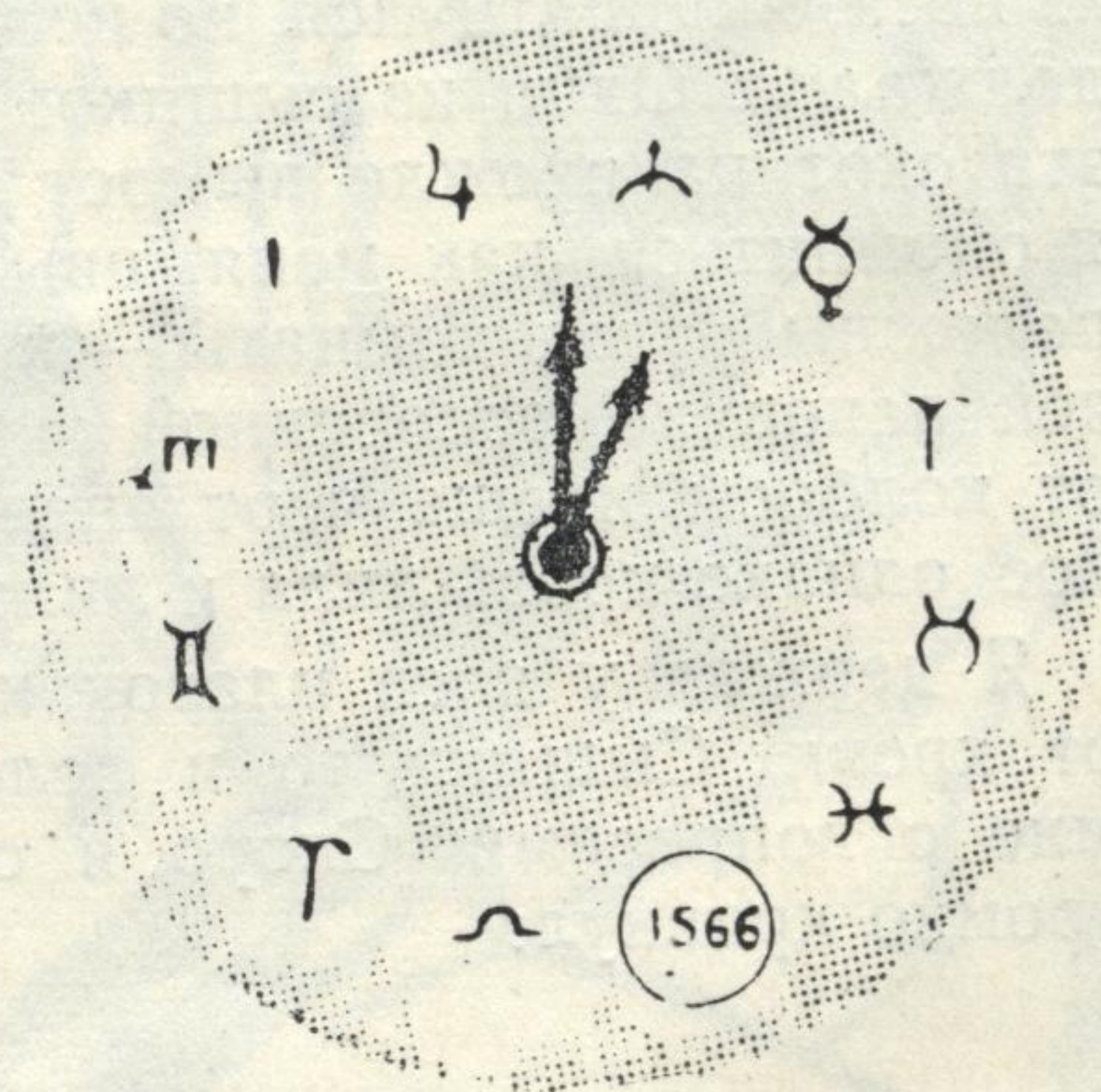
СТОЛ ЗАГАДОК-66

Задача первая

Повторяем рисунок «космического циферблата» с обложки. По кругу изображены двенадцать астрономических символов — знаков, которыми астрономы обозначают различные небесные тела и созвездия. Вспомните названия! Знак одной из планет Солнечной системы как будто составлен из двух цифр. Разделите большую из них на меньшую. То, что получится, разделите пополам. Готов результат! Занесите его в первый кружок.

Примечание. Запомните в названии этой планеты четвертую букву, она вам понадобится.

— Довольно, поганый крысенок! Мы тебе покажем, как оскорблять полицию и протестовать против скаутов!.. Живо, марш! — указал он на смежную каморку. Я вошел туда и сел на стул.

В каморку то и дело входили сыщики. Они спрашивали, где я родился, сколько мне лет и в какой демонстрации я участвовал. Все они грозили, что мне скоро предстоит отправиться путешествовать за счет «дяди Сэма», то есть что я буду выслан из США.

«Дядей Сэмом» называют американцы свое буржуазное государство, свою страну. У старых патриотических буржуазных писателей Америки «дядя Сэм» — это славный парень, с кошельком, набитым золотом. Однако его доброта к рабочим детям заключается главным образом в том, что одних он морит голодом, других устраивает в «уютные» детские тюрьмы, третьих посылает бесплатно «путешествовать».

Часа через два меня перевели из этой каморки в другую, еще более тесную и находившуюся где-то под лестницей.

Дверь захлопнулась. Я очутился перед рослым полицейским.

— Кто тебя послал на демонстрацию? — спросил он.

— Вот еще — послал! Захотел сам и пошел, — ответил я.

— Врешь! Говори, кто послал. Говори, хуже будет! — снова прорычал он с угрозой.

— Я уже сказал вам, что у меня своя голова. Меня никто не посылал.

И вдруг совершенно спокойно и почти ласково он задал тот же вопрос:

— Ну, не упрямясь же, парень, скажи, что тебе велят, и пойдешь домой.

Не поддаваясь на удочку, я повторил то же, что говорил раньше.

Видя свою неудачу, он пришел в ярость и с размаху ударил меня по лицу. Кровь хлынула из носа, я пошатнулся, но не упал. Допрос продолжался. Один из сыщиков крикнул: «Пусть эта скотина прежде вымоет рожу!» Не успел я опомниться, как меня швырнули в противоположный угол комнаты — к грязной и вонючей раковине, засоренной окурками, кожурой от колбасы и еще черт знает чем. Я смочил нос, однако кровь лила и лила.

Я держал у носа платок, красный и мокрый от крови. Сыщики то и дело приставали ко мне с вопросами. Скоро я совсем ошалел и громко крикнул:

— Больше никому ничего не скажу. Хватит! Буду говорить только на суде.

На это никто не обратил внимания, а один из шпигов повернул меня к себе и спросил: «А как тебе нравится флаг, который ветер колышет над твоей головой? И, не дав мне ответить, продолжал: «Ну, повторяй за мной», — и слово за словом, с расстановкой он стал произносить присягу: «Клянусь в верности флагу Соединенных Штатов Америки и республике, обеспечивающей свободу и справедливость всем гражданам...»

Я молчал, прижимая к носу окровавленный платок.

— Не желаешь?! — с угрозой воскликнул он, шагнув ко мне, но в этот момент вошел полисмен со словами: «Машина подана».

— Отлично! — проворчал мой мучитель и, ткнув пальцем в мою сторону, приказал: — Увести его!

Выходя из участка, я увидел Бена Гарпера и с ним еще двух пионеров, привезенных на допрос. Я знал, что их ожидает то же, что перенес и я, или, может быть, худшее, ибо они были старше меня.

В закрытый автомобиль рядом со мной посадили полицейского. Увидев окровавленный платок, он выхватил его у меня из рук, бросил в окно и проворчал:

— Он больше тебе не нужен!

— Не нужен? — переспросил я. — Разве эти негодяи так скоро отвяжутся?

Он разозлился и буркнул:

— погоди, скоро Америка отвяжется от таких негодяев, как твои друзья. Ты тоже, паршивец, бесплатно поедешь через океан.

Я все время старался разглядеть его номер, чтобы рассказать на суде о фокусе с носовым платком. Заметив это, он встряхнул меня и, прижав лицом к спинке автомобиля, прошипел:

— Ну-ка, теперь гляди на номер!

Но, в сущности, его не очень-то беспокоило, буду я знать его номер или нет, так как на суде полиция всегда отрицает нанесение побоев арестованным.

Мы остановились у здания предварительной тюрьмы для малолетних.

Когда я вошел туда, тюремщик, подтрунивая, вскричал:

— Гарри, здорово! Опять пожаловал! — и прибавил: — Видно, тебе понравилось у нас — чуть ли не каждую неделю заглядываешь!

Я рассмеялся, а мой конвоир воскликнул:

— А, так ты стреляный воробей!..

О. Рено

О. Аш

Железный
Клан

Ахуан-скап

Зурбаган

Кассет

Гель-Гью

СЕРЫЕ ГОРЫ

СОЛНЕЧНЫЕ ГОРЫ

Херам

Каперна

Лисс

Гертон

ДАККАР

ПОКЕТ

СЕРДЦЕ ПУСТЫНИ

КОЛОНИЯ
ЛАНФРИЕР

СИНИЙ КАСКАД
ТЕЛЛУРИ

ЛЕГЕ

Р. МИЛЕТ

Р. ТАВАСА

Сан-Риоль

КОМЕНВИЛЬ

ДОГТЕР
КОНТЕРВИЛЬСКАЯ
КОЛОНИЯ

КУНСТ-
ФИШ

Порт-Мель

Оз Бан

АКВИТАН

ЮЖНЫЙ
ПОРТ

В поисках Александра Грина

Владимир Сандлер

Вновь приехал я в этот далекий крымский город, окруженный рыжими холмами, в город великой тишины и необъяснимой печали...

Я снял в гостинице номер, выложил на стол пачку книг. Сколько раз я читал эти книги! Но каждый раз, открывая любую из них, я уже не могу оторваться. Временами мне кажется, что я их знал всегда, с тех пор, как помню себя, с тех пор, как начал читать. Я вжился в эти книги. Ведь в них описана целая страна со своими городами, дорогами, песнями, шутками, кораблями и матросами, героями и подлецами... Я мог бы рассказать, как пройти из одного города в другой, как найти нужную улицу, в какой лавке продается первосортный шелк и где можно купить рыбу, рассказать о капитанах и о том, какой груз предпочитает каждый из них...

Но все-таки было время, когда я не знал этих книг и даже не слышал имени человека, их написавшего.

Мне шел двенадцатый год. Я жил на Севере, в Воркуте.

Не так давно кончилась вой-

на, но мы, мальчишки, еще жили воспоминаниями о ней. Книжки, которые мне попадались, были о войне, да других я бы и не стал читать.

В тот зимний день утро не наступило. Чуть забрезжил рассвет, да так и не разогрелся. Низкие темные тучи осели над городом. Начинаясь пурга.

Я скучал. О том, чтобы выйти на улицу, нечего и думать: пурга валит с ног. Книжки стоят на этажерке, но все военные и про героический рейс ледокола «Седов» прочитаны по нескольку раз.

Входит соседка. Она уже знает о моем «несчастье», поэтому я сразу замечаю в руках у нее две толстые тетрадки в коленкорových переплетах.

— Прочти.

Она уходит, а я принимаюсь за чтение. Почерк ясный, почти каллиграфичный. В двух тетрадях переписаны какие-то «Алые паруса» какого-то Александра Грина. Все это имеет подзаголовок совершенно мне непонятный: «феерия».

Поначалу я читаю просто потому, что нечего читать. Но вот холодная комната, в которой я сижу в зимнем пальто, поджав ноги, начинает растворяться. Я читаю главу «Грей».

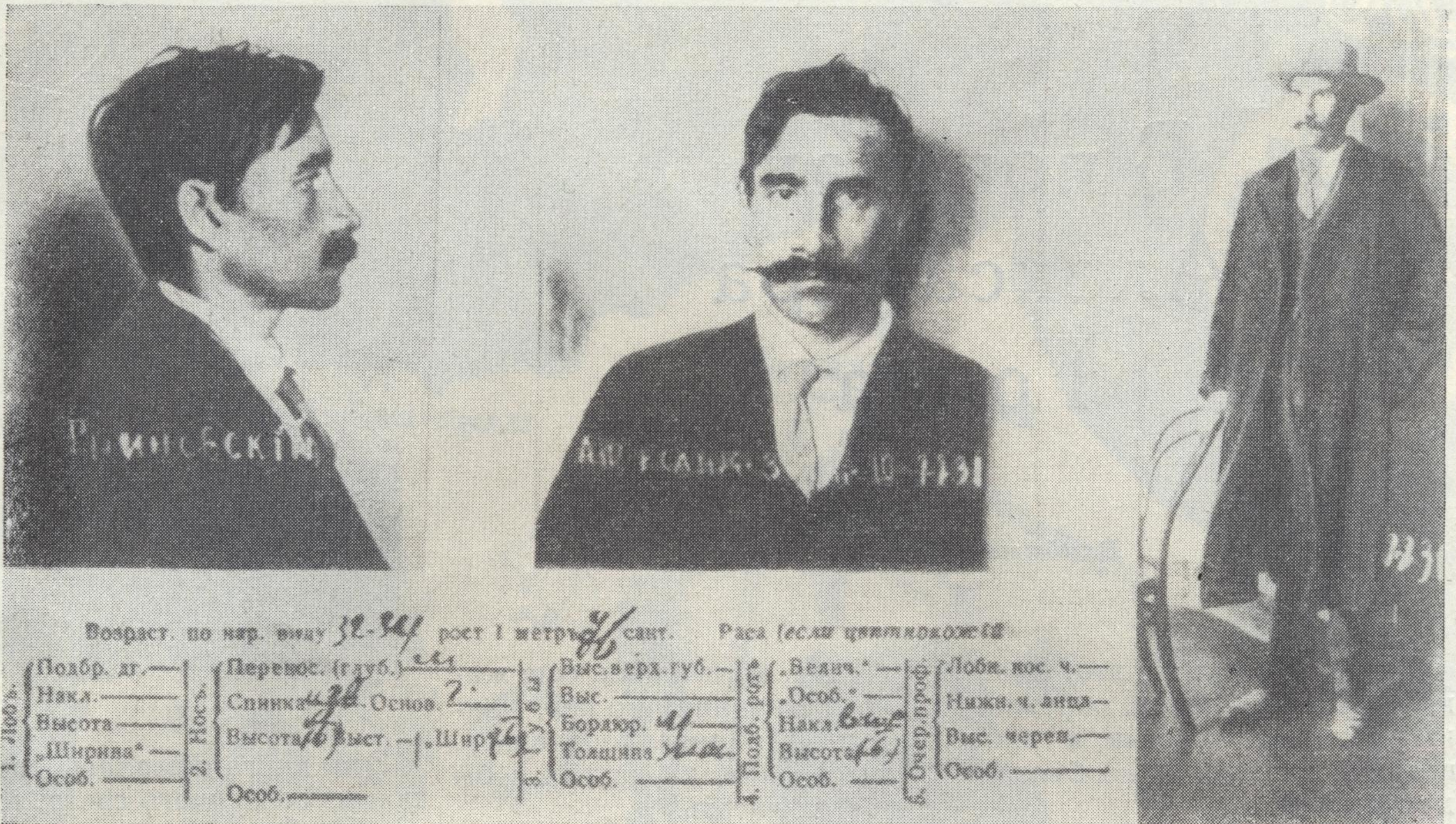

Эта книга казалась сотканной из солнечного света, тепла, радостей, улыбок и легкой грусти. Она звала и торопила. Я сам был Артуром Греем, капитаном стремительного «Секрета». Струя пены, отбрасываемая моим кораблем, «белыми чертами прочертила моря и океаны, гасла и возникала в блеске вечерних огней и разноязычных гаваней и портов».

Это я — Грей нашел спящую Ассоль, купил алый, как заря, шелк, это моему кораблю с алым разливом парусов салютовал крейсер могучим залпом, это меня ждала девушка, стоя «среди пустоты знойного песка, растерянная, пристыженная, счастливая, с лицом не менее алым, чем ее чудо, беспомощно протянув руки к высокому кораблю».

Мог ли я знать тогда, что этим местом феерии, именно феерии и ничего другого, восхищался Горький; мог ли я знать тогда, что в Ленинграде, в 1943 году, в страшные дни блокады, артистка Чернявская читала по радио «Алые паруса», и люди, видевшие смерть, плакали, слушая повесть о том, как надо ждать, как надо надеяться.

Художник С. Остров нарисовал карту «Гринландии» — страны, которую описал А. С. Грин в своих повестях и рассказах.

Фотографии А. С. Грина из архива охраны

Так познакомился я с книгой удивительной любви к людям, доброты, мудрости и печали. Так вошел в мою жизнь Александр Грин.

Грин написал много книг, книг солнечных, жизнерадостных, дерзких. Герои его, отважные мечтатели и фантазеры, бороздят моря на стремительных кораблях. Они хорошо знают, что такое дружба, любовь, верность и «вовремя сказанное нужное слово».

Книги Грина учат мечтать, понимать красоту мира, учат ненавидеть все грубое, пошлое и злое, учат побеждать.

Вот почему, когда я стал старше, мне захотелось узнать все о человеке, чья книга потрясла меня в детстве.

Прежде всего необходимо было выяснить, сколько всего произведений «числится» за А. Грином.

В систематическом каталоге Публичной библиотеки длинная вереница карточек поначалу ошеломила меня. Но отступить

было поздно. Я принялся за чтение.

Все хотелось сделать самому, ни у кого ничего не спрашивая, а получалось так, что я тратил массу времени на совершенно непроизводительный труд.

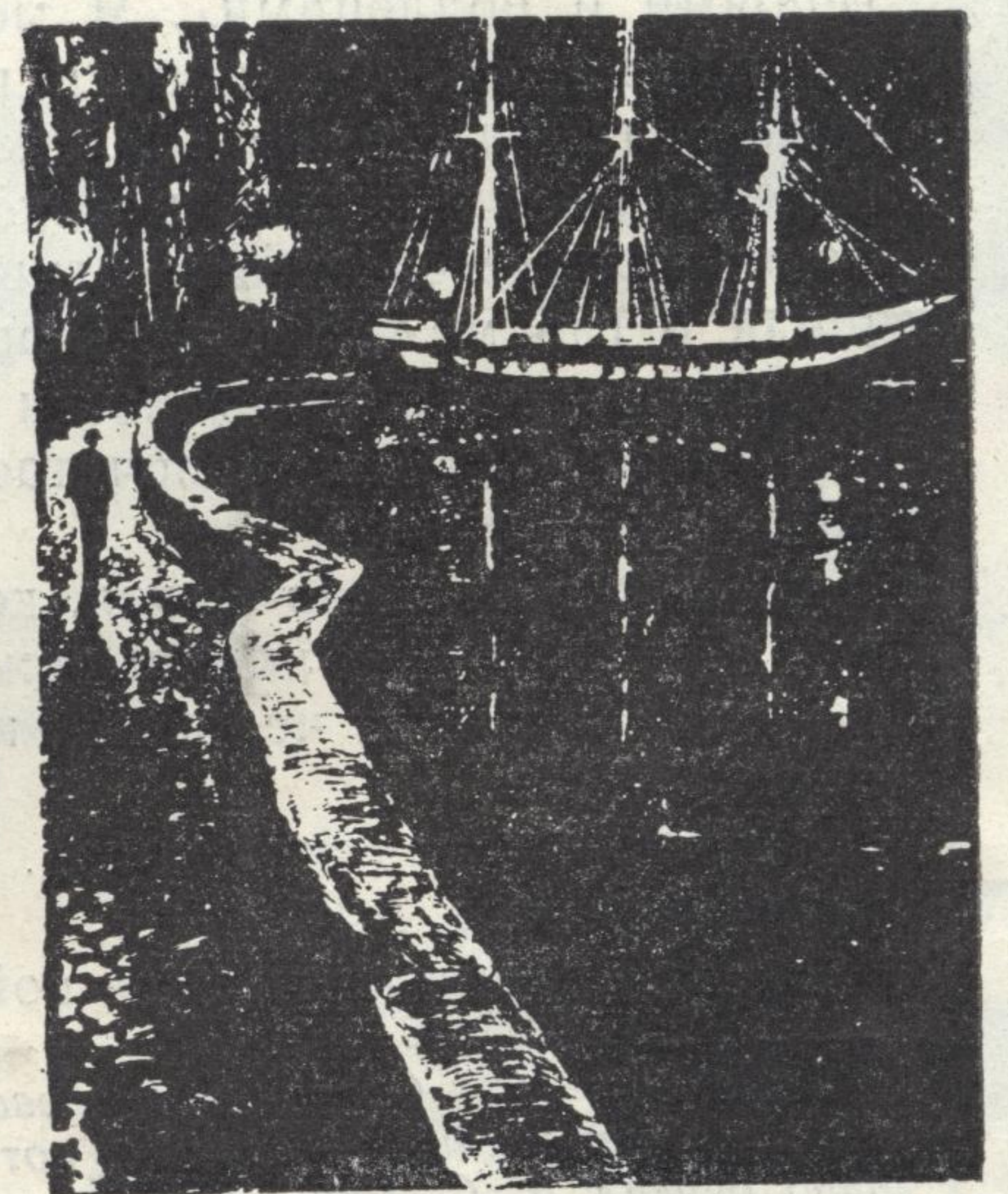
Поначалу я вообще ничего не записывал, полагаясь на память. Но пришло время, когда стало ясно, что самая совершенная память просто не в состоянии удержать все необходимое. Я начал составлять карточки, завел рабочие тетради.

И вот как-то попала мне книжка автобиографий советских писателей, изданная в середине двадцатых годов. Там была такая фраза: «Всего мной написано и напечатано (считая еще не вышедшие книги) около 350 вещей», — это написал Грин. Это из его автобиографии.

Можно было не только удивиться, но даже поразиться. Соображаю: автобиография написана в 1926 году, во всех книгах Грина, изданных до 1932 го-

да (год смерти писателя), едва ли наберется 200 рассказов, значит, почти 150 новелл раскидано где-то по газетам и журналам, и их надо найти.

Вот тогда-то я впервые по-настоящему почувствовал, что мне предстоит. И испугался.

Иллюстрации С. Бродского

Увидел себя со стороны, увидел, как я смешон со своими скудными познаниями рядом с тем, что мне действительно нужно было знать. А знать мне надо было внушительно много: время, эпоху, в которую жил Грин, знать все о людях, с которыми он встречался, знать все, что писали о Грине, и, наконец, предстояло разыскать те 150 рассказов, которые не вошли в книги.

Было чего испугаться.

Начал с архивов. Просматривал письма Грина, его рукописи, везде стараясь отыскать названия газет и журналов, в которых можно найти его рассказы. Проверял десятки имен. Каждое новое имя, название заносилось на карточку и тщательно проверялось. Попутно пришлось для себя написать жизнь Грина, где он бывал, куда выезжал, куда его отправляли жандармы (с ним не раз случалось такое), с кем встречался. Такой свод значительно облегчал поиск.

Потом в архиве я нашел заявление Грина от 1931 года, где он сообщает, что им написано свыше 500 произведений. Значит, надо разыскать не 150,

а более 300 забытых вещей Грина.

Если уже известен журнал или газета, техника поисков не сложна, надо быть только внимательным.

Например: где-то у Грина есть указание, что он печатался в таком-то журнале. В библиографии периодических изданий узнаете, что журнал выходил в Петербурге с 1909 по 1917. В эти годы, за исключением нескольких не слишком продолжительных отлучек и длительной ссылки в 1910—1912 гг. в Архангельскую губернию, Грин жил в Петрограде. По письмам известно, что из ссылки он отправлял рассказы в столичные издания. Значит, надо просмотреть все номера журнала с 1909 по 1917 год. Не советую доверять оглавлениям. Автор мог напечатать маленькую корреспонденцию, а журнал «забыл» указать это в оглавлении.

И все же наступило такое время, когда все журналы, газеты, альманахи, сборники, ссылки на которые я нашел у Грина или близких ему людей, были просмотрены. А найдено немногим более половины. Забытыми, «потерянными» оказались не только рассказы, но и стихи, юморески, басни, сказки... Тогда я составил список всех журналов и газет, выходящих в Петербурге — Петрограде — Ленинграде с 1907 по 1932 год (в 1906 году Грин появился в Петербурге и с конца года начал печататься). В России издавалось несметное множество всяких журнальчиков и газеток, которые после одного-двух номеров прекращали существование.

Помню такой случай. В 1959 году в маленьком украинском городке Тульчине я купил у старушки журнал с очерком Грина. Обложки на журнале не было и определить, какой это журнал, какой номер, казалось, не было возможности. На мое

счастье журнал поместил рассказ «Мой первый аэроплан» Герберта Уэллса.

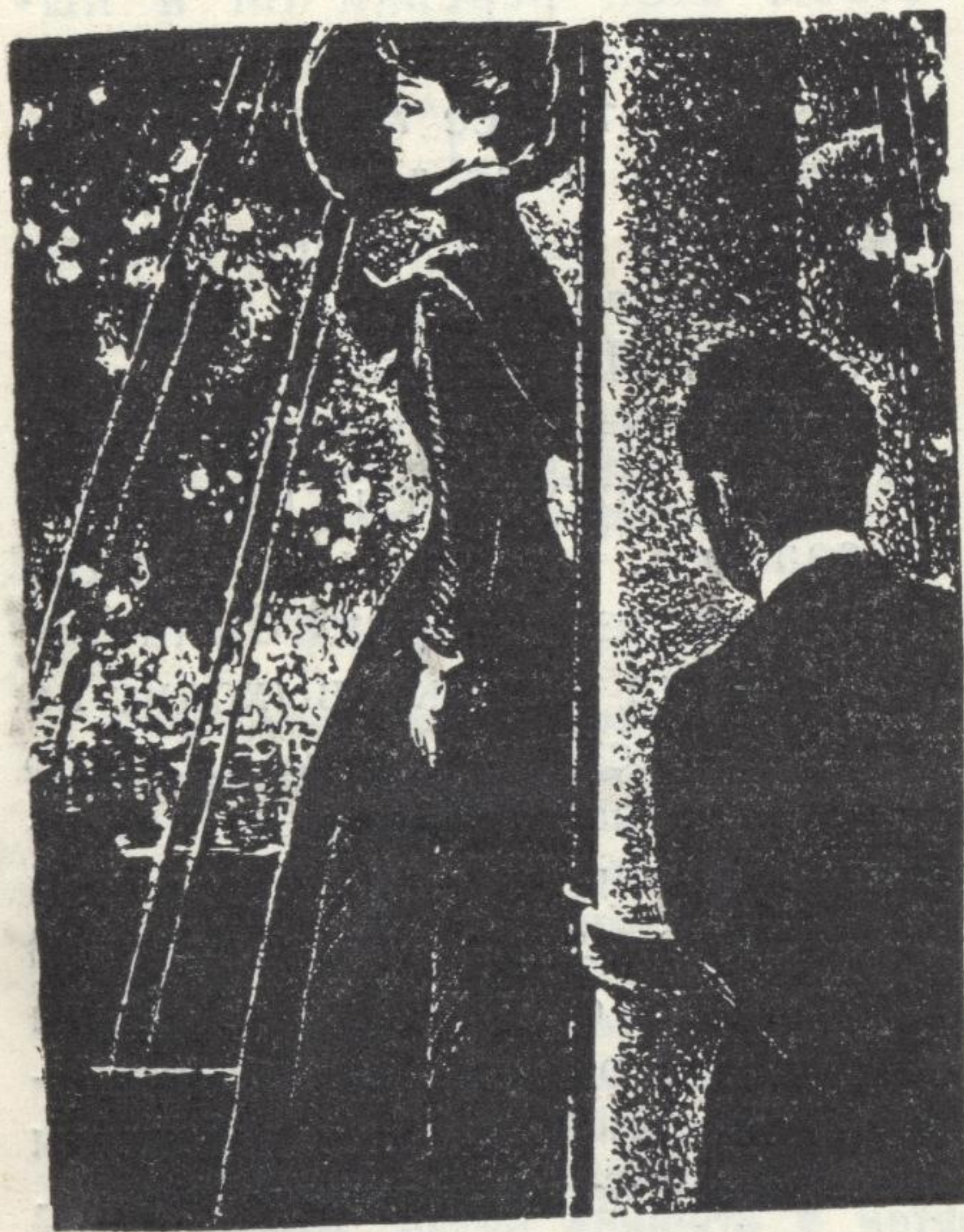
В Публичной библиотеке с давних пор ведется картотека произведений зарубежных писателей. В каком бы маленьком журнале ни был напечатан рассказ иностранного автора, он безусловно есть в картотеке. Так и Уэллс «помог» обнаружить, что купленный мною журнал — «Вселенная» № 2 за 1910 год.

Но журналы помогают найти не только рассказы.

О том, что у Грина были псевдонимы — В. Клемм, Э. Моравская, Александров, Степанов, — я знал. Знал и вещи Грина, подписанные Моравской и Клемм. Но попробуйте найти произведения Грина, подписанные Александровым и Степановым. Фамилии так распространены, что затея кажется бесполезной.

Помог случай. Необычный, но случай. Я переснимал рассказы Грина из журнала, старого, уже знакомого, в который я заглядывал десятки раз. Я отснял нужный мне рассказ и хотел перевернуть страницу, как вдруг взгляд мой упал на слово «Зурбаган». Ни у кого в русской литературе, кроме Грина, не было такого названия, ибо Зурбаган — город его удивительной выдуманной страны. Рассказ назывался «Охота на Марбруна», подписан: Александров. Я прочел рассказ. Сомнений быть не могло — это Грин. И самое поразительное — он стоял рядом с другим рассказом, подписанным: А. С. Грин. Я лихорадочно начал просматривать журнал с начала года и встретил еще три рассказа, подписанных Александровым, и все три несомненно принадлежали Грину.

Грин не однажды подвергался арестам и ссылкам. Вообще для охраны этот писатель был человеком весьма хлопотным. Меня все время не покидала

к роману „Бегущая по волнам“

Пинега — место ссылки А. С. Грина

мысль: если Грин пользовался таким «расположением» жандармов, то где-то должны сохраниться об этом документы.

Большая часть архива охранного отделения сгорела во время революции: сжечь его пытались сами жандармы. Но кое-что из архива все же уцелело.

И вот я в Москве в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Вот самый первый рассказ Грина «Заслуга рядового Пантелева». Вслед за рассказом мне попала «тетрадь» записей жандармов о слежке за Грином. Записи были сделаны в 1914 году. Избрав объект для наблюдения, жандармы прежде всего давали человеку кличку. От подлинной фамилии Грина — Гриневский они отняли три первые буквы — «Невский».

Вот первая страничка записи от 3 сентября 1914 года. (Кстати, правил русской грамматики для шпигов не существовало).

«В 12 часов дня вышел из дому и по указанию надзирателя регистрационного бюро Занчихина был взят под наблюдение по выходе отправился на

Лиговский проспект в дом 19, где главная контора журнала «Геркулес» пробыл 10 минут вышел и отправился на Невский пр., где встретился с неизвестным господином, с которым прогуливался по Невскому проспекту, расставаясь неизвестный отправился под наблюдением Васильева, а Невский пошел по Невскому пр. д. 81 в подъезде, где помещаются меблированные комнаты «Белград» пробыл 30 м. вышел и отправился на Невский д. 96 в подъезд, где тоже помещаются меблированные комнаты «Север» пробыл час вышел и тут же встретился с неизвестным мужчиной, с которым поговорил немного, расстался. Неизвестный пошел без наблюдения Невский отправился на Владимирский пр. д. 16 во двор, где имеется столовая пробыл 30 м, вышел пошел по Владимирскому пр. д. 1 в парикмахерскую, постригся и побрился по выходе отправился по Невскому пр. д. 96 в булочную купил булок и возвратился домой. Больше выхода не видели».

Что же дала эта находка? В этой записи для меня самое ин-

тересное было упоминание о журнале «Геркулес», где в дальнейшем удалось найти много неизвестных произведений Грина.

Вот другой документ из архива охраны — рапорт начальника тюрьмы севастопольского градоначальства товарищу прокурора симферопольского окружного суда:

«Содержащийся под стражей во вверенной мне тюрьме за ротмистром отдельного корпуса жандармов Васильевым арестант, именующийся Александром Григорьевым (у Грина, бежавшего в ноябре 1902 года из солдатчины, был паспорт на имя Александра Степановича Григорьева, мещанина из города Пензы. — В. С.), покушался 17 сего декабря на побег из тюрьмы при следующих обстоятельствах: гуляя около двух часов дня в тюремном дворе у выхода из тюрьмы под присмотром тюремного надзирателя Дунюшкина, он, проходя по направлению к банному двору, сбросил с себя пальто и быстро пробежал в этот двор к стене ограды, через которую висела веревка, переброшенная через стену неизвестным пособником к побегу его; посредством этой веревки он и пытался бежать, схватив за один конец ее, стал ее тянуть к себе, вытягивая ее во двор. Но у самой стены был схвачен тюремными надзирателями Дунюшкиным и Лавриновым.

Произведенным осмотром местности покушения на побег оказалось, что часть стены ограды, через которую была переброшена веревка, выходит на глухую местность, проходящую между тюремной оградой с одной стороны и между оградой арестного дома и городской больницы с другой. Веревка эта имеет около 27 арш[ин] длины и около $\frac{1}{2}$ дюйма толщины с узлами через каждые $\frac{3}{4}$ аршина и за оградой в той мест-

ности, где она была переброшена, поднят лист оберточной бумаги (толстой), в которой она была, очевидно, принесена на место предположенного побега».

Помощь в побеге Грину оказали его друзья по революционной работе среди войск и флотских экипажей черноморского флота.

...Так и не уснуть было в ту темную сентябрьскую ночь.

Едва рассвело, я вышел из гостиницы и пошел на маленькое старокрымское кладбище. Город еще спал. Удивительная тишина стояла кругом. Даже петухи, эти голосистые вестники утра, почему-то молчали.

Я открыл скрипучую калитку и прошел по плотно утрамбованной дорожке, которая вела прямо к могиле Грина. Раскидистая крона дикой сливы уютно укрыла ее. У изголовья

стоял небольшой плоский камень. На нем был нарисован корабль с красными парусами.

В эту минуту вошло солнце. Первые лучи, пробившись сквозь сложное переплетение ветвей, легли к подножию памятника, и паруса корабля вспыхнули алым цветом — цветом ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЕЧТЫ, которая обязательно сбывается.

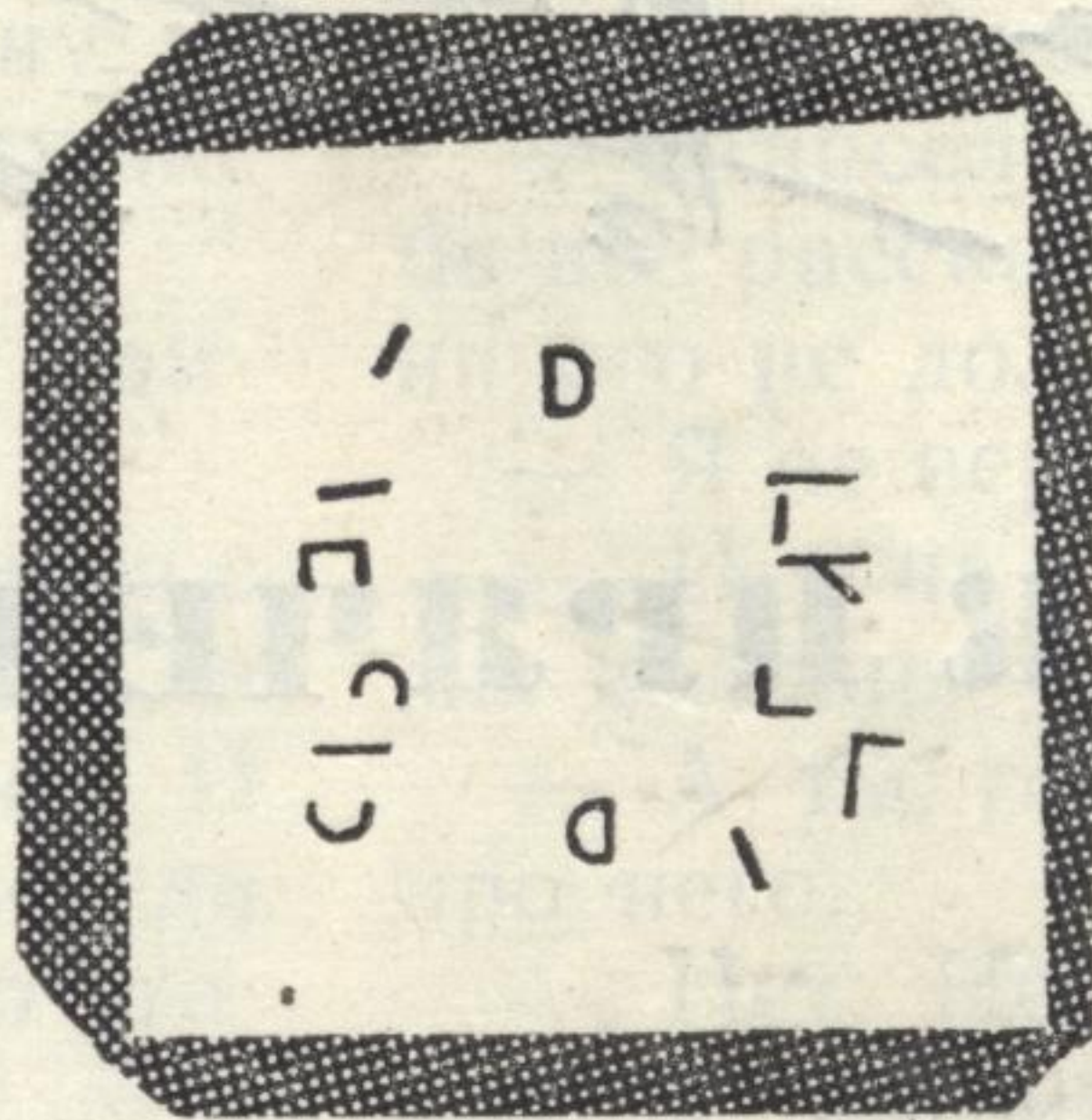

СТОЛ ЗАГАДОК-66

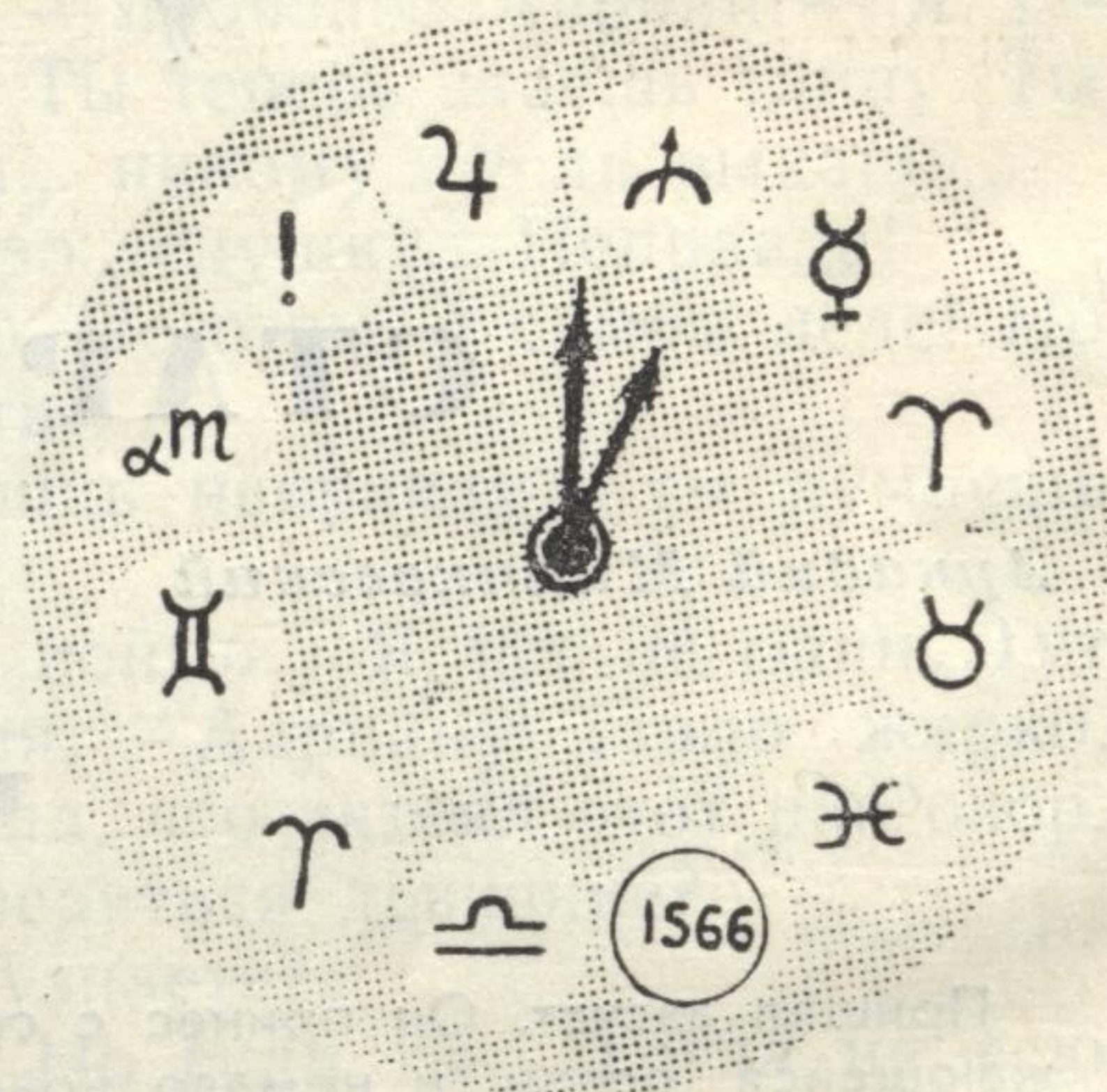
Задача вторая

Перенесите рисунок на кальку, дважды сложите квадратик с угла на угол (по диагоналям). Получится треугольничек. Посмотрите его на свет.

Готово! Результат занесите в одиннадцатый кружок.

Задача третья

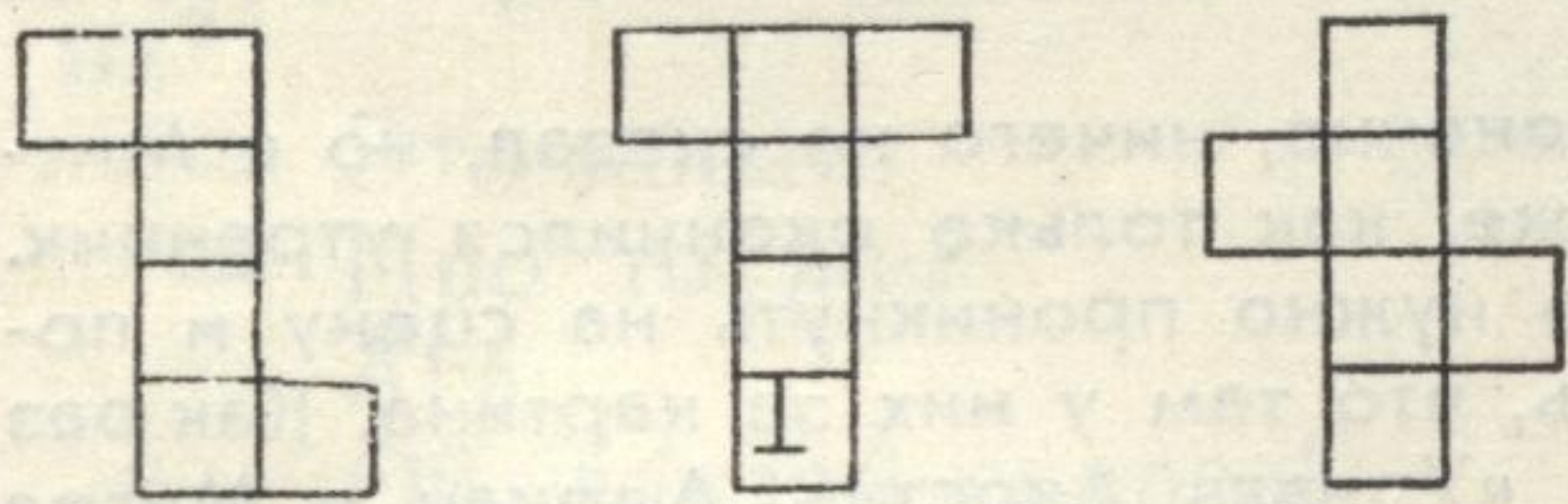
Задача четвертая

Этот кубик находится в зеркальном углу — вы видите сам кубик и два его отражения.

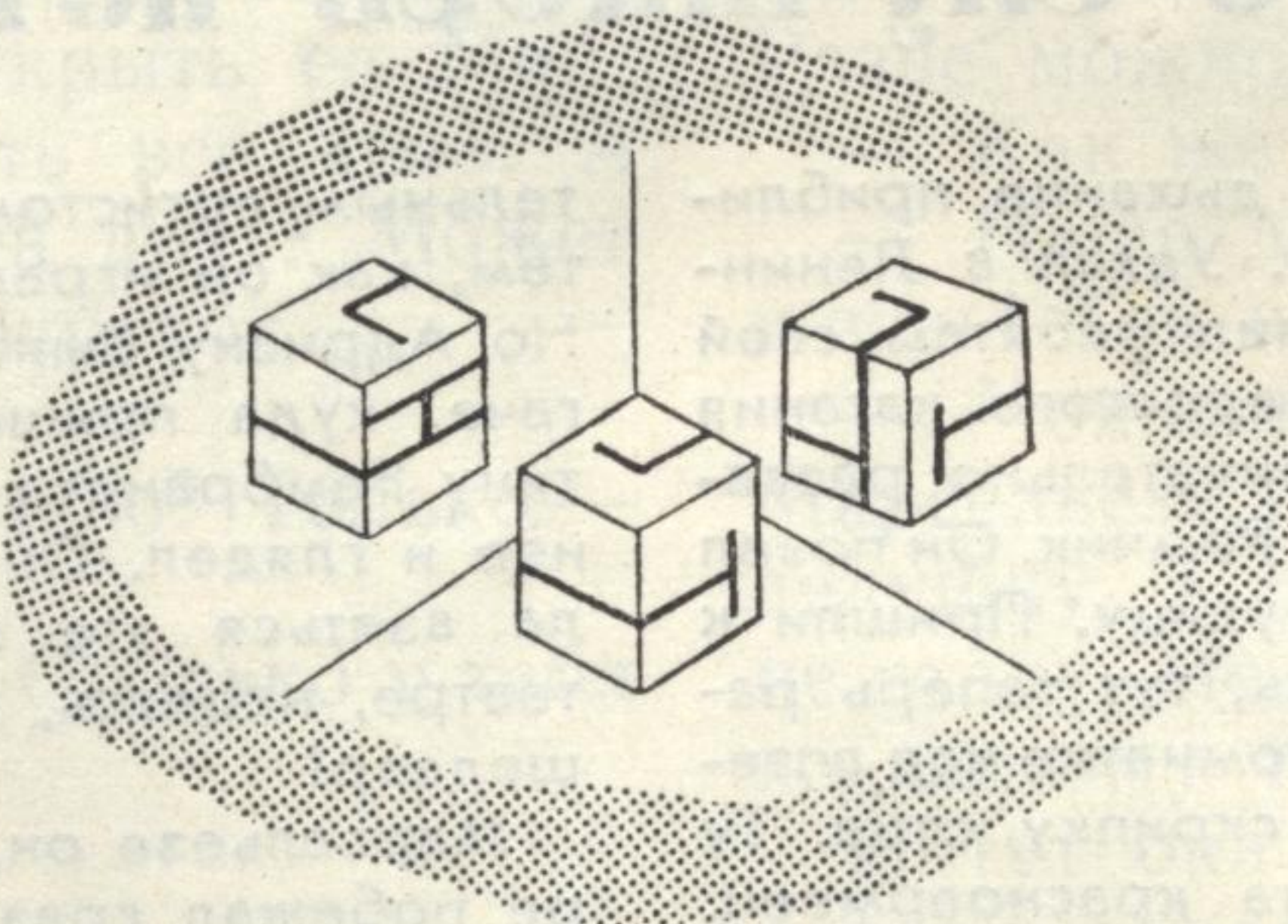
Сообразите, что изображено на развертке кубика.

Развертки могут быть разные.

И такая: И такая: И такая:

Выберите из них ту, которая имеет форму буквы, запомненной вами по условиям первой задачи.

Выбрали развертку! Определите, что на ней изображено.

У вас должна получиться буква латинского алфавита. Ее порядковый номер в алфавите впишите в седьмой кружок.

Предупреждаем: трудная задача. Чтобы ее решить, понадобится заглянуть в учебник астрономии или в Детскую энциклопедию.

Расшифруйте все знаки «космического циферблата». Первые буквы названий небесных тел составят фразу.

С какой буквы начинается фраза, покажет стрелка, а где восклицательный знак — там конец.

Сколько слов в этой фразе!

Сосчитали!

Результат занесите в третий кружок.

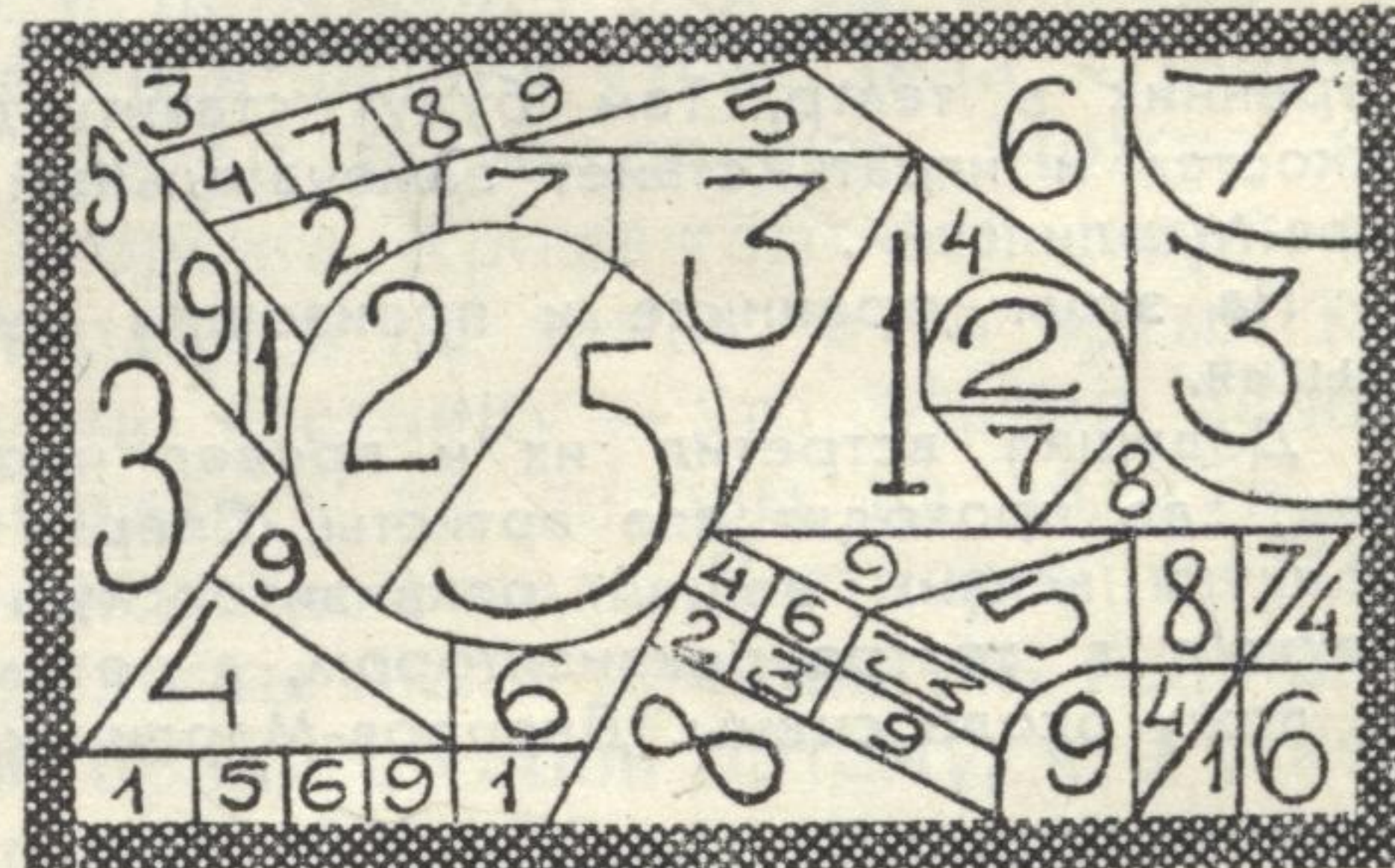
Задача пятая

Напишите столбиком — одно под другим — следующие слова:

1. Электровакуумный прибор с тремя электродами. 2. Советский художник, мастер пейзажной живописи (его кисти принадлежит выдающееся полотно «В голубом просторе»). 3. Богиня жизни, покровительница плодородия в мифологии древнего Египта. Теперь обратите внимание на первые и последние буквы строк и... разность обоих чисел впишите в четвертый кружок.

Задача шестая

Число, которое в этой таблице встречается реже всех других, нужно вписать во второй кружок.

СТАРИК ПРЯЧЕТСЯ В ТЕНЬ

Аркадий Минчиковский

Рисунок Ю. Шабанова

Что случилось потом

Пришел август. Он принес с собой дыхание приближающейся осени и немало новостей. Уехал в Ленинград Валентин. На прощание он оставил ребятам свой женский велосипед, который, после недолгого катания на нем всей улицей Профсоюзов, окончательно развалился. Однажды на голубятню явился Ромчик. Он позвал Адриана и Митрю на малознакомую улицу. Пришли к аптеке № 3 Губздравотдела. Оказалось, тут теперь работала мама Ромчика, а жили они в комнатке над аптекой. Там Ромчик показал им старую скрипку отца. Ту самую, которую привез им с фронта красноармеец. Ромчик сказал, что скоро он на ней будет учиться играть. О своем дяде Сожиче Ромчик не хотел даже и говорить.

Вернулась из деревни Марсельеза. Загорелая, с исцарапанными ногами. Адриан побывал у нее дома, в маленьком садике. Теперь уже можно было ей рассказать, как ловили авантюристов, а наткнулись на копию знаменитой картины. Марсельеза ахала и жалела, что настоящего Рембрандта так и не нашли. Потом пришел ее дедушка и сказал, что в воскресенье возьмет их на утренник в театр. Там будут ставить драму «Уриэль Акоста» и играть станет замечательный трагик Днепров-Марлинский.

На этом утреннике и произошли невероятные события.

Дедушка встретил их и провел через служебный ход, где проходят все артисты. Сперва показал свою полную всяких вещей реквизиторскую комнату — он служил в театре реквизитором, а потом проводил их в ложу около сцены. Днепров-Марлинский был удивительным

артистом и все в зале и в ложах восхищались тем, как он играл несчастного Уриэля. Многие плакали. Но Адриану было не до слез. На сцене, во дворце богача, куда пришел Уриэль Акоста, Адриан увидел картину Рембрандта «Старик со свечой». Адриан только на нее и глядел. Он прямо сходил с ума. Откуда тут могла взяться эта картина? Неужели ее кто-то прячет в театре, надеясь, что никто не догадается, что это за шедевр?

Марсельезе он, конечно, ничего не сказал, но к Митре побежал сразу же, как только окончился утренник.

Митря решил, что нужно проникнуть на сцену и потихоньку поглядеть, что там у них за картина. Как раз вечером опять шел «Уриэль Акоста». Адриан и Митря в антракте проскочили в зал, дождались конца и спрятались под скамейками. Когда зал замер, они пошли на сцену и стали смотреть по сторонам. Но ничего, кроме старых декораций, на сцене не увидели, зато напоролись на какого-то дядьку в светлом костюме. Убежать было нельзя и они сказали, что хотели посмотреть театр. А высокий дядька в белом костюме оказался не кем иным, как самим Днепровым-Марлинским. Он посмеялся и стал рассказывать мальчикам про театр и показывать его. Он водил их по коридорам и завел даже в свою актерскую уборную, где одевался и гримировался для сцены. Адриан во все глаза глядел, нет ли где-нибудь картины, но увидеть ничего не мог.

Когда покидали театр, он все-таки решился и спросил гастролера, где в театре держат картины.

Днепров-Марлинский удивился, зачем это Адриану нужно, но сказал, что картины это «реквизит» и находятся они в реквизиторской под замком, а ключ у старичка Константина Игнатьевича.

Потом гастролер отвез их на извозчике до самой

Окончание. См. «Костер» №№ 10—11, 1966 г.

улицы Профсоюзов. Как только он укатил, Митря таинственно сказал:

— Ну и хитрый старикашка. Здорово запрятал. В театре, а?! И не догадаться.

— Кто запрятал?

— Как кто? Дед Марселин, Константин Игнатьевич — реквизитор. Ясно, он. И фамилия на «С» — Сазонов, и богачом он тут и был, или не соображаешь?..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Просто беда, до чего не повезло Адриану! Сперва эта история с Ромкиным дядькой, который оказался таким хитрецом. Теперь и того хуже — Марсельезин дедушка. Такой славный, никого не обманывает, пишет там что-то у себя в домике — Адриан видел — по вечерам. Бегаёт по улице в своей крылатке, как колокольчик на тоненьких ножках. Неужели он?! Митря, так тот прямо убежден, что дед затаился и ждет международных агентов, которые приедут к нему за шедевром. Но Адриану не верилось. Ну зачем Марсельезиному дедушке такие деньги? Что ему нужно?

И все-таки все сходилось на дедушке. Сомнений не было.

А тут, совсем некстати, Адриан встретился с Марсельезой. Она позвала его к ним в сад, а он — вот уж не надо бы — почему-то пошел. И опять сидел на бамбуковом диванчике, да еще щелкал каленые орехи, которыми его угощали.

Адриану было просто не по себе от тайны, которая его распирала. Но открыть ее Марсельезе — можно было погубить все дело. А если скрыть, то какой же он ей друг? Может быть, все-таки рассказать немножко?

И он решился.

— Хочешь, я тебе тайну открою? Только — клятва!

— Ты мне уже одну открыл. Сколько у тебя их?

— Это новая.

— Про то же?

— Ага.

— Ой, говори скорее!

— Не скажу, пока не поклянешься.

— Да ну тебя, обещаю. Никому. Могила!

— И ни маме, ни дедушке.

— И не им.

— Честное!..

— Честное, честное...

И Адриан рассказал Марсельезе про то, что увидел на утреннике, и про то, как картина, наверное, спрятана где-то в театре и что Днепров-Марлинский тут скорее всего ни при чем. Тут он умолк, а Марсельеза вскочила с места.

— Нужно дедушке сказать. Он сразу все узнает.

— Ни в коем случае! — Адриан успел задержать ее за руку. — Никто не должен знать! Узнают, и исчезнет, — зашептал он.

— А если и вовсе не та картина?

— Все равно нельзя. А если услышат те, кто прячет?

— Кто?

— Откуда я знаю... — Адриан отвел взгляд в сторону.

Марсельеза вдруг стала очень серьезной.

— Может быть, ты думаешь, мой дедушка?!

— Я тебе ничего не сказал. Может быть, он и сам не знает.

— Не может быть — он все знает.

— Марсельеза, — произнес Адриан. — Я тебе все рассказал. Ты теперь знаешь тайну. Ты ничего не должна... никому... если выдашь...

— Я не верю про дедушку... Неправда!

— И я не верю. Чего ты, в самом деле! Но мы должны узнать.

— А ты говоришь неправду — ты думаешь про него.

— Нет. Но ты пойми... Я тут не один. Тут клятва настоящая, — Адриану стало жарко. Он уже был не рад, что затеял этот разговор. Разве можно доверяться девчонке?

— Как же вы узнаете?

— Наше дело. Но если ты... Тогда на всю жизнь! Так и знай.

— Можешь не беспокоиться, — отрезала Марсельеза. — Но раз ты так думаешь про дедушку, я с тобой больше и разговаривать не стану. Не беспокойся. Я ему ничего не скажу, потому что не верю.

И тут она — вот и пойми этих девчонок — взяла и заплакала.

После недолгих споров в баньке план проникновения в реквизиторскую театра был принят всеми.

По этому плану Митря должен был сперва пробраться в помещение театра и отомкнуть одну из дверей в задней стене зала. Отворять служебные двери было опасно. Можно нарваться на сторожа. Кроме того, эти двери, наверное, запирались на замок, в то время как выходящие на лестницу — это Митря запомнил — закрывались на засовы из зала и открыть их ничего не стоило. В отворенные Митрей двери должны были проникнуть Адриан и Леня. Леню брали с собой потому, что у него имелся карманный фонарик — вещь совершенно необходимая, поскольку в театре скорее

всего будет темно. Дать же свой фонарик другому Леня категорически отказался. Ромчику, несмотря на его горячие протесты, пришлось довольствоваться ролью наблюдателя снаружи.

— Кто-то всегда должен быть в резерве, — объяснил ему Адриан.

Идти в театр решили сегодня же, к вечеру.

В начале седьмого Адриан и Леня затаились в кустах против боковой стены театра. Свой фонарик, после некоторой внутренней борьбы, Леня все-таки отдал Митре, понятно, фонарик ему сейчас был более необходим.

Ромчика оставили на улице. Он должен был сидеть в садике напротив театра и следить за тем, что будет дальше.

Выглядывая из-за кустов давно отцветшей сирени, Адриан и Леня нетерпеливо ожидали сигнала. Часов не было, и сколько прошло времени, как расстались с Митрей, они не знали.

От волнения и страха Леня, как всегда в таких случаях, разогрелся и принялся тянуть носом.

— Тише, ты, паровоз!.. — шипел Адриан, толкая его в бок.

Наконец они услышали слабый скрип. Еще секунда — и ближайšie к кустам двери из зала чуть приоткрылись... В щели забелело лицо Митри. Он сделал знак товарищам.

Нагибаясь, Адриан и Леня приблизились к лесенке, которая вела к дверям, почти проползли по ней и шмыгнули в темноту щели. Митря захлопнул засов.

— Тихо!.. Замрите!.. Тут дырка есть. Сейчас погляжу, не видел ли вас кто... — проговорил где-то рядом Митря. — Вроде, никого... Порядок...

— Ты что так долго? Мы уж думали...

— Заплутаешься тут. Позаперли везде. Я через подвал и под сценой, а потом в тот люк.

— А сторожа нету? — забеспокоился Леня.

— Нету, вроде, а вообще-то, черт его знает... Все! Теперь за мной, и чтобы, как мыши! — тихо скомандовал Митря.

Он зажег фонарик. Желтоватый овал света упал на ступени между скамеек.

— Пошли!

— Кажется, батарея села. Ты поменьше зажигай, — торопливо предупредил Леня.

Ощупью двинулись друг за другом. И сейчас же Адриан услышал за своей спиной грохот и возню. Раздался стон. Это стонал Леня. Он уже успел за что-то зацепиться и свалился в проходе.

— Тихо, ты! Чтоб тебе! — сердито прошипел Митря, осветив Леню.

Тот медленно поднялся. Движение возобновилось.

Так они достигли барьера оркестровой ямы и, взобравшись на мостки, прошли по ним на сцену.

На сцене фонарик погасили, и стало снова темно. Только где-то высоко над головой чуть синел уличный свет.

— Ну и черт! Совсем ничего не видно, — недовольно сопел Леня. — Не знал, что у них тут такая тьмища.

Со сцены проникли в боковую комнату и снова попали в темноту — в длинный без окон коридорчик, из которого должен был быть выход на второй этаж.

И тут случилось самое неприятное. Огонек фонарика, едва осветив какую-то прислоненную к стене рваную, обклеенную старыми обоями декорацию и валявшиеся на полу афиши, окончательно ослаб. Сколько ни нажимал Митря на кнопку фонарика, лампочка чуть теплилась красной точкой.

На выручку пришел Адриан. Хорошо, что он еще дома не очень-то понадеялся на Ленякин электрический фонарик и сообразил захватить с собой спички.

Он чиркнул одну, потом другую. Сразу же обнаружилась дверь на второй этаж. Отворив ее, зажгли еще одну спичку, осветили узкую лестницу и убедились, что следуют туда, куда нужно.

В верхний коридор выходило небольшое окошко, и до реквизиторской добраться не составляло труда.

Вот уже и знакомые двери с замочком на двух колечках.

Митря покачал замочек.

— Ерундовина, — сказал он. — А ну, посвети...

Адриан опять зажег спичку. За его спиной дышал Леня.

— Ты, гляди, осторожней с огнем. Как прогорит, гаси, — Митря стал понемногу раскачивать колечко.

Неожиданно где-то неподалеку проскрипела и хлопнула дверь. Мальчишки замерли.

— Это внизу сама захлопнулась, — успокоительно сказал Митря и возобновил работу.

Наконец кольцо было вытащено. Замочек беспомощно повис на одной из дверных половинок. Митря потянул скобу и осторожно шагнул в темноту реквизиторской.

— Свети!

Огонек спички задрожал в руках Адриана. Осветились полки, заставленные картонными блюдами и кубками. Ломаные тени запрыгали по стенам.

Картины обнаружили сразу же. Они стояли на полу, прислоненные к полкам.

Адриан сунул спички Митре.

— Зажигай ты, а я посмотрю.

Он наклонился к картинам. Митря зажег новую спичку. Леня пытался в нетерпении увидеть наделавшего столько хлопот старика.

Адриан смотрел на освещаемые Митрей полотна. Одно, другое... Какие-то деревья... Женщина в большой шляпе... Генерал в треуголке... Все не то. Вот остались еще две в рамках. Сейчас, сейчас!.. Он, кажется, слышал, как стучало сердце. Но что это?! Вот и последняя картина. Виноград, лимоны на блюде... Никакого старика со свечой здесь не было.

— Опять нету? — угрожающе произнес Митря.

— Нет. Все не то.

— Вот так да... — вздохнул Леня.

Неужели все было зря? Адриан боялся взглянуть на товарищей. Он принялся снова перебирать полотна, надеясь, что проглядел старика. Напрасный труд.

Митря зажег еще одну спичку и поднял ее над головой. И тут Леня крикнул:

— Смотрите, вот он!

Адриан быстро взглянул вверх. На одной из полок, за большими расписанными под мрамор часами и черным глобусом, у стены притаился «Старик со свечой».

— Он! — У Адриана перехватило дыхание. — Ту-уг...

Митря погасил спичку и в один момент взлетел на верхнюю полку. Разворошил все, что там было. На пол посыпалась картонная бутафория. Еще несколько секунд — и Митря уже спускал картину вниз.

— Держите! Тяжелая.

— Пошли к свету.

Один за другим они выскочили из реквизиторской и кинулись к окошку, освещавшему коридор.

И вот у окна, в верхнем коридоре, на них снова взглянул рембрандтовский старик. Но что это, почему он в такой странной раме? Ее золотым узором было не что иное, как грубо покрытая бронзой веревка, приклеенная к деревянным, тоже замазанным золотом, доскам.

А сама картина! Портрет старика был кое-как написан на фанерном листе, втиснутом в эту раму. Да это тот самый «Старик со свечой», как и на репродукции из журнала, как и на той копии, что отыскалась у Сожича, но только нарисованный так, что его только издали можно было принять за старинную картину. Даже Митря, взглянув на картину, сразу же догадался о постигшей их неудаче.

— Не она? Да? — хрипло выдавил он. — Что ли, опять копия?

— Ну и дела... — просипел Леня.

Адриан молчал. Он был так убит случившимся, что лишился слов.

Митря досадливо махнул рукой.

— А еще называется — художник!

— Ну и что из того, что художник? — вспылал Адриан. — Ты сам кричал, что дед Марсельезин в театре картину прячет.

— А кому я поверил? «Видел, — говорит, — точно — она!..» Пошли-ка, сунем назад, да айда домой... Тоже мне пинкертонщики.

— Погодите...

Леня сильно потянул носом. Раз, еще раз...

— Дымом пахнет, а?!

— Верно... — согласился Митря.

— Откуда бы это?

— Здорово тянет...

Митря подбежал к двери на лестницу. Распахнул... Дым шел оттуда.

— Горит чегой-то! — крикнул он и исчез за дверями.

Адриан и Леня кинулись за ним на лестницу. Чувствуя удушливый запах, стали спускаться в коридорчик, сошли на несколько ступенек вниз и вздрогнули. В коридорчике горела прислоненная к стене декорация. Рыжие язычки пламени бежали вверх по разодранному полотну, которое слабо потрескивало. Кое-где, там, где огонь уже успел сделать

свое дело, холст тлел, как уголь. Едкий дым горящих красок наполнял коридор.

— Назад!.. С той стороны, наверное, есть лестница... — крикнул Леня и кинулся наверх. Не успел Адриан еще и сообразить, что делать, как Митря пропал за пеленой дыма.

— Митря, куда ты, Митря?! — отчаянно прокричал Адриан, но Митря, наверно, и не слушал.

Что было делать? Адриан заметался по коридору. Можно было разбить стекло в окне и через него выбраться на театральный двор.

И тут он вдруг ясно вспомнил надпись: «Разбей стекло и нажми кнопку». Где-то здесь он видел пожарный сигнал. Адриан бросился в соседнее помещение. Сигнал был здесь, на сцене. «В случае пожара разбей стекло...» Нечего раздумывать, будь что будет... Сигнал был высоко. Адриан ударил кулаком по стеклу, но стекло не разбилось. Тогда он кинулся искать, на что бы можно встать. Рядом в комнате — дым туда уже доходил — Адриан увидел табуретку. Он схватил ее, подтащил к пожарному сигналу и с размаха ударил табуреткой по стеклу. Осколки посыпались на пол. Адриан взобрался на табуретку и сильно нажал кнопку. Наверно, сигнал его уже давно был принят пожарными, а он все жал и жал на черную кнопку. И тут он услышал Митрин крик:

— Эй, черти, куда вы посмывались? Сюда, помогите!..

Значит, Митря не ушел! Адриан снова побежал по коридору. Из щелей двери снизу валил дым. Адриан распахнул ее и увидел Митрю с большим огнетушителем в руках. Из нижней части огнетушителя струей била пена. Напрягая силы, Митря старался держать огнетушитель так высоко, чтобы струя попадала на горящую декорацию, которая шипела, затухая в тех местах, где пена достигала огня.

— Помогай, загасим!..

Плача от дыма, Адриан приблизился к Митре. Теперь вместе им было легче поднять огнетушитель. Струя пены настигла пламя, которое рвалось к потолку.

— Выше, выше!.. — требовал Митря.

Огонь стал спадать на глазах. Зато дым был таким нестерпимым, что мальчики начинали задыхаться.

— Еще, еще малость!.. Держи!.. Сейчас. Дотухает уже.

Пламя было сбито. В коридоре сделалось снова темно. Только через раскрытую дверь сквозь синеву дыма проникал дневной свет.

— Все! Сыплем отсюда!

Они бросили огнетушитель и кинулись к

свету. Выбежав из коридора, мальчишки захлопнули за собой дверь. Здесь уже можно было дышать.

— Значит, ты за огнетушителем бегал?.. — спросил Адриан.

— А ты думал?.. Я что тебе, Ленька?

И тут вдруг неизвестно откуда появился Леня.

— Я тут. Я не убежал... — с дрожью в голосе проговорил он. — Я ждал, пока вы погасите. Там есть окошко, на крышу выскочить можно.

— На крышу нельзя. Увидят... Что это?.. Слышите?

Мальчишки прислушались. До них донесся звон колокола. Где-то рядом взрвели и затихли моторы автомашин. Послышались громкие голоса команды, топот бегущих...

— Пожарные! Тикаем через люк, там подвал... Я через него сюда лез...

Мальчишки побежали на сцену. Там было совсем темно. На четвереньках, ощупью принялись отыскивать оставленный Митрей открытый люк.

Кто-то уже словно топором рубил стены театра. Зазвенело разбитое окно. Митря крикнул:

— Тут он! Сыпьте сюда... На живот... ползите...

Адриан и Леня вытянулись на полу, порачьи стали пятиться к люку. Наконец ноги Адриана почувствовали вырез в полу — люк! Леня уже пыхтел где-то ниже.

— Там лестница, держись! — торопил Митря.

Адриан ступил на лестницу и скатился по ней вниз, свалившись на что-то мягкое. Это был Леня. Раздался глухой удар. Митря в последний момент умудрился захлопнуть за собой люк. И тут они услышали над головой топот бегущих. Пожарные поднялись на сцену.

— Хватайся за меня! Тикаем дальше... — просипел Митря.

В полной темноте, держась друг за друга, они стали пробираться вперед. Натыкались на какие-то столбы, спотыкались. Но Митря ощупью находил дорогу.

— Сюда! Теперь ползем...

Каким-то образом он отыскал в темноте дыру возле самой земли и пополз в нее, увлекая за собой товарищей. Очутились в боковом отсеке подвала. С улицы, через окошечко щель пробивался свет угасающего дня.

— Все! Тут не застукают.

Митря прислушивался к тому, что делалось наверху. Кто-то бегал по сцене. Где-то шипела вода. Потом шипение стихло. А над головой все еще ходили и ходили.

— Нас ищут, — сдавленным голосом произнес Леня. — Милицию, наверно, вызвали.

— Не найдут. Сюда никто не залезет.

— А если ищейка?

— Ищейка, ясно, всюду найдет.

От этого спокойного Митриного заключения у Адриана заняло в животе. И тут они услышали, как рядом что-то заскрипело, и в щелях дощатой перегородки — она отделяла подвальный отсек от помещения под сценой — замелькал свет. Потом кто-то сверху спросил:

— Ну что там? Ничего не видать?

— Фонарем светят! — прошипел Митря, вглядываясь в щель.

— Нет, тут вроде ничего. Одна пыль. Сейчас подале гляну, — сказал другой голос за перегородкой.

Как только истосковавшийся в одиночестве, не знавший, что происходит с его друзьями, Ромчик услышал грохот машин и набат пожарного колокола, он понял — в театре случилось что-то неладное.

— Пожар, пожар!.. Театр подожгли!.. — кричали сбегавшиеся со всех сторон люди.

Ромчик покинул свой пост и вместе с другими побежал к машинам. Прибывшие пожарные сразу же принялись вскрывать нижние окна и взламывать двери, которые вели на сцену театра.

Толпа разрасталась с каждой минутой, но пожар не начинался. Дым повалил из разбитого окна слева и рассеялся.

— Чего же это, горит или не горит? Люди шумели, что ли?

— Не горит, значит, раз и дыму-то всего ничего было.

— Может, внутри горит?

— Воду-то, гляди, остановили.

— Учение, поди, у них опять... На машинах все учатся.

— Для учения тебе станут окна ломать!

Молоденький милиционер в лихо сдвинутой на затылок фуражке уговаривал собравшихся.

— Граждане хорошие, расходитесь по домам. Ничего тут такого не будет. Ложная тревога... Попрошу расходиться.

Ромчик отошел в сторону, но решил никуда не уходить. Он не мог понять, куда делись приятели.

Вот из распахнутых на сцену дверей вышли последние пожарные и милиционер. Пожарные свернули брезентовые шланги, уселись на лакированные скамейки своих машин и с грохотом и звоном уехали.

Толпа стала редеть и вскоре совсем разошлась. Ромчик остался один. Он снова направился в садик напротив. Пришел вечер, но мальчишки не появлялись. Куда же они все-таки запропастились? Ведь не сгорели же, раз не было настоящего пожара!

Ромчик стал размышлять. Если им удалось улизнуть, почему же они не приходят за ним? Да нет, конечно же, им здесь нельзя показываться. Может, про них уже что-нибудь знают. Увидят и сразу сцапают. А может, они уже дома и только и ждут, когда он придет. И Ромчик заторопился на улицу Профсоюзов.

Ближе всех жил Леня Стародубских. Ромчик вбежал во двор и поднялся на веранду. Мирно горела лампа под зеленым абажуром. За столом сидели Ленькины родители. Ленькина мать даже вздрогнула, когда Ромчик появился на веранде.

— Ой, а я думала, Леня!

— А его нету дома? — рассеянно пробормотал Ромчик, не придумав ничего лучше.

— Нет, а разве вы не вместе были?

— Нет. Я дома сидел, — бессовестно врал Ромчик, соображая, как бы ему поскорее уйти.

— Где же он может быть так поздно?

Ромчик пожал плечами.

— Может быть, где-нибудь с Адрихой...

Через две минуты Ромчик был у Адриановой калитки. На этот раз, чтобы не поднимать паники, решил действовать осторожней. Он проник в палисадник и заглянул под задернутую занавеску. И здесь все тихо. Сидит Вадим и сам с собой играет в шахматы. На столе самовар, а рядом Агафоновна вяжет на спицах. Адришкина мама что-то пишет, а самого Адриана, значит, еще нет. Ромчик бесшумно выбрался из палисадника и побежал к дому Митри.

Но и у Митри во дворе был полный покой. В окнах не видно и света. На дверях висячий замок. Значит, Митрина мать еще не пришла с работы. На голубятне тоже тихо. Ни звука. Голуби спят на своих полочках.

Друзей нигде не было. Ромчик тяжело вздохнул и побрел домой. Мама его, конечно, тоже с ума сходит — куда он делся. До угла улицы Розы Люксембург Ромчик еще вглядывался в темнеющую даль дороги, надеясь услышать голоса товарищей. Но так ничего и не дождавшись, свернул влево и заспешил к своему дому.

А трое юных возмутителей городского спокойствия, затаившись, все еще сидели под сценой. На улице совсем затихло. Потом кто-то ходил по театру и хлопал дверями. Стемнело.

— Может, уже можно вылезать? — ныл Леня.

— Не скули!..

— Я есть хочу.

— Есть, есть! — передразнил его Митря. — А если там милиция? Только высунешь голову, тебя и цап!..

— Что же нам, до утра тут сидеть?

Адриан молчал. Он был больше всех виноват в том, что они очутились в таком положении. И спичку горящую обронил тоже он. Адриан был благодарен Митре, что тот об этом не вспоминал.

Но и Митре, видно, наскучило сидеть в темном подвале, и он решился.

— Пошли, что там ни есть... Я первый погляжу...

— А пролезем? — заволновался Леня.

— Говорю тебе, я сюда через эту дырку лез.

— Если человек голову просунет, значит, и весь вылезет, — пояснил Адриан.

И Митря полез в окошко. Прodelал он это очень ловко и вскоре был уже на улице.

— Вроде, никого. Давайте сейчас, — прошипел Митря.

Следующим лез Леня. Ему пришлось потруднее. Митря тащил его за голову. Адриан подталкивал снизу. Леня пыхтел как паровоз и обливался потом. Последним лез Адриан. Он ободрал себе руку и потерял пуговицу от рубахи, но выбрался.

Наконец-то они высвободились из своей темницы. Где-то поблизости цокала копытами по мостовой лошадь и поскрипывали колеса.

— Пошли! — скомандовал Митря. Как-то само по себе получилось, что главным стал он.

Минута — и они уже были на улице, которая уходила под гору как раз напротив боковой стены театра. Улица темная, фонарей раз-два и обчелся.

Пошли сперва тихо, почти крадучись. Но чуть отдалившись от театра, ускорили шаг. Потом пошли быстрее и вдруг, не стовариваясь, все трое побежали. Бежали так, как, наверное, еще никогда в жизни не бегали. Причем, Леня со страха не отставал от друзей.

Остановились только на углу, где обычно расставались, возвращаясь с купанья. Отдыхались у фонаря и наконец поглядели друг на друга. Вид у всех был отчаянный. Штаны в красной кирпичной пыли, в извести. Бывшие белые полосы на Митриной футболке почти слились с другими — оранжевыми. Леня к тому же ободрал колено, а у Адриана треснул по шву рукав рубашки.

Пробовали почистить друг друга. Но помогло мало.

— Домой по одному пойдем, — сказал Митря.

— А что наврем?

— Скажем, на Вражьем спуске мальчишки напали. Шесть человек, — сказал Адриан. Спорить не стали.

— Ладно, так и будем заливать, — согласился Митря. — А теперь по домам!.. И зря завтра по улицам не болтаться... Может, нас милиция искать станет.

— Думаешь?

— Неужели еще искать будут? — даже при свете фонаря было видно, что Лене не по себе.

— Она, милиция, хитрая. Не сразу ловит, — с каким-то прямо дьявольским спокойствием заключил Митря. — Ромки-то нет. А где он? Может, захватили уже! Ну, я побег огородом... И Митря исчез в уличной тьме.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Утром на удивление Агафоновне Адриан не убежал из дому, как это бывало каждый день, а неторопливо позавтракал и уселся у окна с книгой. Занавеску не стал раздвигать, а только время от времени посматривал на улицу, заглядывая в щель между краем занавески и оконным наличником.

— Ты чего это, уж не заболел ли? — не выдержав, спросила Агафоновна.

— Не-е.

— Чего дома-то сидишь? Другой раз со двора не дозовешься...

— Так. Почитать хочу.

— Гляди-ко...

Агафоновна ушла на кухню. Адриан снова осторожно выглянул на улицу и вдруг замер. Прямо напротив окна, за оградой палисадника, он увидел милиционера. Милиционер держал в руке какую-то бумажку и посматривал на окна дома, за которыми притих Адриан. Сердце провалилось в пятки, а милиционер, еще раз кинув взгляд на дом, повернулся и решительно вошел в ворота. Вот шаги его уже слышны на крыльце. Он вытирает ноги и стучит в дверь кухни. Потом доносится голос:

— Здравствуйте.

Дальше слов Адриан разобрать не может. Что-то говорит милиционер, что-то отвечает Агафоновна. Адриан лихорадочно соображает, что ему делать. Выскочить в окно, перемахнуть через ограду палисадника и бежать? Не догонит... А если он не один и другие милиционеры только и ждут его на улице? Спрятаться под стол или в шкаф? Сделать вид, что сбежал... А потом можно куда-нибудь подалее...

Но, к изумлению Адриана, дверь снова скрипнула и захлопнулась, шаги стали удаляться. Неужели Агафоновна догадалась, не выдала? Адриан осторожно выглянул на кухню.

— Что ему было надо, нянь? За кем он?

— Повестку притащил. Заборы к празднику велют выкрасить, ворота починить. Думал, наш дом-то этот... Теперь хозяевам наверх понес.

На душе мгновенно стало легко, будто Адриан свалил с себя тяжесть. «Чудак, — думал он про себя, — испугался милиционера! Нужен ты ему?! Вон он идет через двор. Будьте

здоровы, всего хорошего!..» Он смелеет и нахально заявляет Агафоновне:

— А ты испугалась? Думала, тебя арестует?

— Меня-то... С какой это стати? Чай, на рынке ворованным не торгую... Пьяная, слава богу, никогда не была... — закрестилась Агафоновна.

— Бывает, что по ошибке забирают, — на всякий случай кинул Адриан и пошел в комнату. Опасность, кажется, миновала. А может, их никто и не ищет? Время уже к двенадцати. Может быть, сбегать к Леньке или Митре? Наверное, сидят по своим щелям и дрожат. Рассказать им про милиционера?..

Но тут Адриан спохватился. А почему до сих пор нет Ромки? Ведь он не знает, что с ними случилось. И то, что Ромчика так долго нет, начинает беспокоить Адриана.

Но стоило ему только об этом подумать, вдруг — здравствуйте! — на улице остановился Ромка. Оглянулся и с таинственным видом нырнул в калитку. И вот он уже в комнате. Смотрит на Адриана, будто не верит, что тот перед ним — живой и невредимый.

— Как же вы... куда вчера?.. Я до ночи ждал...

— Замуровались в тайнике. Не нашли.

— А искали вас?

— Спрашиваешь! — уже не без бахвальства сообщает Адриан.

— Бегали-бегали с ищейками... А мы в каменном подвале... Туда и кошка еле пролезет.

— А пожар вы, верно, сами потушили?

— Откуда узнал? Ленька?..

— Ленька!.. Я у Леньки не был. Вот откуда, из газеты. Теперь про вас все знают.

Адриан замер, а Ромчик вдруг вытащил из кармана штанов во много раз сложенную газету «Крутовская правда», развернул ее и ткнул пальцем в заметку на последней странице:

— Читай...

Адриан склонился над газетой.

ГОРОДСКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ СТРАННЫЕ ЗЛОУМЫШЛЕННИКИ

«Вчера в нашем городе произошли удивительные события.

Группа неизвестных лиц, пользуясь отсутствием сторожа, проникла днем в городской театр, закрытый на летний период, и едва не устроила пожар.

Прибывшие по вызову на место происшествия пожарные обнаружили сгоревшую незначительную часть декораций и брошенный огнетушитель. Пожар к их прибытию был ликвидирован, причем, нужно полагать, сами злоумышленниками.

Удивительно то, что неизвестные лица сами вызвали пожарных при помощи недавно установленного в театре электрического сигнала.

Трудно предположить, что злоумышленники проникли в театр с целью грабежа, так как ни одной ценной вещи из бутафорской комнаты, которая оказалась вскрытой, похищено не было. Вероятно, во время бегства была брошена картина, не имеющая никакой ценности.

Милиции пока не удалось напасть на след странных злоумышленников.

Поражает также, что в театре не было сторожа. Легко представить, чего бы мог стоить городу пожар, предотвращение которого явилось счастливой случайностью.

Губисполком должен принять меры.

В. Курчеватых.

— Видишь, должен принять меры... — почему-то шепотом повторил Ромчик и испуганно взглянул на товарища.

— А какие это и что за меры? — спросил Адриан.

— Ясно какие, чтобы милиция нас поймала.

— Не поймает.

— Ну, тогда этот губисполком...

— Что там, по-твоему, сыщики, что ли?

Но Адриан и сам теперь не был уверен, что милиция их не сумеет сыскать. Прежнее недавнее спокойствие его снова покинуло.

— Нужно к Митре, и Леньку позвать, чтобы, если нас найдут, не ввали лишнего. Какие мы злоумышленники?!

— Ладно, — согласился Ромчик, — я сейчас за Ленькой, а ты к Митре дуй. В голубятне про все договоримся.

Ромчик убежал за Ленькой. Адриан стал раздумывать, что бы в самом деле могла значить эта заметка в газете? Неужели их станут разыскивать? А если найдут?..

Минут через десять Адриан с великой предосторожностью пробрался к Митре. Ленька уже был там.

— Дела!.. — вздохнул Ленька. — Я предупреждал...

— Поймают, ух, и дадут!.. — заключил Митря.

— Если все будем заодно — ничего.

Это сказал Ромчик, которому очень хотелось подчеркнуть, что он отвечает за все наравне с остальными.

И тут Адриан вдруг опять осмелел.

— Подумаешь, испугались! Там же написано: неизвестные лица...

— Ну-ка, давайте вместе прочтем, — предложил Ленька, на всякий случай оглядываясь на дверь.

— Где газета-то?

Выяснилось, что Адриан забыл ее дома.

— Вот чудила, — усомнился Митря. — Может, там и не так. Тащи сюда.

— Хорошо. Я сейчас...

Адриан выскочил из баньки. На миг он забыл, что должен быть осторожен и, выбежав на улицу, понесся к своему дому. Уже достигнув ворот, он с ходу чуть не налетел на выходящего со двора человека.

— Ах, вот, на ловца и зверь...

Адриан поднимает голову. Перед ним товарищ Залесский. Глаза через очки внимательно смотрят на Адриана.

— Куда так стремишься?

— Я? Домой... — выдавливая из себя Адриан. Он понимает, что деться уже некуда.

А в голове мгновенно проносится: как здесь оказался товарищ Залесский? Неужели ему про них уже все известно? Теперь попробуй-ка выпутайся!..

— Адриан, кажется, так?

— Так. А вы товарищ Залесский.

Тот кивает.

— Правильно. Где же твои друзья?

Адриан напряженно думает, что ответить. Если уж попался — нужно не выдавать остальных. А как? Все равно товарищ Залесский пойдет к Митре и найдет там сразу всех. И все-таки, пожав плечами, он буркает:

— Не знаю.

— Не знаешь? — Залесский смотрит на Адриана. — Куда же они могли запропасть? А я ведь к вам.

Адриан молчит.

— Ну вот что, — говорит товарищ Залесский. — Я думаю, мы их найдем. У меня имеется к вам дело и весьма неотложное. Хитрить со мной не надо. Пойдем.

Ему, наверно, известно и про голубятню, где они собираются. Понятно, и за газетой теперь идти уже незачем. Адриан поворачивает. Весь его вид выражает: «Ничего не поделаешь, — приходится, идем!» И он возвращается в Митрин двор. За Адрианом следом — товарищ Залесский.

Ничего себе, вытянулись лица у его приятелей, когда он, вместо газеты, вернулся с начальником по борьбе с вредным элементом! А тот огляделся и спрашивает:

— Это и есть ваш штаб?

— Моя голубятня, — отвечает Митря.

— Голубятня, я думаю, для конспирации, — товарищ Залесский смотрит на Митрю скорее со смешинкой, чем сердито. Нет, на пришедшего их арестовать он не похож... — А знаете что?.. Здесь у вас неплохо: и в жару не жарко и от дождя укрываться можно.

Мальчишки молчат. Каждый, конечно, думает, что будет дальше, и не ждет приятных вестей, а тот продолжает:

— Ну, так как себя чувствуем?

Дружное пожатие плеч, мальчишки испуганно переглядываются... Товарищ Залесский усаживается на скамеечку, щелкает замочком своего портфеля и вынимает свежий номер газеты.

— Возможно, вы еще сегодня не читали. Тут одна любопытная заметка... Знаете что? Давайте-ка прочтем ее вместе, а?

Молчание приходится понимать как согласие. Товарищ Залесский принимается читать вслух то, что Ромчику и Адриану уже хорошо известно, а Леня и Митря слушают в первый раз.

Читая, Залесский нет-нет да и оторвется от газеты и быстро бросит взгляд на мальчишек. Адриан всюду делает вид, что ничего подобного не слышал, но получается у него это, кажется, не очень-то правдиво. Но тут уже и товарищ Залесский заканчивает читать заметку, складывает газету и спокойно спрашивает:

— Ну, так как же, неизвестные лица?

Конечно, попались!.. Наверное, об этом думают все, пока Залесский убирает газету в портфель.

— Ну, а теперь поговорим начистоту. Какая никому не нужная картина была найдена после бегства странных злоумышленников? Кому она и зачем понадобилась?

Ясно, что товарищу Залесскому все известно. Скрывать нечего и Адриан, вздохнув, решает рассказать, как увидел из ложи «Старика со свечой», как потом с Митрей хотели посмотреть поближе, да им не удалось. И про то, как все удивительно подходило, чтобы подозревать Марсельезино дедушку. И про то, что они никому не хотели говорить, пока сами не убедятся, что это и есть настоящий шедевр, который искали.

Он кончил и с опаской взглянул на товарища Залесского. А тот, оказывается, улыбался. Улыбался и весело поглядывал на него через очки.

— Значит, решили, что Константин Игнатьевич картину скрывает? — наконец заговорил он. — Тот, что прятал, из бывших, и Константин Игнатьевич из бывших. Понятно... У того фамилия на букву «С» и Константин Игнатьевич — Сазонов. На ту же букву. Тоже понятно. Старичок по всем статьям подошел. Ну, раз вы такие ловкие сыщики, я вам тоже кое-что открою. Знаете что?.. Письмо, которое получил бывший учитель Валентина Курчо, и то письмо, которое было у официанта из

вокзального ресторана, оказались написанными одним и тем же почерком. Выходит, тот, кто хотел сохранить картину для государства, и тот, кто советовал ее достать и спрятать по-дальше, чтобы потом выгодно продать, — одно и то же лицо. Понятно вам, что это значит?

— Нет, — тихо сказал за всех Адриан. — Как же так, почему?

— А потому, уважаемые неизвестные лица, что это сделано для того, чтобы направить поиски по ложному следу и, пока будут искать копию вместо оригинала, увезти настоящего Рембрандта. Вот и попались мы с вами на эту букву «С», как рыбка на крючок, хотя копию все-таки разыскали. А что к оригиналу эта буква «С» никакого отношения не имеет, так это неоспоримый факт.

— А где тогда настоящий? — вырвалось у Лени.

Залесский вздохнул.

— Трудно сказать. История запутанная и вряд ли кончается в Крутове. Но вот что вы Константина Игнатьевича в этом деле подозревали, так уж это совсем зря. Он действительно из дворян, бывший чиновник. Но знаете что?.. Он еще до революции подарил городу всю свою дорогостоящую библиотеку... А в Крутов был сослан много лет назад за сочувствие революционерам... А потом, когда кончился срок ссылки, Константин Игнатьевич не поехал в Петербург, а остался здесь. В девятьсот пятом году он прятал у себя в доме большевиков, за которыми по всей России гонялись жандармы. Теперь он про все это пишет книгу.

Все подавленно молчали. В баньке наступила тишина.

— Мы не знали, — сказал Адриан.

— Ну что же делать, бывает. — Залесский снова щелкнул замочком портфеля. — А театры запросто могли поджечь. Это уже другой факт. Теперь сами знаете — картина ничего не стоила. Ну, а если бы возник пожар?

В баньке, кажется, притихли даже голуби, не только мальчишки. Да и что говорить, ведь товарищу Залесскому было понятно, что театра никто не собирался поджигать.

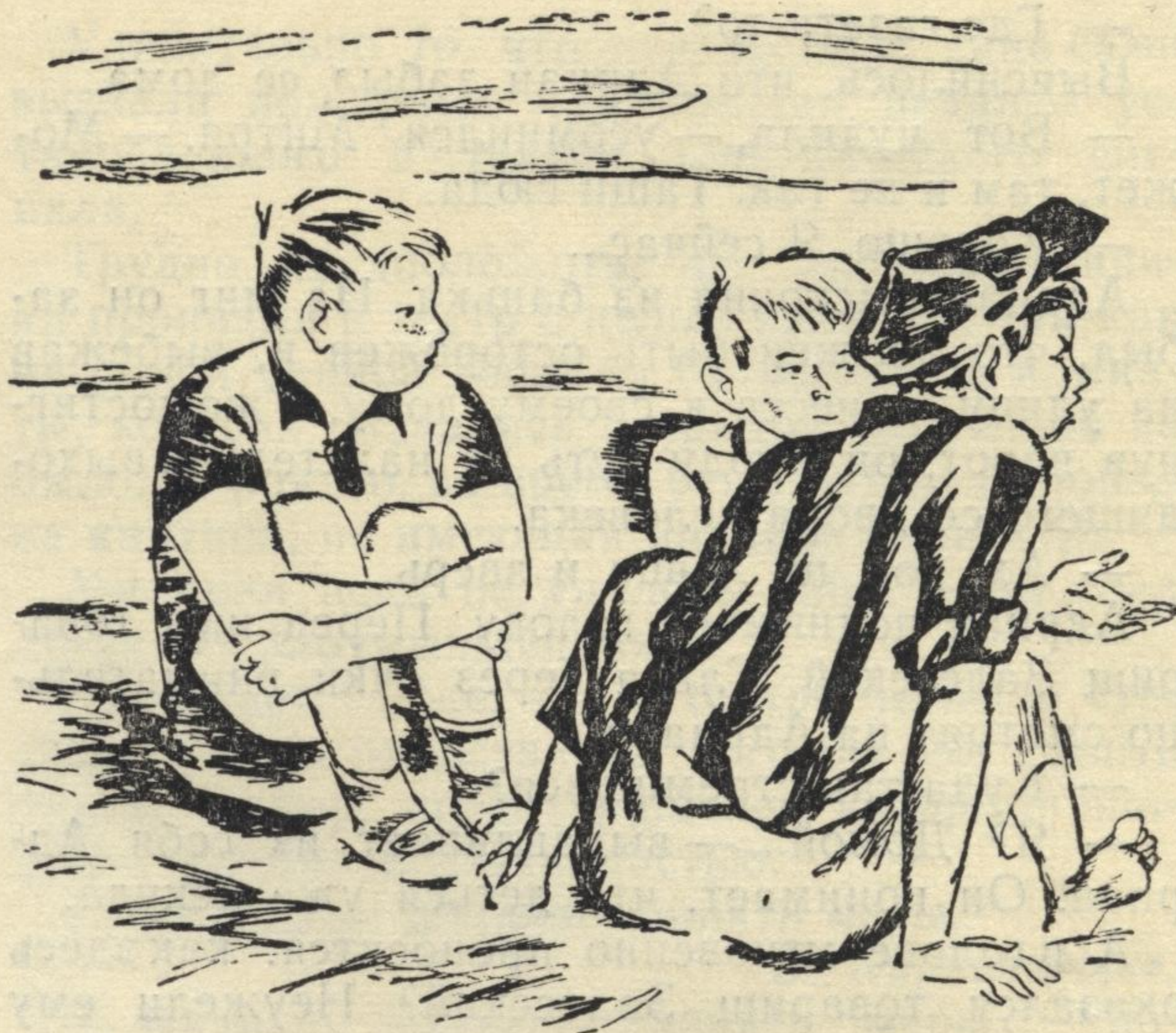
— А вот то, что сами потушили пожар, тут молодцы!

— Это Митря один.

— Не, он тоже помогал тушить. — Митря толкнул плечом Адриана.

Залесский поднялся с места.

— Ну что же... Знаете что? — Он с хитринкой в глазах обвел взглядом мальчиков. — Мне почему-то кажется, милиция не найдет «неизвестных лиц». — Вынул папироску, покрутил и продолжал: — Только давайте усло-

вимся, если будете опять кого-нибудь подозревать — приходите сперва ко мне. Губисполком, товарищ Залесский. Вас пропустят. Понятно?

Адриан и его друзья, как по команде, кивнули головами.

— Ну так, сегодня у нас тридцатое... — Залесский вынул из внутреннего кармана кожанки часы и взглянул на них, будто хотел убедиться, что сегодня действительно тридцатое число. — Насколько мне известно — скоро в школу, так что договоримся: пока займемся науками. Идет?

Трое опять кивнули, а Адриан сказал:

— Я здесь в школу больше не пойду. Я уезжаю. Мы уже складываемся.

— Вот как? Куда же?

— В Ленинград. Папа на завод поступил, и мы все уедем.

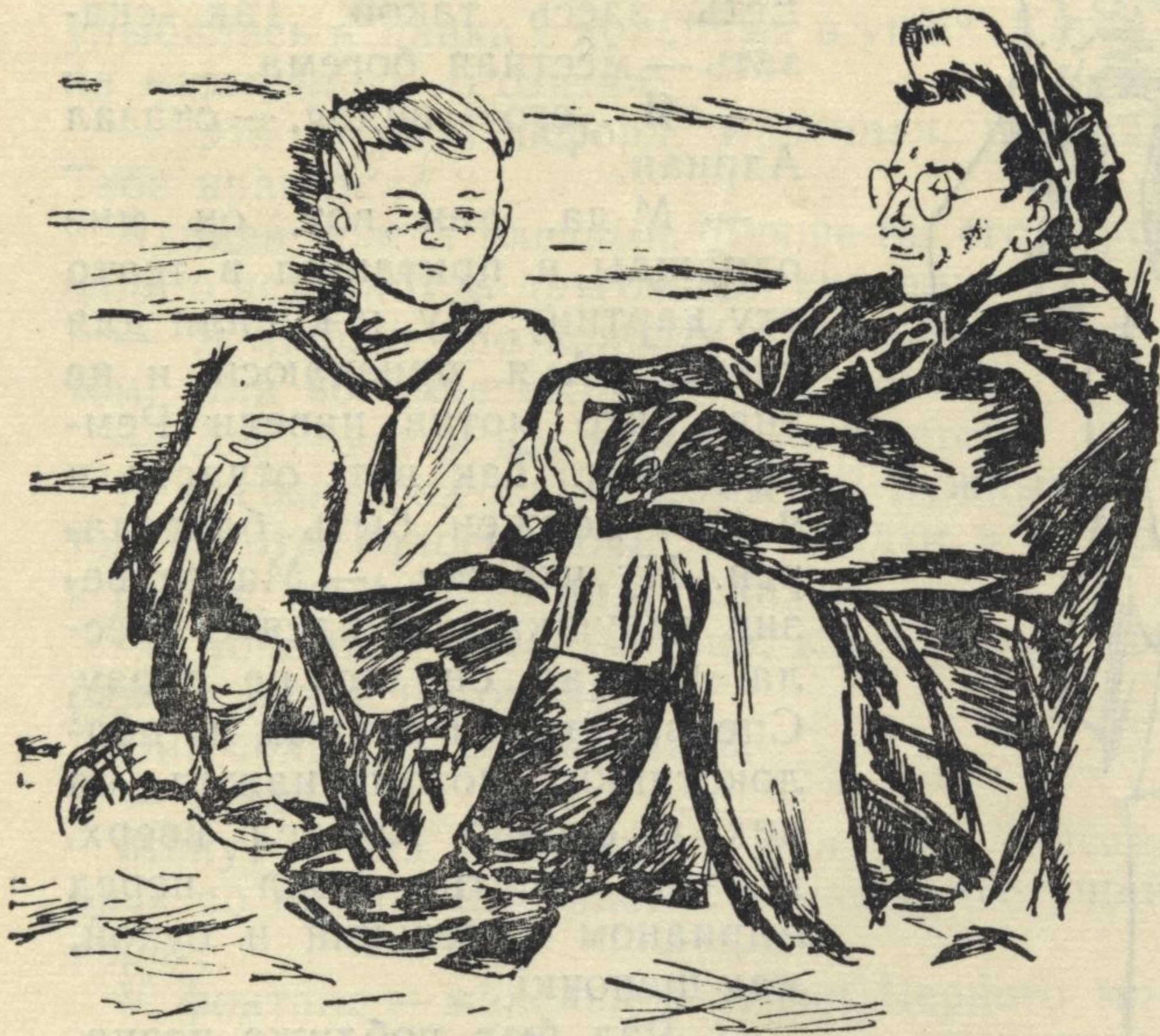
— Ну что же, завидую. Хороший город. Я там тоже жывал... Ну, пока, друзья. Желаю успеха... С остальными, надеюсь, еще увидимся...

Товарищ Залесский пожал руку каждому из мальчишек. Потом наклонил голову и вынырнул из баньки.

Он, наверное, уже миновал двор и вышел на улицу, когда Митря, наконец, нарушив общее молчание, сказал:

— Вот это да дядька, свой!..

Из Ленинграда пришла телеграмма. Отец сообщал, что квартира снята и что сам приехать не может — занят на заводе. Велел продавать лишнее и готовиться к отъезду.

Вскоре на воротах их дома появилось объявление. На листке из тетрадки в клеточку старательно выведено:

Срочно ввиду отъезда продаются: буфет дубовый, 2 шкафа. Стол обед и пис. Стулья и друг. дом. вещи.

Приходили люди. Заглядывали под обеденный стол и открывали и закрывали дверцы шкафов. Садись на стулья. Почему-то все интересовались качалкой, которая не продавалась. Качалка была какой-то памятью.

На кухне всхлипывала Агафоновна. Слоняясь по квартире, Адриан зашел и туда.

— Чего ты плачешь?

— Уезжаем, вот и плачу, — отвечала та, вытирая слезы краем кухонного полотенца.

— Так ведь и ты с нами едешь?

— Потому и реву, что еду. Жалко.

— Кого?

— Да никого. Жалко, что уезжаем.

Добиться от нее толку было невозможно. Адриан понимал: Агафоновна плакала просто так, потому что в Крутове обязательно полагалось перед отъездом поплакать, тогда все будет хорошо. Раньше она лила слезы всегда, когда уезжал отец. Потом редела, когда Вадим отправлялся в пионерский лагерь, а теперь — потому, что уезжала сама. Больше плакать было некому.

Адриан начал было складывать свои вещи. Собрал книги. Затем стал раздумывать, что ему делать с вновь начатой коллекцией папи-

росных коробок. Кроме тех, которые он выменял на оловянных солдатиков у Ромчика, прибавилась еще одна от папирос «Зефир». Поразмыслив, Адриан решил, что в Ленинград перевозить коллекцию не имеет смысла.

Дома на него мало обращали внимания. Каждый был занят своим. Отплавав, Агафоновна принялась спорить с мамой по поводу сборов. Мама решила брать с собой поменьше кухонного барахла. Агафоновна настаивала, чтобы в Ленинград везли и деревянное корыто с квашней, и топор, и даже пудовую гирию, которая без толку валялась в кладовой.

Но суета сборов не могла отвлечь Адриана от грустных мыслей. Нет, не мог он уехать из Крутова, не поговорив с Марсельезой. Ведь с тех пор, как он признался ей в том, что увидел в театре и что по этому поводу думает, они не встречались. И, конечно же, она читала заметку в газете и теперь все знает. Ясно, что догадалась, кто это «неизвестные лица». Что было делать?

Часам к пяти Адриан решился на отчаянный ход. Это было нелегкое решение и пришло оно после сомнений и внутренней борьбы.

В пять часов вечера он явился на крылечко домика Марсельезиною бабушки и решительно повернул вправо рукоятку звонка.

Двери отворила Марсельеза.

— Ты? — удивилась она.

— Я, — ответил Адриан. — Я к твоему дедушке, Константину Игнатьевичу. Дома он?

— Хм, — произнесла Марсельеза и пожала плечиками. — Дома. Входи. — Она захлопнула дверь. Отступление было отрезано. — Дедушка, тут к тебе!

— Кто там, пожалуйста, — послышался высокий голосок.

— Иди туда, — Марсельеза слегка подтолкнула Адриана.

Он двинулся по коридорчику, а навстречу ему уже спешил Марсельезин дедушка. Он был в домашних туфлях, как всегда пряменький, в старой бархатной куртке со шнурами.

— А, это вы, милостивый государь, — он с любопытством разглядывал Адриана. — Чем могу служить? Заходите, пожалуйста...

Адриан вошел в комнату. Марсельеза бесшумно затворила за ними дверь. Он был благодарен, что она так сделала. Одним мужчинам куда легче объясниться.

Адриан сразу заметил, на письменном столе лежала «Крутовская правда».

— Ну, что скажете, молодой человек? Присаживайтесь, — все тем же любопытствующим тоном продолжал Марсельезин дедушка.

Но Адриан не хотел присаживаться.

— Константин Игнатьевич, — решившись, начал он. — Это я неизвестное лицо, которое забралось в вашу реквизиционную.

— Да ну?.. Интересно! А не объясните, зачем?.. Что побудило?

— Мы искали Рембрандта. ...Похищенный шедевр великого голландца.

— Вот как?! В бутафорской провинциального театра?..

— Да, — Адриан с ужасом почувствовал, что уши его сделались цвета спелого помидора. — А теперь мы знаем, кто вы такой и нам стыдно. Вот я и пришел...

Оказывается, Марсельезин дедушка умел слушать других. Он молча опустил в кресло. И Адриану, во второй раз в этот день, пришлось рассказывать почти всю историю сначала, а главное, признаваться в том, что они так плохо подумали о реквизиторе и еще о том, как их укорил за это товарищ Залесский из губисполкома.

— Извините нас, Константин Игнатьевич, — закончил он. — Мы поступили как глупые...

— Да нет, не совсем... — Неожиданно и как-то задумчиво произнес Марсельезин дедушка. — М-да, любопытно... Только вот разумнее было бы обращаться к взрослым. Ну, а сведения о моей революционной деятельности сильно преумножены.

— Все равно, — сказал Адриан.

— Знаете, милостивый государь, — Константин Игнатьевич улыбнулся, — а я когда-то участвовал в суде присяжных. Чистосердечное признание вины всегда учитывалось правосудием. Ну, а ваша неоспоримая вина — ваши годы. Ну-с, за сим... очень рад...

— Я уезжаю, — почему-то вдруг сказал Адриан.

— Куда же, можно полюбопытствовать?

— В Ленинград. Там мой папа. Мы все уезжаем.

— Вот как! Я тоже провел молодые годы в этом прекрасном городе. Да нет, не в Ленинграде, разумеется. В Петербурге. Кадетский корпус там окончил... Давно это было. Бог с ним, со старым... А полотно, которое вы приня-

ли за рембрандтовское, принадлежит кисти Чикильдеева. Есть здесь такой. Так сказать — местная богема.

— Я его видел, — сказал Адриан.

— М-да, так вот, он мне однажды и притащил в театр эту картину. Ну, и купили для сцены... А я, признаюсь, и не знал, что мотив навеян Рембрандтом. Так вот, отчасти и я вам должен быть благодарен. Ну что же... — Марсельезин дедушка поднялся с кресла. Сделал он это не сразу. Сперва уперся руками в подлокотники, потом нажал на них и словно взлетел вверх. И уже опять стоял перед Адрианом худенький и сухой, как щепочка.

— Рад был поближе познакомиться, хотя и при необычных обстоятельствах. А вообще мой вам совет на будущее: не следует думать плохо о человеке, пока не убедишься, что он того стоит. — Он пошел к выходу, и, отворив дверь, позвал Марсельезу.

— Смею тебя заверить, — сказал ей дедушка, — что твой

друг вполне добропорядочный молодой человек и заслуживает доверия. Ну-с, до свидания, молодой человек. — И дедушка заспешил назад.

— Твой дедушка умный, — тихо сказал Адриан, когда они остались одни. — А я уезжаю...

— Я знаю. Ты куда сейчас?

— Никуда. А ты?

— Хотела погулять. Хочешь, пойдем вместе?

Адриан кивнул.

— Дедушка, — крикнула Марсельеза. — Мне мама велела купить нитки. Я пойду. Хорошо?

— Иди, Марс, только не надолго. Мама вернется в восемь. Будь дома!

Мальчишек на улице не было, и никто не кричал им вслед про жениха и невесту.

Марсельеза спросила:

— Так и не нашли картину?

— Нет, — Адриан помотал головой.

Она вздохнула.

— Ерунда, — сказал Адриан. — Ее тут и не было, а может, и нигде нет. Жулики всех провели.

Дошли до кинотеатра «Прогресс». У широких дверей была наклеена афиша. С афиши улыбалась испанка с кольцами в ушах. Картина называлась «Розита».

— Это Мери Пикфорд. Красивая, правда? Тебе нравится?

Адриан пожал плечами. Лучше бы его спросили о чем-нибудь другом. Он сказал:

— Я люблю про ковбоев с Вильямом Хартом. Или вот еще «Красные дьяволята».

— А я — когда все хорошо кончается.

В магазине на улице Коммуны нужных ниток не отыскалось. Надо было идти в центр, к рынку, но Адриан вдруг сказал:

— Хочешь в Ботанический, к «Черному морю», а нитки потом купим?

Она сразу же согласилась:

— Ладно.

Минут через пятнадцать они уже спускались по крутой каменной лесенке в цветущий овраг.

У фонтана — маленькой копии Черного моря — стояла скамейка с навесом от солнца. Она была пуста. По мосту, над оврагом, гремя, проезжали телеги, а тут было тихо и спокойно. Начинаясь краснеть солнце заходило вдаль, и беседка под мостом и каменные быки, на которых она стояла, зарозовели. Адриан и Марсельеза уселись на скамейку и «Черное море» оказалось у их ног. Фонтан сейчас не бил, и в зеркально-спокойной глади воды отражалось холодеющее небо и мраморный лебедь, который, выгнув шею, чистил свои крылья посреди пруда.

— А в Ленинграде море есть? — спросила Марсельеза.

— Есть, Балтийское еще почище Черного.

— Дедушка говорит, в Черном море вода изумрудного цвета.

— Хм, — Адриан не думал о Черном море.

— Удивительно, правда?

— Хм.

— А интересно, какая вода в Балтийском?

— Я тебе напишу. Большое письмо напишу, обо всем. Ответишь?

Она молча кивнула. Было понятно — ответит.

— А потом ты приедешь в Ленинград. Хочешь?

Она пожала плечами.

Помолчали и вдруг Адриан сказал:

— Помнишь, ты приз дала?

— Какой приз?

— Султанчик. Цветок. Когда за реку со школой ездили. Я быстрее всех бегал. Он у меня в Майн-Риде. Засох и совсем рыжим стал.

— Зачем он тебе?

— Так.

Теперь в свою очередь ничего не сказала, а только хмыкнула Марсельеза. И тут — Адриан сам не понял, как это получилось — он повернулся в ее сторону и поцеловал, нет, скорее чмокнул ее в щеку. Марсельеза вспыхнула, но не шелохнулась. Будто ничего не случилось. Они опять смотрели на гладкую воду «Черного моря» и на сделавшегося розовым лебедя, и оба ничего не говорили. А солнце на краю оврага огненным шаром катилось за склон.

— Пошли домой, — вдруг сказала Марсельеза. — Поздно. Попадет от мамы... — И взяла Адриана за руку.

Через несколько секунд они, держась за руки, уже бежали вверх по крутой лесенке. Бежали и смеялись неизвестно чему. Им нужно было спешить домой. Каждому могло влететь за поздний приход. Ведь взрослые считали их детьми.

Адриана провожали через два дня.

Поезд был дальний, омский, и через Крутов проходил поздним вечером. Уже сдан был багаж, который должен был ехать в том же составе, в багажном вагоне. При них остались только чемоданы и портплед. Корзины, запертые на домашние замочки. Кошелка, наполненная колбасой, вареной курицей, крутыми яйцами и другими продуктами — на два дня пути. Сидели в зале ожидания на большой деревянной скамье. В рожках горел тусклый электрический свет, и зал имел грустный вид. Окна выходили на перрон. Там моросил дождь. Агафоновна сказала, что это к добру. Уезжать в дождик — хорошая примета. А в конце зала были широкие четырехстворчатые двери. Через стеклянную фрамугу над ними виднелись яркие шары люстры. За дверью слышалась музыка. Там играл оркестр. Там был ресторан. Тот самый, где не так давно студент Валентин Курчо встретил юркого старика с бантиком и откуда начались поиски так и не найденного рембрандтовского шедевра.

Адриана провожали Ромчик и Митря. В последние дни у Лени опять началось то, что его мама называет «подозрением на инфлуэнцу», и Лению вечером на вокзал не пустили. Так они и не увиделись. Приехали извозчики, началась суетня. Адриан не успел сбегать к другу. Только проехал мимо Лениного дома, помахал ему рукой. «До свидания, дескать, не скучайте без нас», — и все.

Митре, как всегда, уйти не составило большого труда. Ромчик твердо настоял на том, что обязательно должен проводить товарища. И его маме не оставалось ничего иного, как

приехать вместе с ним на вокзал. В этом была и своя выгода. Назад, конечно, тоже поедут на извозчике, да и Митрю прокатят.

Взрослые негромко переговаривались. Вадим был со своими товарищами. Они изображали из себя больших. Даже уходили потихоньку курить. Агафоновна сидела в стороне от других. Держала на коленях корзиночку, из которой выглядывало горлышко длинной зеленой бутылки с молоком. Старуха молча глядела в окно по другую сторону зала, где редкие фонари освещали булыжную привокзальную площадь и темнел поднимающийся вверх город. Наверное, она думала о том, что ей уже никогда не придется вернуться в Крутов, где прошла вся ее нехитрая жизнь.

Адриан и его друзья прохаживались по залу ожидания. Они давно оглядели все, что можно было оглядеть, выходили на перрон и возвращались назад. Кажется, сказали друг другу

все, что надо было сказать. Своего нового адреса Адриан еще не знал, и потому на письма могли рассчитывать только Ромка и Митря. Ромчик печально смотрел на Адриана. Он жалел, что вот все-таки пришел день и его друг уезжает навсегда. Вздохнув, сказал:

— Я вырасту, тоже в Ленинград поеду. Учиться. Только еще не знаю — на доктора или на скрипача.

Митря негромко насвистывал. У Митри не очень-то, когда он этого не хочет, узнаешь, о чем думает. В том, что ему тоже когда-нибудь придется побывать в Ленинграде, Митря до конца уверен не был. Все-таки Ленинград далеко... Впрочем, Митря любил читать про летчиков и аэропланы и уверял, что теперь, чтобы облететь даже вокруг света, нужно не больше недели.

Прекратив свистеть, Митря, как бы невзначай, бросил:

— Валечке не говори, что мы его велосипед доломали... Я, может, еще починю.

— Да разве ему жалко велосипеда?.. Знаешь ведь Валентина.

— Я не про то... Я все равно починю... — сказал Митря и больше от него, кажется, не услышали и слова.

Омский поезд опаздывал. Уже стала беспокоиться Ромкина мама. Час поздний, когда они попадут домой? Уже зевал сам Ромчик. Митря, казалось, был ко всему безразличен. Но когда, наконец, подкатил надсадно пыхтящий паровоз, из-под огромных колес которого в ночь снопами летели искры, когда ударил вокзальный колокол и, захватив свою поклажу, отъезжающие и провожающие кинулись разыскивать свои вагоны, когда уже в суতোлке у тамбуров слышались крики: «Садитесь, садитесь!.. Пишите!. Не забывайте!..» — в этот самый момент Митря успел схватить Адриана за руку и, сунув ему что-то, торопливо проговорил:

— Это я тебе... Клади в карман. После поглядишь... — и затерялся в толпе провожающих.

Снова слышались удары колокола, низкий басок паровоза, перезвон буферов. Поезд тронулся. Медленно поплыл вокзал с ярко освещенными окнами ресторана, с надписью

под крышей «Крутов-1». Побежал назад перрон с кучкой знакомых и с двумя конниками — Митрей и Ромчиком, стоявшими отдельно от других.

Уже устроившись на верхней полке, долго не в силах уснуть, Адриан вспомнил о том, что Митря ему что-то отдал в последний момент. Адриан полез в карман брюк и вытащил завернутый в газету спичечный коробок. Он раскрыл его и в полутьме нащупал что-то гладкое. Пленка!..

Как раз в этот момент поезд остановился на первой станции после Крутова. Их вагон оказался против фонаря. Адриан торопливо стал разглядывать на свет то, что ему отдал Митря. Это были самые любимые, самые драгоценные кадрики из Митриного богатства: Вильям Харт на коне... Негр из «Дьяволят» с кинжалом в зубах... Малиновый кадрик — пожар в Техасе, Чарли Чаплин с малышом Джекки Куганом... — те самые кадрики, которые у Митри никто не мог выпросить, которые невозможно было у него выменять не только на оловянных солдатиков, но даже на голубей.

Адриан запрятал кадрики назад в коробок и сжал его в руке. Вагон дернуло. Где-то впереди затарахтел паровоз. В купе снова сделалось темно. Поезд уходил все дальше от Крутова.

Чем кончилась вся эта история

С тех пор как уехал Адриан, прошло три года, и вот на улицу Профсоюзов пришло письмо Митрохину Андрею.

Митря забрался к себе на голубятню — она еще держалась, вскрыл синий конверт и прочитал:

«Здравствуй, Митря!

Как я был рад, получив от тебя письмо! Я ждал его давно, но понял, что тебя не было в Крутове, а то бы ты сразу ответил. Значит, летом ты был в пионерлагере. Ну, как там у вас в Боровом? У нас под Ленинградом столько пионерских лагерей!.. Слезешь с поезда, кругом: «Старый барабанщик...» «Старый барабанщик!..» и фанфары... Но не в этом дело. Здорова, Митря, что ты поступил в аэроклуб. Наверно, все-таки будешь летчиком, раз уже летал с пилотом. Про то, что Леня с родителями уехал в Москву, знаю. Получил от него оттуда письмо. Почему мне не пишет Ромка? Ты говоришь — ходит куда-то с отцовской скрипкой, занимается музыкой. Пускай, раз нравится. А я в музыке не понимаю. Тут мы со школой ходили на утренник в филармонию. Играли симфонию немецкого композитора Вагнера. Просто не знал, когда это кончится.

Про то, что Марсельезин дедушка умер, знаю. И что его хоронило много народа, тоже знаю.

Митря, ты пишешь, что если бы я приехал, не узнал бы дороги за мостом, где были овсяные поля, а теперь там строят завод — все перекопано и даже поезд туда провели. Я про это знал еще в Крутове. Мне рассказывал мой папа. Он говорил, что там поднимется завод-гигант.

Где товарищ Залесский? Видишь ли ты его?.. Хороший он дядька, правда? А магазин Сожича, значит, закрылся? У нас в Ленинграде тоже позакрывались все частные лавочки. А где Ромкин дядя? Говоришь, куда-то исчез? Наверное, опять где-нибудь приспособился? Да ну его. Я знаю, что Ромчик про него и говорить не хочет.

Ты спрашиваешь, видел ли я Валентина К.? Видел несколько раз. В Академии он, уже на пятом курсе, и скоро начнет писать диплом (большую картину). А я хожу в вечернюю художественную школу на Таврической улице. Так что нам с ним есть о чем поговорить.

А теперь я тебе такое расскажу, что вы с Ромкой не сразу и поверите.

Один раз звонит мне по телефону Вален-

тин и говорит, чтобы я в воскресенье никуда не уходил, а пришел бы в 11 часов в Эрмитаж, где он меня будет ждать.

Ну, в воскресенье, еще и одиннадцати не было, я уже в Эрмитаже. Жду Валентина. Вдруг вижу — он идет и улыбается.

Мы разделись и пошли по залам. Ох, Митря, когда приедешь в Ленинград, пойдем в Эрмитаж, посмотришь, сколько там картин. Тысячи. Всех великих художников со всех стран!.. Валентин говорит: «Сейчас придем в один зал...» Ну, дошли до этого самого зала. Валентин говорит: «Закрой глаза!» и повел меня за руку. «А теперь, — командует — открывай и удивляйся». Я как открыл, чуть не обалдел... Прямо напротив меня в золотой раме под стеклом... что бы ты думал? Догадался?.. «Старик со свечой!» Только настоящий. Гляжу и не верю. Картина такая же точно, как на копии. Только, пожалуй, немного потемней, а свет на лице старика еще ярче. Глаза у него живые, на тебя смотрят — не оторвешься. И руки жилистые, совсем настоящие. Я от удивления слова сказать не могу, а Валентин смеется. «Вот, — говорит, — где пришел конец всем нашим крутовским поискам. Это и есть рембрандтовский оригинал, который искали». — «Откуда же, — спрашиваю, — он тут взялся?»

Тут он рассказал мне целую историю.

Оказывается, тот управляющий старого князя где-то припрятал картину в Петрограде, но где, узнать не могли. А сам этот тип удрал за границу. Сперва он там жил, о себе не напоминал, а потом, когда все успокоилось, решил потихоньку вывезти шедевр и продать за золото. А картину он оставил у одной старушки-генеральши. Генерал давно умер, а она жила на Ковенском переулке. Вот там у нее в комнате и висел этот самый шедевр и никто на него не обращал внимания. Потом, через много лет, этот управляющий отку-

да ни возьмись появился, и фамилия у него была теперь другая — иностранная — мистер какой-то. Он позвонил старушке по телефону и велел сообщить ему, когда в квартире никого не будет. Он тогда явится за картиной.

А старушка поняла, что тут дело какое-то темное и пошла в милицию и про все рассказала. И когда этот «мистер» к ней пришел, его там ждали сотрудники уголовного розыска, и ему нечего было делать — пришлось во всем сознаться.

Но арестовать этого хитреца было нельзя, потому что он оказался иностранным подданным. И ему только велели поскорей убираться туда, откуда взялся.

Про это, оказывается, было написано в вечерней «Красной газете», и он там называется «мистер К.» Только я тогда жил на даче и не знал. Но про Крутов и про то, как мы нашли копию, ничего написано не было.

Да ну и ладно. Рембрандта все равно бы отыскали и без нас. Теперь «старик» висит в рембрандтовском зале слева у окна и там всегда возле него стоят люди и не знают, что в Крутове есть точно такой же. В общем, как он ни прятался, а все-таки его вывели на свет.

Когда приедешь в Ленинград, обязательно пойдем в Эрмитаж и посмотрим. Здорово все-таки, что у авантюристов ничего не вышло и шедевр остался у нас в СССР, и теперь все могут его увидеть!

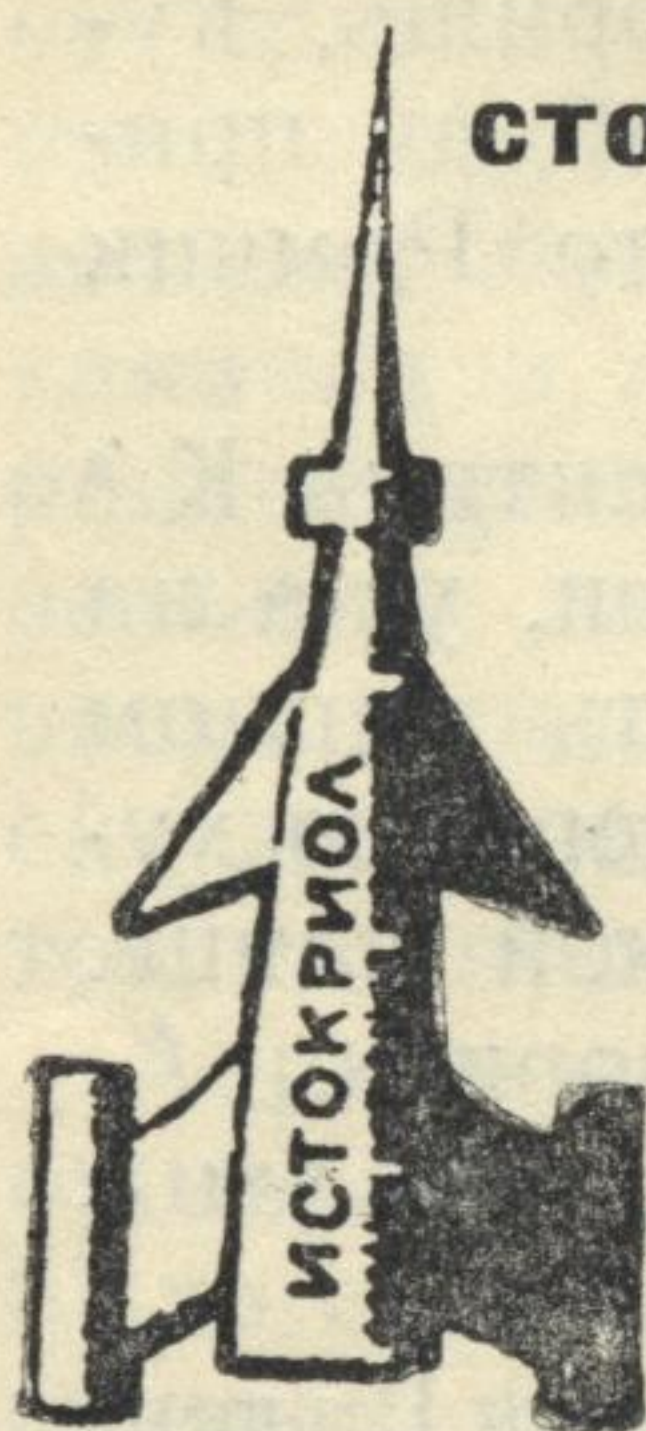
Ну, пока. Письмо это я тебе пишу третий день, а сейчас пойду в худ. школу и по пути опущу. Марку уже купил. Она с аэропланчиком. Специально для тебя.

Приезжай, пожалуйста, Митря. Или прилетай, раз ты будешь летчиком. Жму руку Ромчика. Расскажи ему. А М-зе можешь ничего не рассказывать. Она уже про все знает...

Остаюсь твой старый друг Адриаха.

Из Ленинграда, 1930 г.»

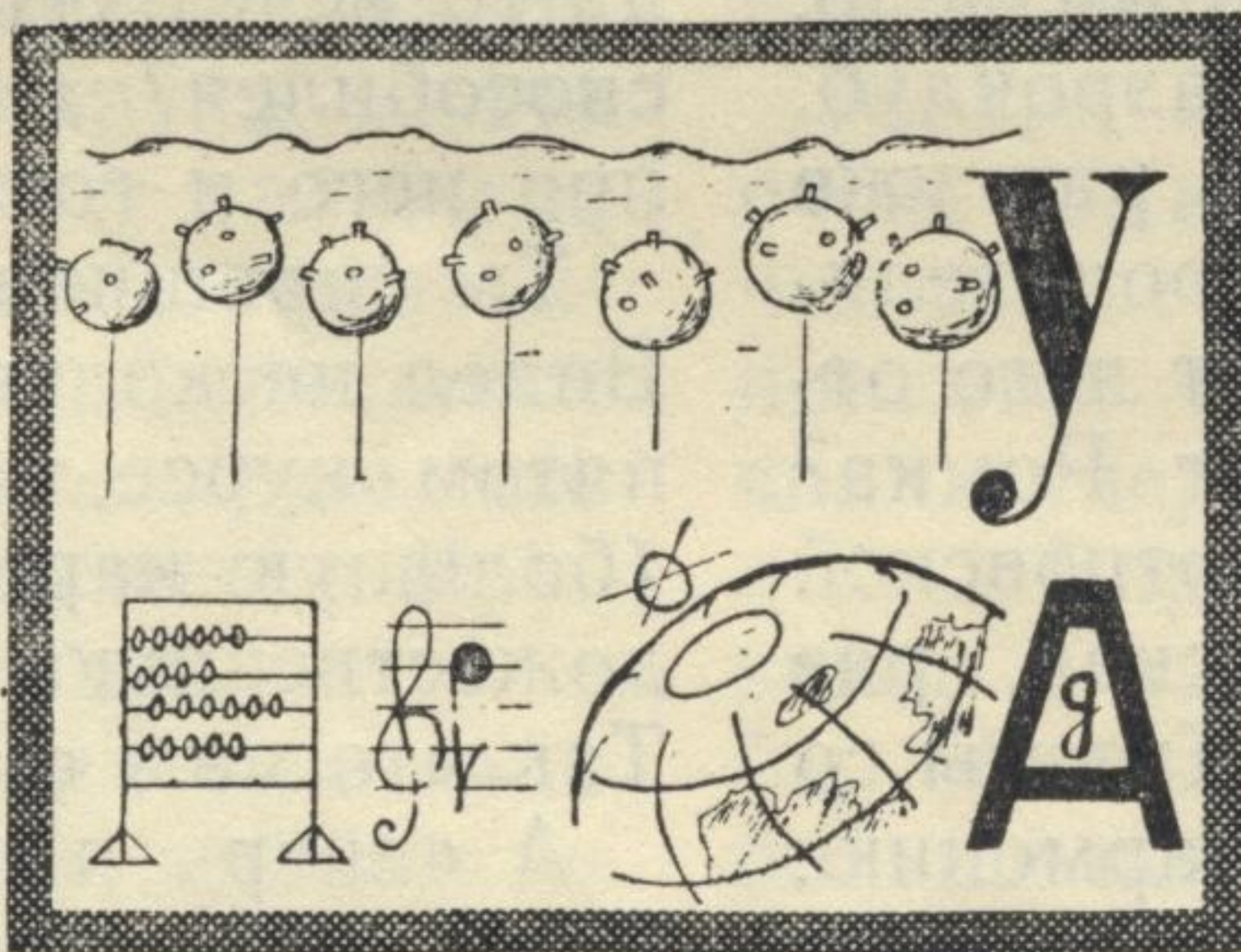
Задача восьмая

СТОЛ ЗАГАДОК-66

Задача седьмая

Разгадайте ребус. Вы узнаете, какое число нужно вписать в шестой кружок...

Есть слова, которые, потеряв одну из своих букв, превращаются в новые, совсем другие слова. Например, грация-рация, горсть-гость, заводь-завод. Вот еще такие же интересные слова: вклад, диск, буер, ласты, рояль, сотня, сырок, рейка, склон, рупор, убыль, шарж, торос, клен, вязь, плуг, тиара, башлык, свиязь, стойка, карета, затвор, огород, снаряд, ранет, отмель, тарань. Превратите эти слова в другие — так, как показано выше, а исключаемые буквы выписывайте по порядку. Составится фраза-совет. Последуйте ему!

По традиции в декабрьском номере спортивные журналисты рассказывают об одном из соревнований уходящего года...

**НА ЭТОТ РАЗ ИСТОРИЯ,
В КОТОРОЙ УПОМИНАЕТСЯ
НАСТОЯЩИЙ МАРКИЗ,
НЕГР С ОСТРОВА ГВАДЕЛУПА,
ДЕВОЧКА С БОЛЬНЫМ СЕРДЦЕМ
И КОГОРТЫ РИМСКОЙ КАВАЛЕРИИ**

Эстафета 15 × 100

30 августа в день открытия чемпионата мы сели в автобус и поехали на стадион. Ехать пришлось долго, через весь огромный город на Дунае. Улицы становились все безлюднее, дома все ниже. И пассажиры из нашего автобуса больше выходили, чем входили. Когда мы добрались до стадиона, автобус был пуст, только клевал носом огороженный по местному обычаю прилавочком кондуктор.

Стояла тишина. На стадионе не было ни души. Можно было занять любое из четырнадцати тысяч мест. Под центральной трибуной зияли черными окнами клетки участников соревнований.

Мы присели на выщербленную каменную скамью.

Скамье, как и всему стадиону, было больше полутора тысяч лет.

Когда-то на эти холмы прискакали когорты испанской кавалерии римского императора Адриана, основали здесь город Аквинкум, столицу завоеванной Паннонии, и выстроили этот амфитеатр-стадион.

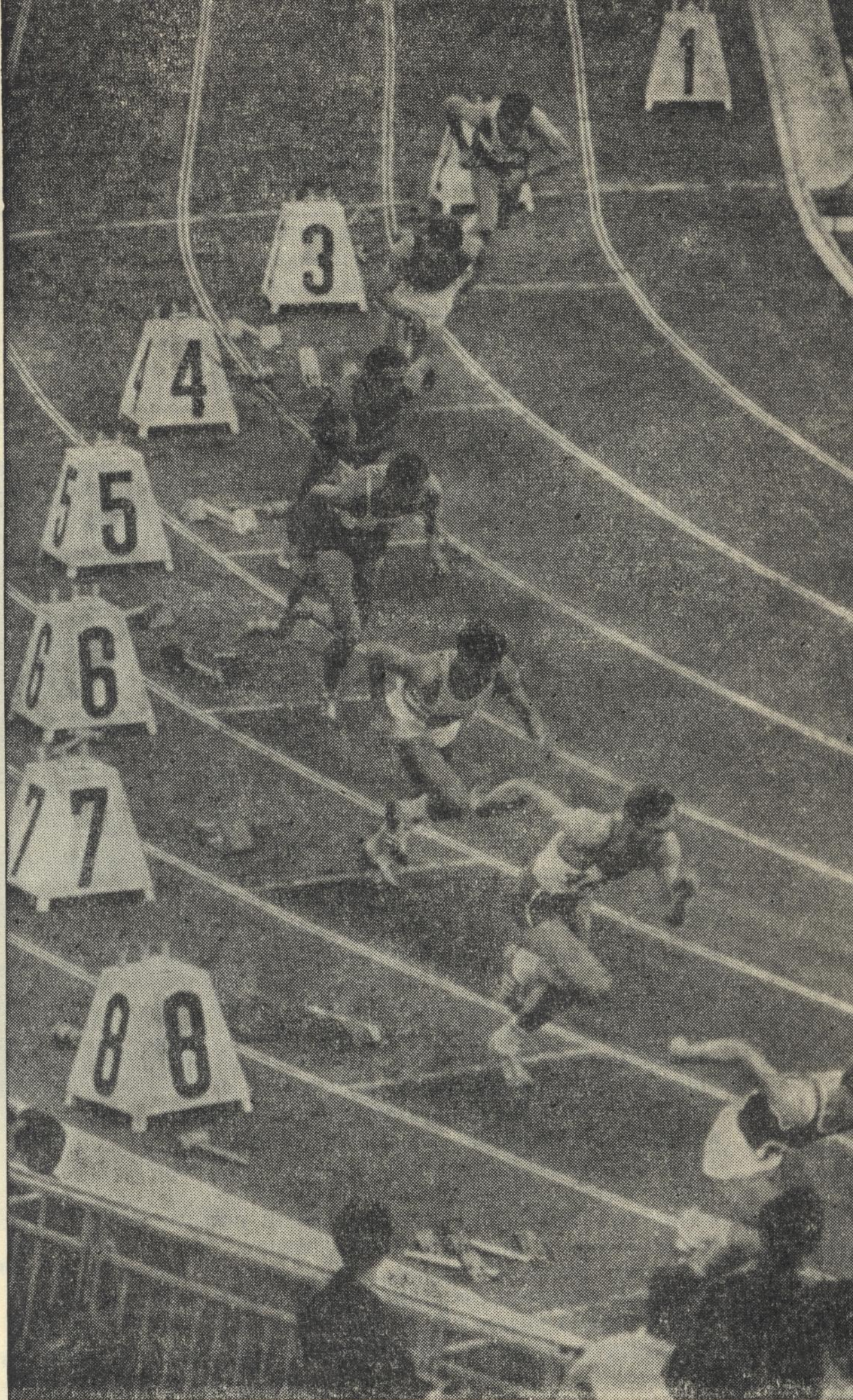
Уже в те незапамятные времена существовали две разновидности спортивных зрителей. Одни ходили на стадион, чтобы потешить себя зрелищем кровавой драки рабов с дикими животными. Другие — чтобы любоваться мужественными состязаниями сильных и ловких воинов. Потомки первых и ныне не перевелись на Западе. Это — любители грубого профессионального спорта. Мы с вами, конечно, ведем родословную от вторых.

Воины Аквинкума состязались в беге, прыжках, метании, так что, как видите, программа легкой атлетики за последние полторы тысячи лет не больно-то изменилась. Как эхо далеких времен докатились до наших дней воинственные названия легкоатлетических снарядов: молот, ядро, копье...

И вот эстафета пятнадцати столетий пришла в современный Будапешт.

Будапешт по праву стал в 1966 году легкоатлетической столицей Европы.

Уже в начале XX века, когда возродилась традиция олимпийских игр, а легкая атлетика удостоилась титула королевы спорта, венгр Силард Станковиц выдвинул идею легкоатлетических чемпионатов Европы. Дело это было в новинку, пришлось немало потрудиться, пока в 1934 году в Турине был проведен первый чемпионат

Европы. Славные имена венгерских легкоатлетов, таких как Ихарош, Рожовельди, Немет, звучали в списках победителей всех первых семи чемпионатов.

И на нынешний, VIII чемпионат, Венгрия выставила крепкий отряд претендентов на золотые медали во главе с тремя богатырями: Вильмошем Варью, толкателем ядра, Дьюлой Живоцки, метателем молота, и Гергеєм Кульчаром, копьеметателем...

Вот что вспомнилось на руинах римского амфитеатра за три часа до открытия соревнований.

А к Народному стадиону пробиться было нелегко.

Трибуны были полны.

Участники соревнований выходили не из каменных клеток, а из автобусов «Икарус-люкс».

И президент Международной любительской федерации легкой атлетики англичанин маркиз Эксетер сказал: «Спортсмены уедут отсюда обогащенными опытом участия в столь выдающихся соревнованиях, и годы пройдут, и дети сегодняшних зрителей будут спрашивать об этой достопамятной спортивной встрече, и вы, присутствующие здесь, сможете с гордостью сказать: «Мы были там».

Хорошо сказано, маркиз!

Трое и ленточка

В предварительных забегах спринтеров фавориты заметно сильнее своих соперников. Они побеждают играючи, явно экономя силы для решающих поединков. Новое сито — полуфиналы. Здесь уже не рассчитывай на легкую прогулку. Хочешь пробиться дальше — покажи все, на что способен. Вот на этом этапе, пожалуй, и проявляются наиболее ярко отличительные черты у спортсменов каждой страны, то, что специалисты называют «беговой школой».

Вот поляки — мощные, крепко сложенные атлеты, под ними, кажется, и земля дрожит. Итальянцы — совсем иное дело. Они бегут изящно, словно паря над дорожкой. У немцев — манера академическая, каждое движение размерено, выверено, к технике не придерешься. А французы столь стремительно переставляют ноги, словно ненароком попали на раскаленную плиту.

Совсем ни на кого не похож выступающий за команду Франции негр Роже Бамбюк. Он родился на острове Гваделупа, что неподалеку от Кубы. Окончена школа — и Роже в Париже. Бывалые олимпийцы хватались за голову, когда узнавали о секундах, которые Роже показывал на юношеских соревнованиях. Сейчас он, несомненно, бегун экстра-класса. Удивительно мягки его движения. Ноги у Бамбюка упруги, эластичны, как из каучука. Шаг широкий. Никакого напряжения на дистанции. Вот у кого надо учиться!

Ну, а чем же все-таки завершилась борьба на стометровке? Среди восьми финалистов лишь один наш — Николай Иванов. На финише он оказался лишь седьмым... (От юных спринтеров на будущем чемпионате Европы мы ждем большего!)

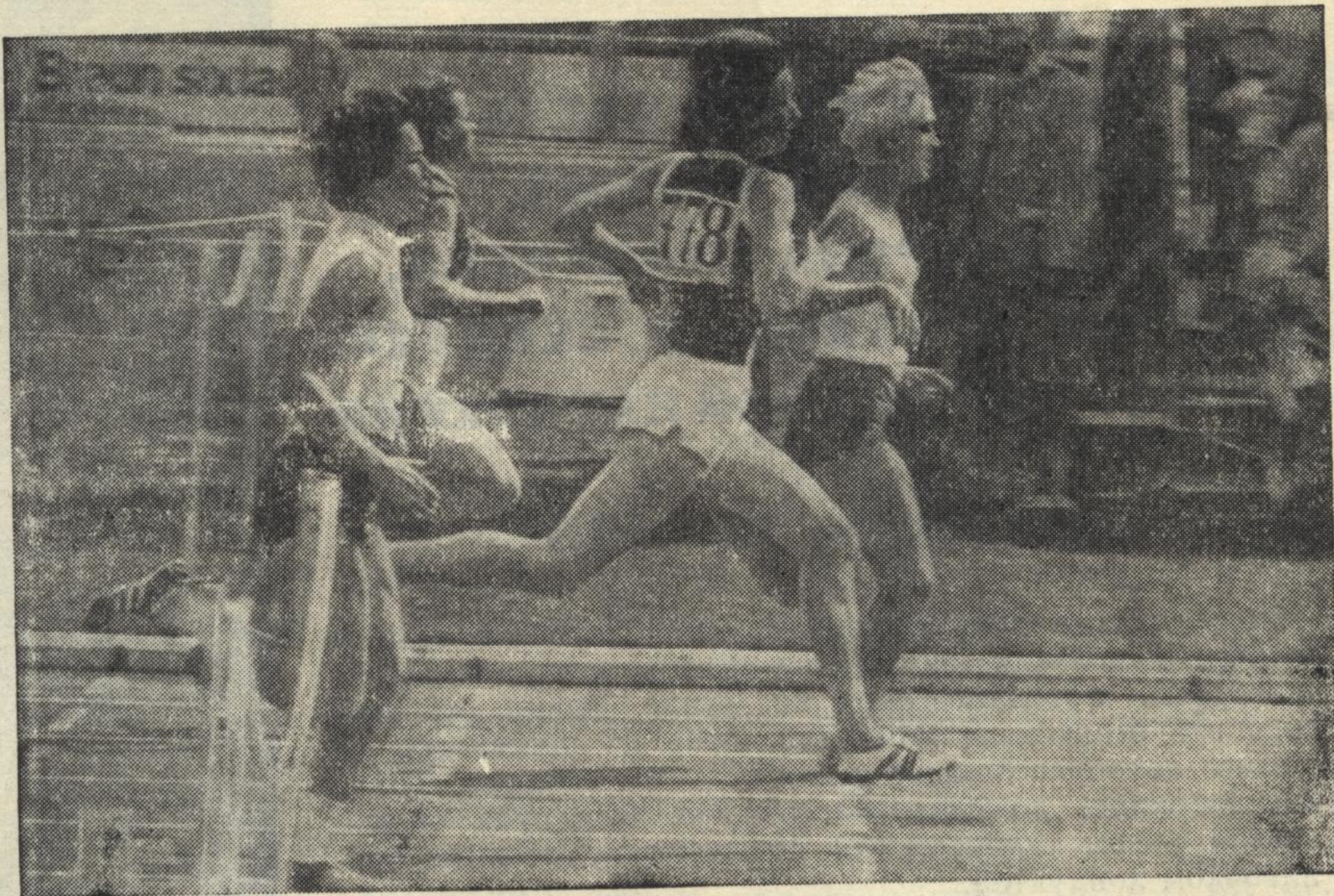
А первыми были сразу трое. Так кто же чемпион?

Польские журналисты срываются с мест: ни минуты

промедления — в Варшаве все должны знать, кто быстрейший в Европе! Маняк, конечно, Маняк!

Французские девушки кричат: «Вив Роже!» И уже слышен первый куплет Марсельезы.

— Повторение пройденного, — флегматично замечает наш сосед. Это значит, что он предрекает победу французу Пикемалю, который на предыдущем чемпионате в

Впереди — Влобуковска!

Белграде был победителем на стометровке.

Судьи-секундометристы сверяют показания хронометров. Бамбюк — 10,5. Пикемаль — 10,5. Маняк — 10,5.

Так кто же???

И бесстрастный фотофиниш отдает предпочтение поляку.

Наша Вера

Через два дня в финале бега на 200 метров Роже Бамбюк сумел доказать, что его притязания на золото вполне обоснованы. Такой старт, каким блеснул в этот вечер Роже, не часто увидишь!

400 метров. Чемпион — поляк Станислав Грендзинский.

На этих двух дистанциях советские бегуны остались в тени. Было отчего приуныть. Но вот и на нашей спринтерской улице небольшой праздник: эстафетная команда в алых майках закончила бег вслед за французами — на груди Эдвина Озолина, Амина Туякова, Бориса Савчука и Николая Иванова засверкали серебряные медали.

Еще об одной медали, хотя и бронзовой, надо сказать особо. Она была завоевана в такой упорной борьбе, с таким напряжением сил, что журналисты в своих отчетах отвели спортсменке, завоевавшей этот сравнительно скромный приз, больше строк, чем иным чемпионам.

На двухсотметровой дистанции, устремившись вслед за знаменитыми поляками Киршенштейн и Клобуков-

ской, наша Вера Попкова не пробежала, а, словно выпущенная из катапульты, пролетела в воздухе финишный створ. Эх, если бы все наши бегуны боролись за победу с такой же самоотверженностью!..

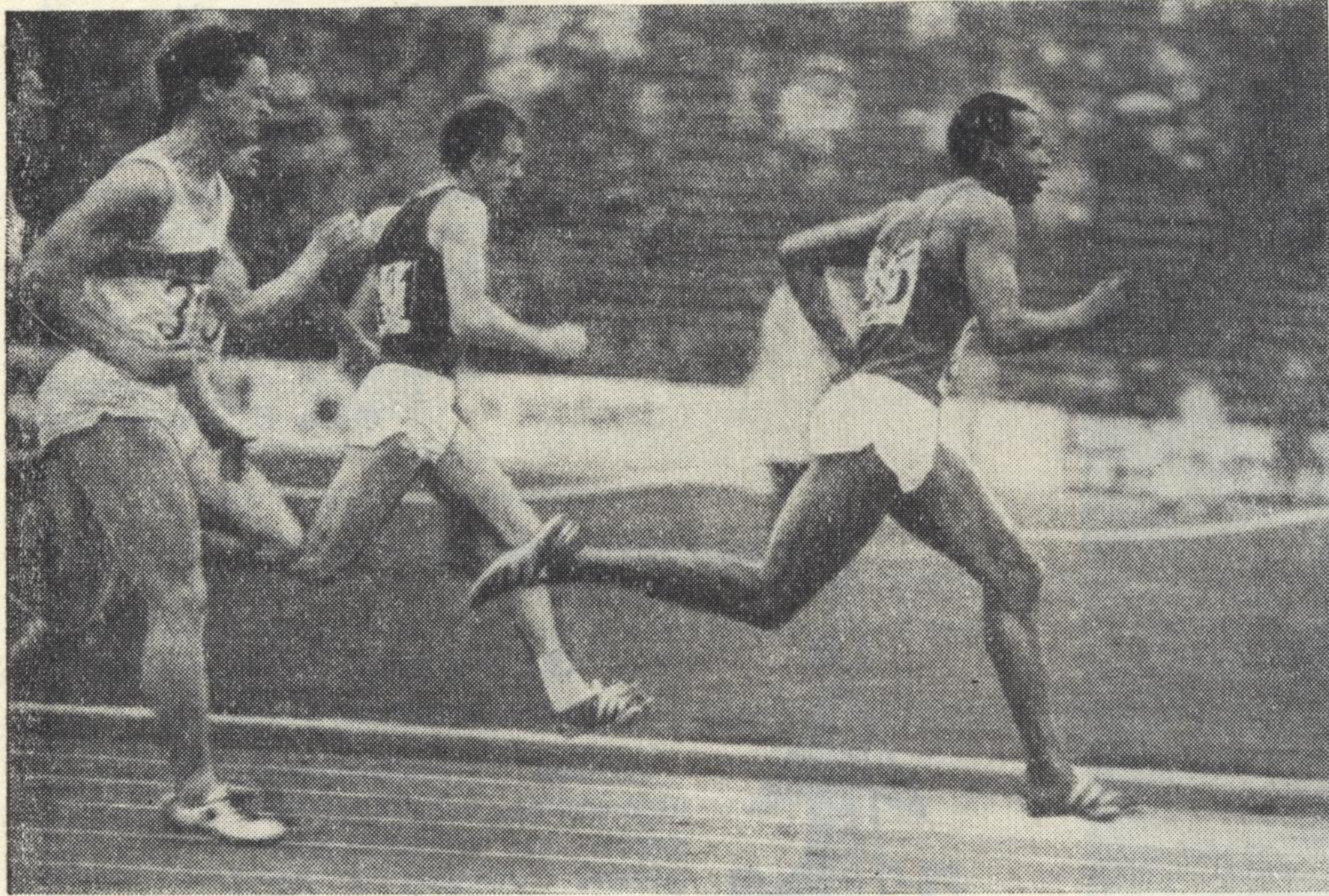
Кстати, один из нас пять лет назад познакомился с Верой на всероссийских юношеских соревнованиях на ленинградском Зимнем стадионе. Школьница из Челябинска с большим огорчением рассказала, что врачи не советуют ей продолжать занятия легкой атлетикой. Действительно, больное сердце Веры требовало постоянного медицинского контроля. Пришлось разработать особый тренировочный режим. Прошли годы, и вот теперь Вера не только сильная, здоровая спортсменка, но и выступает за сборную страны! А ее больное сердце стало сердцем настоящего бойца.

Вообще медалей, особенно золотых, оказалось значительно меньше, чем претендентов на них. Даже отлично подготовленные хозяева довольствовались лишь одной золотой наградой. Ее унес в своей огромной ручище гигант-ядротолкатель Вильмош Варью.

Зато торжествовали победу бегуны, прыгуны и метатели Германской Демократической Республики. Не было дня, чтобы на самой высокой мачте не развивался в честь победителя флаг этой страны. А ведь находились на Западе спортивные дельцы, которые до последнего

Кто где родился

Стадион — как овальный пирог, порезанный на куски. Красный кусок — это боковая трибуна, где сидят свободные от работы служители в своих красных костюмах. Блестящий кусок — где сидит военный оркестр, играющий в честь победителей. Наш, журналистский, —

Стиль Бамбюка — размашистость и мягкость

голубой (чтобы мы могли вести свои записи, на нашей трибуне сделаны голубые столики). А рядом — самый шумный кусок стадионного пирога — здесь сидят английские туристы.

Вот уж кто болеет от души!

Беги их англичанин хоть двадцать пятым, они все равно подбадривают его ревом труб и пищалок, выкрикивают в сотни глоток специальные болельщицкие стишки, размахивают английским флагом...

Про флаг мы и хотим рассказать.

В последний день чемпионата проводились состязания по марафонскому бегу. Около шести часов вечера диктор объявил, что к воротам стадиона приближается первый марафонец. Это был представитель английской команды Джеймс Хогэн. Сорок два километра пробежал он под палящим солнцем, намного опередил своих сильных соперников, и вот сейчас, выходя на последнюю стометровку, бежит быстро, уверенно и даже ускоряет бег. Красивый финиш!

На английской трибуне поднялась настоящая буря. Тут уж было не до скандирования стишков. Кричали, выли, дудели кто во что горазд. Одни хриплыми голосами уже запевали английский гимн «Боже, храни королеву!», другие просто орали или топали.

Не сразу мы обратили внимание на сидевшего неподалеку от нас веснушчатого англичанина с бледно-ры-

дня тшились помешать этой команде выступить в будапештском форуме. И когда гимн демократической Германии звучал над Народным стадионом (а это было восемь раз), незадачливых «деятелей» словно сдувало с трибуны.

жей козлиной бородкой. Он тоже пел, топал, кричал, но все это делал с какой-то сердитой физиономией. При этом он даже не глядел на поле, где совершал круг почета после своей победы Хогэн. Нет, он смотрел на свою же трибуну, на несколько рядов вниз, сердито тыкал в ту сторону костлявым пальцем и дергал за рукава соседей, призывая их разделить его негодование.

Что же такое там происходило?

Трое из группы английских туристов размахивали флагом. Только не полосатым английским флагом «Юнион-джек», а зелено-бело-оранжевым, ирландским. Постепенно рыжебородый привлек внимание своих соседей к ирландскому флагу, и уже довольно большая группа туристов, забыв о победителе, принялась переругиваться с ирландцами.

Впрочем, и тем было не до марафонца.

— Наш Хогэн победил! — гордо выкрикивали они наверх.

— Наш Хогэн победил! — отвечали им сверху и даже исподтишка грозили кулаками.

Англичане и туристы из подчиненной Англии Северной Ирландии так увлеклись перепалкой, что даже не обратили внимания на своего чемпиона, когда он проходил мимо их трибуны.

Эта неприятная сцена, далекая от традиций благородной спор-

тивной дружбы, была редкостной, но все же не единственной на чемпионате.

Нам запомнился разговор с корреспондентом одной западногерманской газеты. Толстяк, настолько огромный, что на трибуне ему специальным решением руководства чемпионата было отведено два места, он вечно жевал бутерброды, запивая их пенным пилзенским пивом. Это не мешало ему всякий раз, когда на стадионе происходило что-то важное, со спринтерской скоростью мчаться к телефонной кабине, отталкивать животом коллег и одним из первых передавать новость в свою газету.

И вот, когда неутомимый Роже Бамбюк блестяще завершил эстафету 4×100 и тем самым принес французской команде еще одну золотую медаль, мы с удивлением заметили, что нашего огромного коллеги нет в толпе бегущих к телефонам журналистов. Мы заинтересовались, в чем дело.

Немец проглотил очередной бутерброд.

— Я имел прибыть на перфенстф Еуроп, ниht на перфенстф Африка. — И запил свой ответ из толстой кружки.

Победа темнокожего Бамбюка не устраивала этого расиста. А может быть, ему и денег не платят за такие сообщения...

О спортивном подвиге нашего Виктора Нудинского читайте в „Костре“ № 3

Кто где родился! Это важно и неважно. Это неважно для тысяч болельщиков, которые дружно приветствовали блестящее мастерство итальянца Памича и венгра Варью, югославки Николич и француза Мадюбоста, немца Тюмлера и русской Чижовой. И конечно же, это важно, очень приятно и радостно, когда представитель твоей родной страны поднимается на пьедестал почета. Подлинный спортивный патриотизм всегда подразумевает уважение к другим народам. Узколюбое национальное чванство — не спортивное качество!

И еще один забавный эпизод, также связанный с тем, кто где родился.

Ирена Киршенштейн принесла своей команде три золотых и одну серебряную медаль. На пресс-конференции в честь талантливой польской спортсменки, давнего друга школы «Спринт», один из нас, гордый сведениями, которые ему удалось раздобыть, задал Ирене вопрос: «Пани Ирена, я узнал, что вы родились в Ленинграде, теперь я хотел бы спросить, где и как вы тренировались, когда жили в нашем городе?»

— В кровати, — засмеялась Ирена, — и немножко на полу. Мои родители вернулись в освобожденную от фашистов Польшу, когда мне был всего один год!

...А все-таки Ирена все равно немножко ленинградка!

А. Лосев
Ю. Михайлов
Будапешт — Ленинград
Фото В. Ун-Да-сина

СТОЛ ЗАГАДОК—66

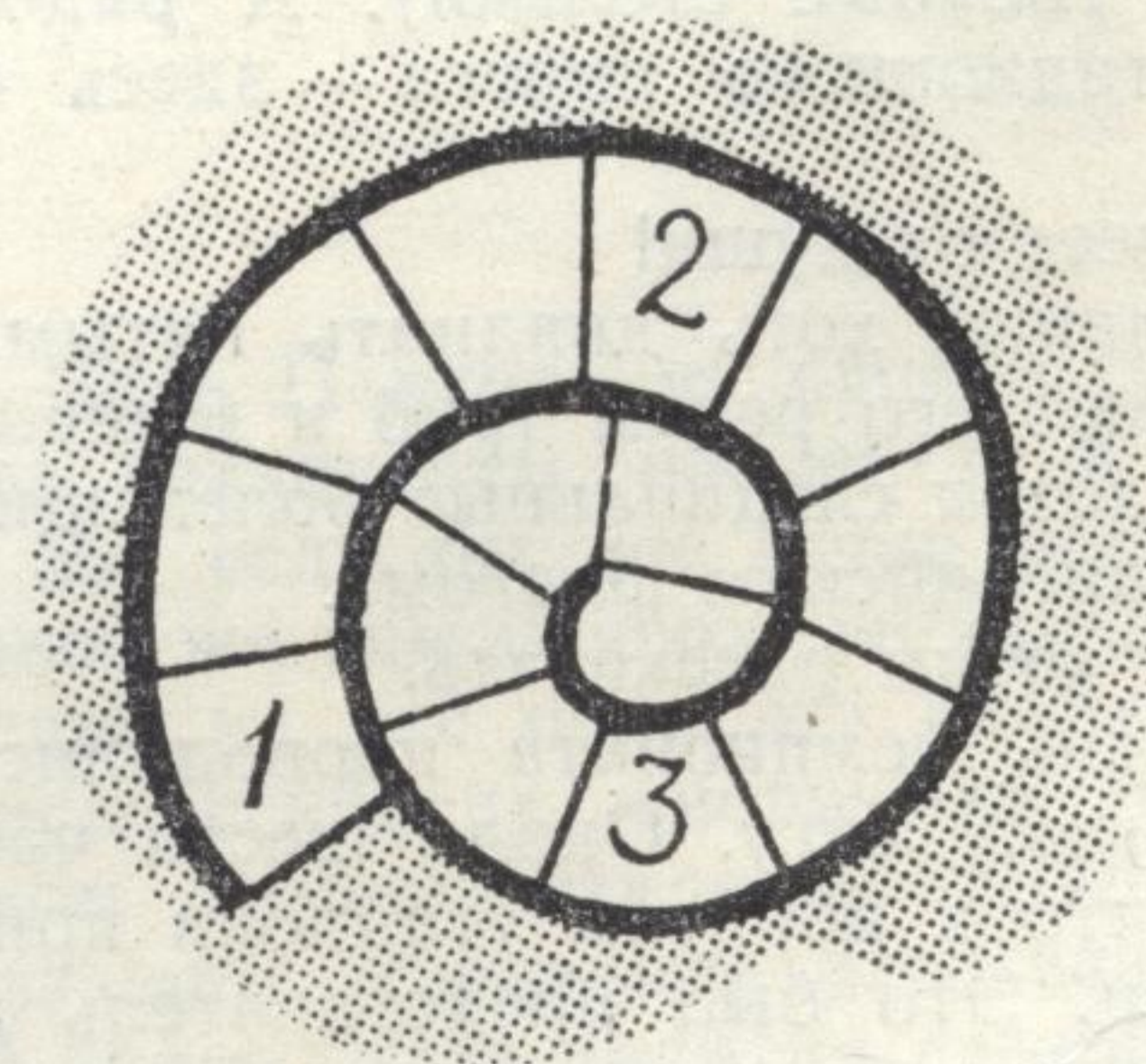

Задача девятая

Каково наибольшее количество частей, на которое вы можете разделить квадрат с помощью трех прямых линий! Впишите эту цифру в девятый кружок!

Задача десятая

Разгадайте чайнворд: 1. Беспорядочное скопление людей. 2. Команда служебной собаке, означающая «принеси», «подай». 3. Сосуд, предохраняющий содержимое от остывания или нагревания. Наш чайнворд с сюрпризом: вписав нужные буквы найденных слов в клетки фигуры, вы сможете в обратном направлении — от центра спирали — прочесть ряд новых слов; слов окажется не три, а больше. Сколько! Цифру впишите в пятый кружок.

Задача одиннадцатая

Вот двенадцать слов: подвиг, кадр, няня, мысль, быть, залив, совпадение, мера, весы, страна, мель, пакет. Выписав из каждого слова по две смежных (соседних, рядом стоящих) буквы, вы можете составить строку из произведения русского поэта, которое вы, конечно, читали... Начинается строка так: подВиг, каДр, Няне... Сосчитайте, сколько произведений этого поэта включено в наш список: «Полтава», «Мцыри», «Двенадцать», «Анчар», «Почта», «Узник», «Парус», «Мой май», «Про это», «Барабанная песня», «Разноцветная книга», «Великан», «Пожар». Сосчитали! Результат запишите в восьмой кружок.

Мы шли по улице, задрав головы, и смотрели в небо. Было совсем тепло, и небо качалось над нами, синее и ласковое. Белые облака проплывали прямо над головами, и мы наперебой кричали:

— Это крокодил!

— Это дворец!

— Это баба-яга!

И вдруг кто-то крикнул:

— А это наша Таня!

У стены дома действительно стояла наша Таня. Мы поняли: что-то случилось, у Тани какое-то странное лицо.

Мы все стояли и ждали. Наконец она выдохнула:

— Тигр!

Потом подумала и добавила:

— Там!

Ничего не прояснилось. Мы ждали, что будет дальше.

— Понимаете, из зоопарка тигр сбежал! Иду я по улице, а на столбе объявление висит: сбежал тигр!..

Кто-то хихикнул.

— ...сбежал и по городу ходит, злой, голодный...

— Где объявление, показывай!

Прижимаясь к стенке, мы крались в ту сторону, куда показала Таня. И вдруг... Вдруг из-за угла показался полосатый бок...

Мы остановились. Бок был облезлый и грязный. Шерсть свисала с него клоچьями, как вата, вылезая из старого матраца. Бок колыбался, рос... Сейчас он выскочит и...

Из-за угла показался рыжий парень, несший под мышкой старый полосатый матрац.

Мы пошли дальше. Наконец Таня остановилась и, кивнув в сторону столба, тихо сказала:

— Здесь.

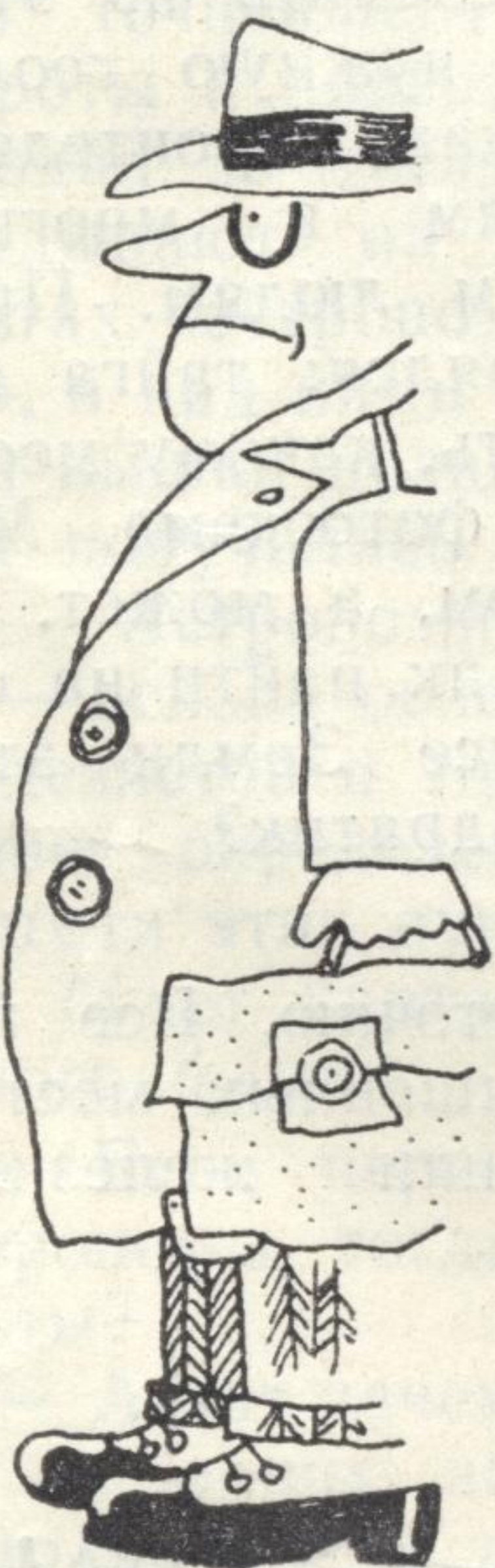
Мы подошли к столбу. Народу было много, все толкались, каждый хотел сам прочесть объявление. Наконец Наташка всех растолкала и громко прочла:

— Граждане! Сбежал котенок по кличке «Тигр» с белой мордочкой и белыми лапками, а сам весь черный...

Мы обернулись, а Тани уже не было.

Марина Острова
Ленинград, 7 класс

МОЙ ДОМ

Мой дом, молчаливый и строгий,
Стоит на квартале восьмом,
Мы, дети, очень дружно
В этом доме живем.

Утром дом пробуждается,
Мамы и папы на работу отправляются,
Младшие дети идут в детский сад,
А старшие дети еще спят.

Но вот старшие просыпаются,
Тогда молчаливый дом меняется,
Поднимается в квартирах беготня,
А на лестничных площадках кутерьма.

Но вот толстый, высокий, важный
Заходит наш управдом,
Опять молчаливым и строгим
Становится наш дом.

Таня Коваленко, г. Запорожье

САМЫЕ, САМЫЕ ПЕРВЫЕ

Лев Стекольников

Рисунки А. Януса

— Хочу стать геологом!
— Почему именно геологом?

— Да потому что геологи идут самыми, самыми первыми в самые, самые глухие места, где одни медведи и лоси живут. Геологи находят в тайге и в горах разные металлы, нефть, алмазы, а потом на тех местах стройка начинается: сперва поселки, а потом города.

— А как это себе представить? Предположим, ты окончил Горный институт, стал геологом. Тебя посылают с поисковой партией куда-то на север Сибири. С чего начать? Что взять с собой?

— Компас, рюкзак, консервы, галеты, геологический молоток... ну и карту, конечно. Без карты нельзя. Вот и все.

— Конечно, нельзя без карты... но постой, постой! Выходит, что геологи-то не первыми идут в эти самые, самые глухие места. Раз у них есть карта — значит, кто-то прошел раньше их, составил, вычертил, напечатал для них карту.

— Карта?.. Да ведь теперь она просто делается: пролетел самолет, сфотографировал местность — карта готова. Правда?

Но разве аэрофотоснимок — карта? На сером глянцево-м квадрате беспорядочно пестреют какие-то пятна, линии, квадратики... Можно только

догадаться, что это вот лес, а это, возможно, болото, этот квадратик — наверно, сарай, а может, и не сарай, а поленница. Но никто не скажет, какой это лес, какая это река, какое болото, проходное или непроходное, есть ли в лесу дороги, и, наконец, самое важное: где тут север, где юг?

— Узнать по теням от деревьев?

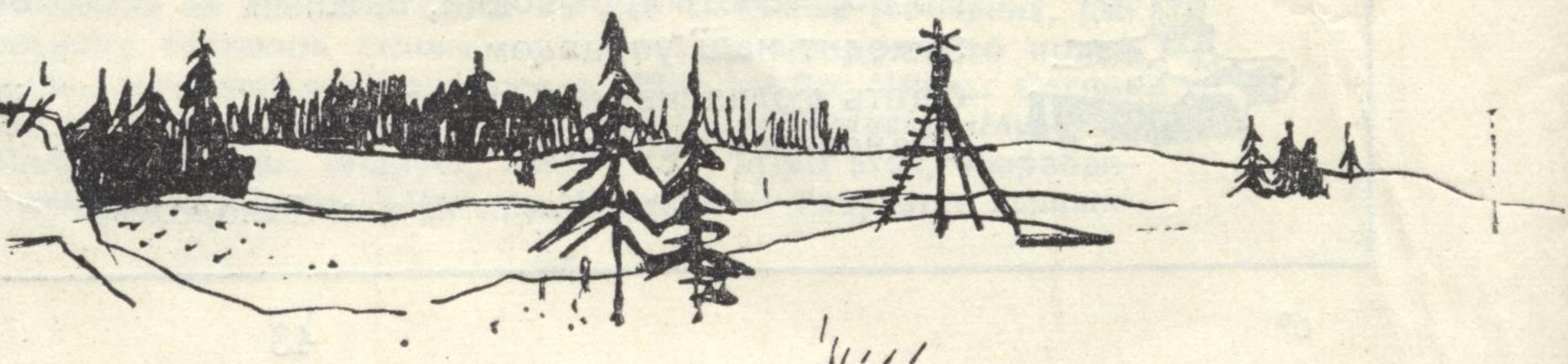
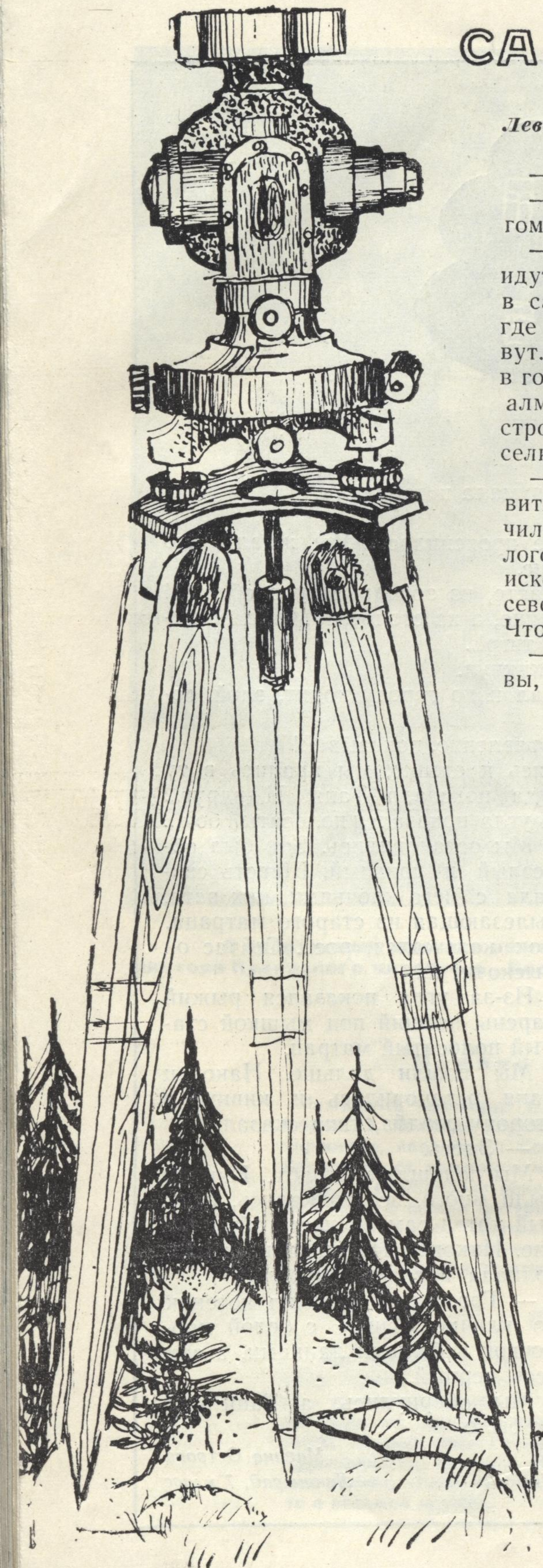
— Правильно, если самолет снимал в полдень, когда солнце на юге. Но самолет не снимает местность только в полдень, а просто когда есть видимость и облака не мешают, а потом, карта требует точности и точности.

— Значит, самыми первыми приходят топографы?

— Вообрази себя топографом. Ты собираешься в топографическую экспедицию. Тебе дали пачку аэрофотоснимков. Ты их склеил вместе. Получилось то, что называют фотосхемой. Схемой, но не картой. Твоя задача сделать из этой схемы карту, нужную геологам, дорожникам, строителям, лесоустроителям и многим, многим другим людям. Приехал и растерялся: тайга велика. Не понять, какому месту соответствует фотосхема. Может, оно рядом, а может, за сотни верст. Как найти на огромном глобусе Земли этот крохотный квадратик?

— Как?

— Сейчас уточню. Все видели на возвышенных местах деревянные или железные

вышки. Если вышка не высока, то внизу под ней вкопан маленький круглый столик для установки теодолита с забитым в середину гвоздем, или вместо столика стоит бетонный столбик с насечкой крестом.

Под вышкой, в земле, заложен «центр» — огромный камень с насечкой или бетонная глыба опять-таки с крестиком. В лесной местности, чтобы геодезист мог смотреть поверх леса, вышки поднимаются на двадцать, тридцать, а иногда на пятьдесят метров над землей.

— Значит, геодезисты самые, самые первые?

— Да, первыми приходят в глухомань геодезисты, но не обычные, а те, что умеют делать астрономические наблюдения...

— Астрономы?

— Можно сказать так: каждый астроном может производить и геодезические измерения, но не всякий геодезист может быть астрономом. Ранней весной, а то и зимой отправляются астрономо-геодезические экспедиции. Они везут с собой сложные приборы для точнейшего определения широты и долготы места. Наблюдая за звездами, они закладывают на возвышенных местах «астрономические пункты», а над ними ставят вышки. Эти вышки делают так, чтобы они получились на аэроснимках. Астрономические пункты — основа основ для работы геодезистов и топографов. Чем точнее определены широта и долгота этих пунктов, тем точнее будет карта, составленная топографами.

— Если первыми приходят астрономы, тогда зачем геодезисты?

— А вот зачем. Делать карту на одних астропунктах — дело долгое и дорогостоящее.

Вслед за астрономами приходят геодезисты и, как говорят, сгущают сеть опорных пунктов. Измеряя углы между астропунктами, они получают новые опорные точки для съемки. Эта работа называется «триангуляцией» — в переводе на русский язык — «делание треугольников». Потом приходят топографы.

— Бывают ли с топографами и геодезистами такие же приключения, как и с геологами?

— Что за вопрос! Бывают, да еще какие! Все лето бродят геодезисты по тайге, измеряя углы и строя вышки, а результат работы, качество ее можно узнать только в самом конце работы, когда измерят последний угол. Осень пришла ранняя, туманная, дождливая. Вот и сидел геодезист весь сентябрь на горе и ждал, когда откроется горизонт. А продукты идут к концу, одежда у него и рабочих летняя — как быть? И принял геодезист решение: отправить рабочих на базу, а самому остаться с инструментами на горе и ждать.

Тяжело ему пришлось. Ел он только мерзлую ягоду, пил навар из брусничных листьев. Заболел от голода и холода, но и больной не забывал ша-

рить трубой по горизонту — вдруг увидит далекую вышку и закончит наблюдения.

Прошла неделя. Геодезист терял последние силы. Но вдруг грянула буря, разогнала тучи. Геодезист отсчитал градусы и минуты и свалился без чувств. Так его и нашел высланный на помощь

вертолет: с журналом в руке, лежащим ничком под вышкой.

— Конечно, случаются и смешные истории. Однажды в пустыне Гоби, стоя на кургане, геодезист искал вежу с флагом. Нашел, отсчитал, записал в журнал, как вдруг... закачалась вежа, махнула «флажком» и побежала. Что за чудо! Это вместо вежи геодезист отнаблюдал пасущуюся лошадь. Стояла к нему носом и хвостом помахивала. Хвост он и принял за флаг, ведь воздух в пустыне беспокойный, струится, как речка.

... За пятьдесят лет советской власти наши астрономы, геодезисты, топографы совершили настоящий подвиг — покрыли всю территорию Советского Союза, все 22 миллиона квадратных километров, точной картой.

— Что же теперь делать топографам?

— А вот что. Земля все время меняется. Вместо лесных чащ появляются пашни, села, города. Там, где были степи, выращивают леса. В пустынях проводят каналы, человек срыгает горы и насыпает, где нужно, новые возвышенности. Вот и работы топографам и геодезистам все прибывает и прибывает.

Странная собака

Е. Верейская

Рисунок Т. Ксенофонтова

Недавно скончалась старейшая детская писательница Елена Николаевна Верейская. Не только вы, ребята, но и ваши папы и мамы читали ее книги «Таня-революционерка», «В те годы», «Три девочки», «Горничная Маша» и другие. В декабре этого года Елене Николаевне Верейской должно было исполниться 80 лет. Она не дожидается до этого дня. Но с нами остались ее книги, умные и добрые.

Мы печатаем один из последних рассказов писательницы.

Мое знакомство с этой огромной овчаркой продолжалось не больше получаса, и я даже не узнала ее клички, но запомнила ее на всю жизнь.

Мы с мужем путешествовали по Кавказу и на несколько дней остановились в местечке Шови на Военно-Осетинской дороге. Шел сентябрь. Турбаза была уже закрыта, но еще оставались в ней хозяева, а мы были единственными обитателями. Каждый день возле базы слонялись три-четыре, видимо, бездомные собаки, и повар Мария Ивановна гоняла их и ворчала на туристов, привадивших этих собак. Мы, конечно, тоже тайком, подкармливали их.

Однажды в ясное солнечное утро мы решили подняться на одну из высоких гор, окружавших поселок. Сначала шли долиной бурливой горной речки с красивым названием Чанчахи, потом у самого подножия горы свернули на тропу, уводящую в лес. Сразу начался крутой подъем. Лес был старый и могучий, под широкими кронами гигантских сосен, дубов и платанов стоял полумрак, и было прохладно. По обеим сторонам тропинки лежали увитые плющом стволы огромных деревьев, поваленных бурями. Мы долго шли этими джунглями, потом лес стал редеть, и тропинка вывела нас на широкий альпийский луг. Слепленные солнцем, мы остановились. Навстречу нам, болтая и смеясь, спускалась по тропке компания молодых девушек, а впереди бежала большая лохматая светло-рыжая собака.

Увидя нас, девушки сразу остановились и умолкли. Остановились и мы. Я так и ждала, что вот сейчас собака с лаем набросится на нас. Я знала, как свирепы эти кавказские овчарки. Но собака спокойно подошла к нам вплотную и внимательно стала обнюхивать. Я попробовала погладить ее по голове, она приняла это вполне благосклонно и даже чуть-чуть пошевелила пушистым хвостом.

Мы двинулись дальше. Девушки стояли на месте и молча разглядывали нас с нескрываемым любопытством.

— Здравствуйте, девочки! — сказал приветливо мой муж, когда мы поравнялись с ними.

— Вы откуда? — спросила я.

Девушки застеснялись и зафыркали, прячась друг за друга. Только одна, самая бойкая, показала на мешок, висевший у нее за плечами.

— О-рэхи... там... — ответила она, кивнув головой на заросли орешника высоко на горе.

— О-о! Сколько набрали!

Девушки кивнули нам и быстро стали спускаться. Но не успели мы пройти и десятка шагов, как снизу донесся звонкий крик:

— Слю-ушай!.. Куда пошë-ол?

Мы оглянулись. Девушки кучкой стояли уже далеко внизу и смотрели на нас.

— Тоже за орехами! — крикнул муж и помахал им кепкой.

— Так это же они не нам кричат, а собаке, — сказала я ему, — видишь, собака почему-то идет за нами.

— Нет, нам! — возразил он. — Во-первых, собаке они не станут кричать по-русски, а потом они же не зовут ее, есть же у нее кличка.

Девушки помахали нам руками, крикнули что-то на своем языке, должно быть, смешное и, расхохотавшись, побежали вниз. Пока мы стояли и смотрели им вслед, собака подошла к нам и остановилась, пытливо глядя то на одного, то на другого.

— Иди же домой! — сказала я ей и показала рукой вниз. — Беги за хозяйкой!

— Не понимает она по-русски, — повторил муж. — Пошли!

Подъем становился все круче. Мы оба были уже немолоды и, опираясь на палки, поднимались в гору очень медленно. И рядом так же медленно поднималась и овчарка.

Что ей от нас нужно? — удивлялись мы.

Солнце начало припекать, становилось жарко. В стороне от тропки лежал толстый ствол поваленного дерева.

— Давай отдохнем! — предложила я.

Мы свернули с тропки и направились к дереву. Собака так же — нога в ногу — шла ря-

дом. Мы уселись на ствол. Она сразу легла у самых наших ног и положила голову на вытянутые вперед лапы. Так ложатся собаки у ног хозяина.

— Странная собака! — в одно слово вырвалось у нас обоих.

Мы посмотрели вниз. Девушки уже давно скрылись в лесу.

— Если она так и пристанет к нам, что мы с ней будем делать? — сказала я.

Муж засмеялся:

— Ох, и влетит же нам от Марии Ивановны, если мы приведем к турбазе еще одного пса!

— Да, но посмотри, овчарка такая ухоженная и упитанная, никак не похожа на бездомную... Непонятно! — воскликнула я.

— Ну? Пошли дальше?

Мы поднялись, и сразу поднялась на ноги и собака. Она сладко потянулась и посмотрела на нас вопросительно. У нее была такая славная, такая красивая морда, что я не удержалась и стала обеими руками гладить ее, приговаривая ласковые слова.

— Приваживай, приваживай! — смеялся муж, — будет тебе от Марии Ивановны!

— Ну, не могу иначе, до чего она симпатичная! — отвечала я.

Мы вернулись на тропу. Она становилась круче и круче. Не отступая ни на шаг, шла с нами овчарка. Через каждые тридцать-сорок шагов мы останавливались передохнуть. Останавливалась и она.

Но вот мы у орехового лесочка. И тут прямо на нас выскочили из него две совсем юных

девчушки и остановились, как вкопанные, испуганные и растерянные. У каждой было по мешку с орехами.

Мы отступили в сторону, давая им дорогу.

— Бегите, девочки, догоняйте своих!

Надо было видеть, как радостно бросилась к ним наша овчарка. Но сразу обернулась, встала между нами и девочками и так строго посмотрела на нас, что мы расхохотались.

— Не бойся, не бойся, не тронем! — успокоил собаку муж. — Бегите же, девочки!

Живо переглянулись и тоже расхохотались и обе маленькие горянки и, привычные к крутым тропкам, вприпрыжку поскакали вниз. Побежала за ними и овчарка. Только она не умчалась вперед, как обычно делают собаки, а побежала сзади...

— Даже не простилась с нами! — грустно сказала я.

Да, тут мы поняли все... Она возвращалась домой со своей хозяйкой, но знала: еще не вся компания ушла из орешника, там остались две самые юные, а значит, и беспомощные девочки... А тут вдруг на гору пошли двое каких-то пожилых чужаков! Правда, она тщательно обнюхала их, и они не похожи ни на врагов, ни на грабителей, но все-таки... Кто ж их знает?... А вдруг они обидят тех двух, оставшихся в орешнике?... Нет, уж лучше проводить этих незнакомцев до самой встречи с девочками и, если понадобится, защитить...

Мы долго смотрели им вслед.

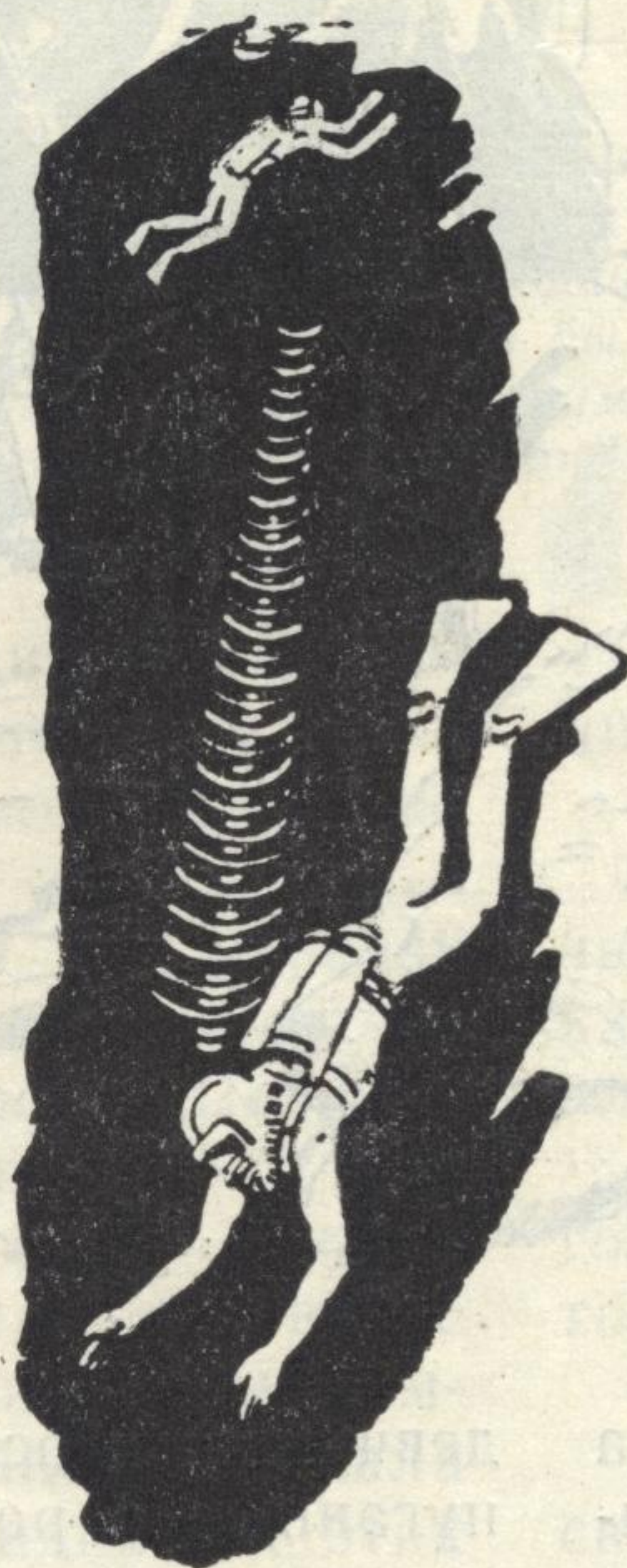
Странная собака? Нет, не странная, а очень очень умная.

Подводный телефон

Аквалангисты теперь участвуют в подводных кино съемках, занимаются расстановкой рыболовных сетей, изучают морское дно.

Когда люди-рыбы плывут под водой, им нередко нужно сообщить что-либо наверх, на плавучую базу, или просто поговорить друг с другом. До сих пор аквалангисты пользовались обычным телефоном, но соединительный кабель под водой необыкновенно громоздок. Пловец с телефоном лишен свободы передвижений.

Недавно английские инженеры Гейзи и Моррис предложили использовать под водой ультразвук. Такой телефон позволяет вести переговоры на расстоянии 450 метров. Шум волн не отражается на чистоте звука и не мешает переговорам.

Машина не ошибается

Кассиры утверждают (и не без основания), что считать деньги тяжело и неприятно. Собьешься раз, и начинай сначала! Чтобы пересчитать миллион, приходится тратить по меньшей мере день. Поэтому банковские служащие радостно встретили появление машин системы «Тикометр», предназначенных для счета денег. Во-первых, машины никогда не ошибаются и даже не сердятся, если их попросят пересчитать еще раз. Во-вторых, машины считают со скоростью 1500 бумажек в минуту.

Музей-маяк

В Польше есть Музей маячного дела. Помещается он в башне старинного маяка на мысе Рожеве, недалеко от порта Гдыня. Маяк этот построен в 1731 году на месте старого маяка, сооруженного еще в XVI веке.

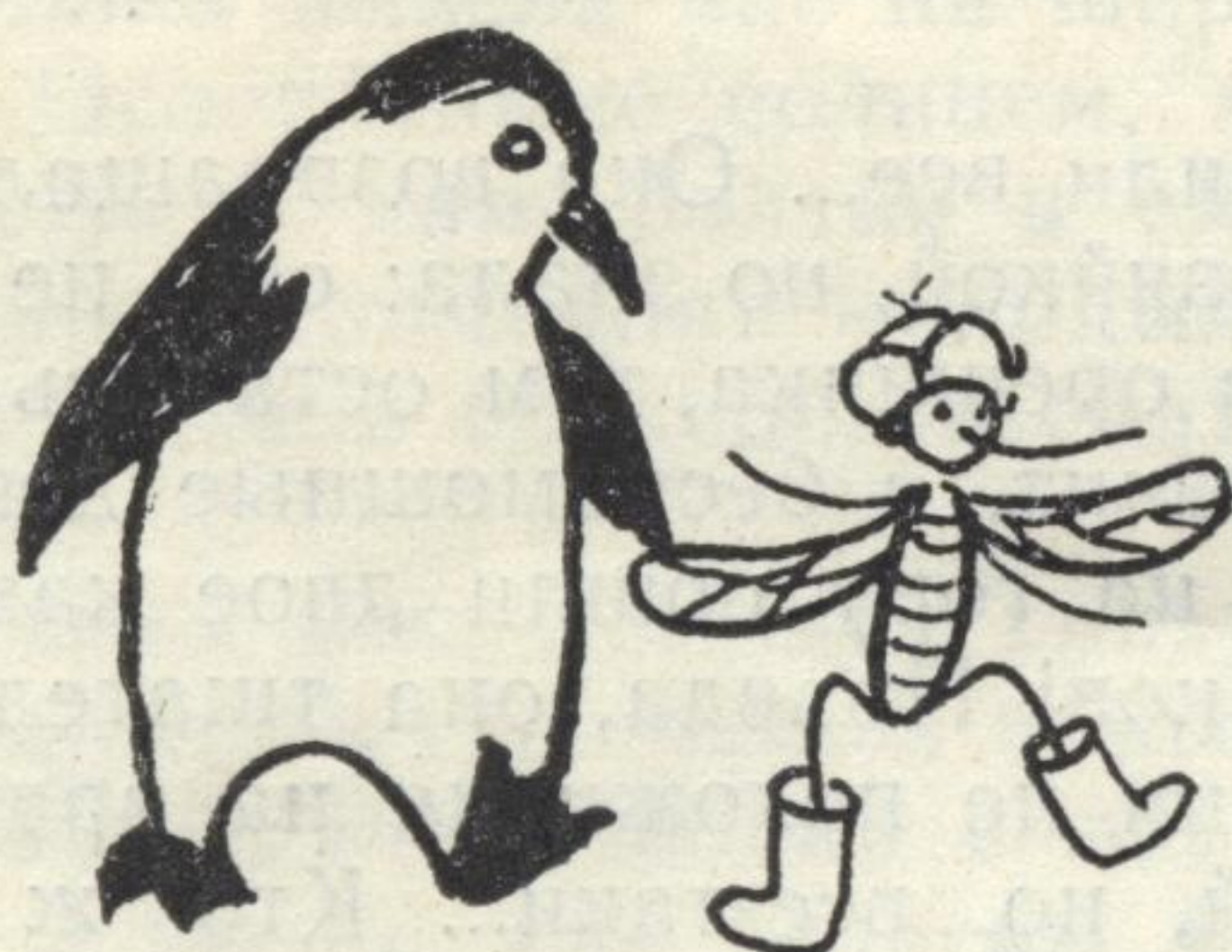
Не случайно музей устроен именно в этом маяке, самом большом на Балтике. Башня маяка двадцатиметровая, а на башне — фонарь с силой света в 4 миллиона свечей. За 60 километров видят моряки свет маяка.

Кот-охотник

Иначе и не назовешь кота, который в азарте прыгает не хуже борзой.

Единственный комар

На всем белом свете комаров видимо-невидимо. Не водятся они только в Антарктиде — суровый климат им не подходит.

Однажды в столовой поселка Мирный случилось невероятное — над столом пролетел комар. Он звенел и гудел назойливо, навязчиво, выбирая себе жертву. А все присутствующие умилялись — комар, единственный комар на ледяном континенте!

Как он очутился в Антарктиде? К какому из 20 000 видов он принадлежит? Загадка единственного антарктического комара долго занимала зимовщиков.

Возможно, комар попал в Мирный с дизельэлектроходом «Обь». Верна ли эта догадка, скажут только специалисты-энтомологи. А для этого единственному комару придется совершить обратное путешествие на Большую Землю, правда, уже в заспиртованном виде.

В честь животных

В Австрии выпущена редкая марка. Обычно на австрийских марках животных не изображают, но в связи с юбилеем Общества защиты животных выпущена марка с портретом молодого пса.

Растение-насос

Так иногда называют эвкалипт. За год дерево может высосать из почвы почти 14 тысяч ведер воды. Эвкалипты успешно осушают болота.

Телевидение выручает

в том случае, когда с микроскопом должны работать сразу несколько человек. Передача ведется с предметного столика микроскопа. Усиленное изображение попадает на экран телевизора. Микроскоп становится коллективным.

Грибы без леса

Профессору Варшавского Лесного института удалось вырастить белый гриб в колбе. Не один, а с целым семейством. Профессор открыл секрет

боровика. Ведь до сих пор только шампиньоны выращивали искусственно — не в лесу. Это важное открытие биолога предполагает использовать для создания специальных грибных хозяйств.

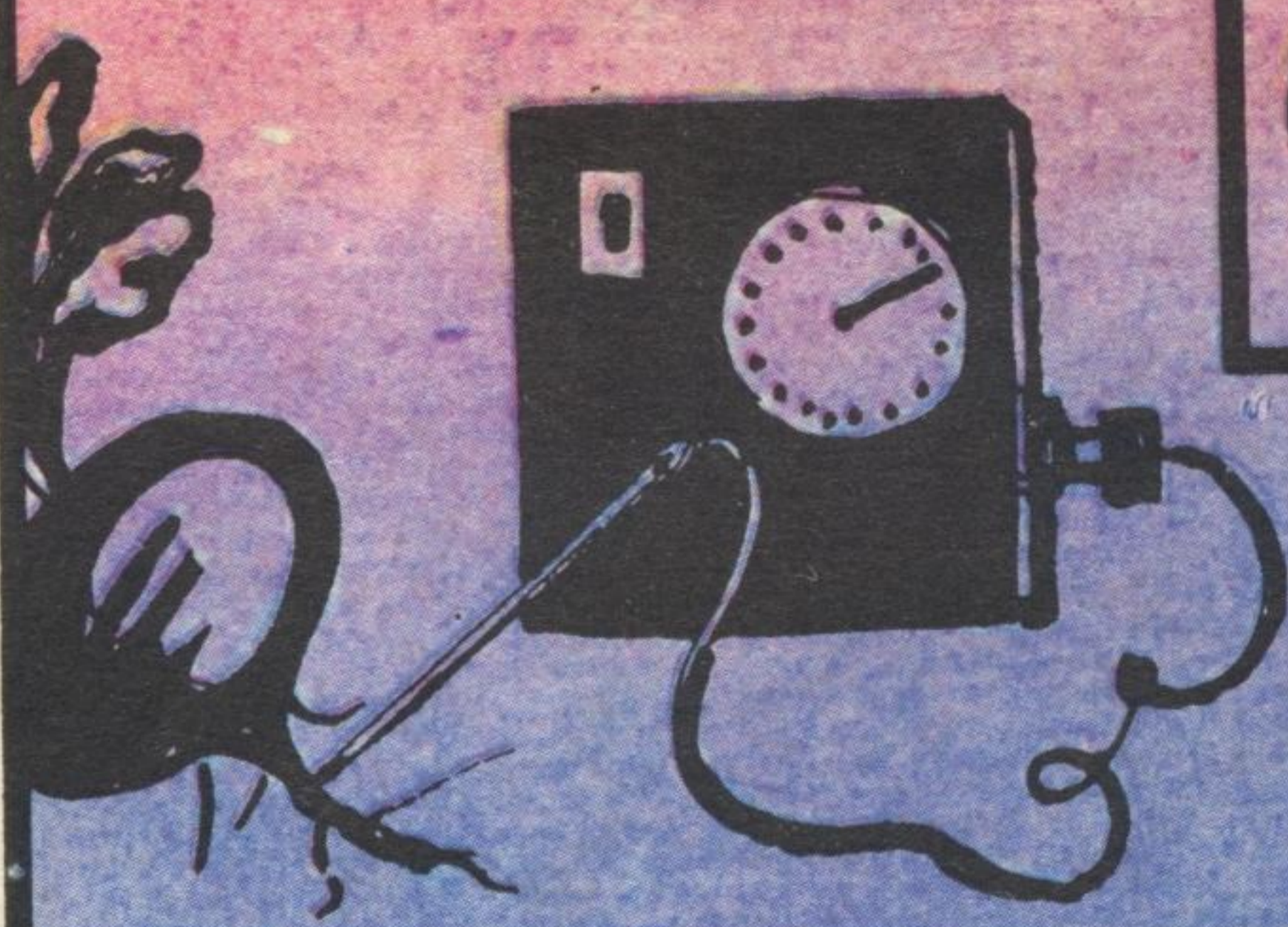
Говорящая иглолка

Пока свекла растет, надо следить, прибавляется ли в ней сахара. Обычно отрезают от корня кусочек, бросают в воду. Плавает — еще мало сахара в клетках, тонет — достаточно. Тех, кто испытывает „свеклу на сахар“, вооружили ящичком, от которого тянется провод с иглой. Иглу втыкают в корень свеклы. Чем больше в нем сахара, тем больше отклонится стрелка.

Тыква-телефон

вполне устраивала жителей древнего Перу. Две высушенные тыквы соединяли туго натянутой бечевкой. Передавать человеческую речь „тыквенный телефон“ не мог. По нему можно было „переговариваться“ стуком. Остатки этого примитивного устройства найдены при раскопках.

Спасибо альбатросу!

Человек упал за борт. Матросы спускают шлюпки на воду и вдруг слышат крик: — Гребите на альбатроса! Там, где только что сидела птица, плавал в пробковом спасательном жилете человек. Альбатрос сел — значит, нашел плавающий предмет.

Наш вопрос, друзья,
таков:
Сколько здесь
Снеговиков?
И который между ними
Школьник Гога
Мерзляков?

ВОЛШЕБНЫЙ КОТЕЛ

ХАКАССКАЯ СКАЗКА

Гравюра К. Озчинникова

Отправились как-то братья Сампир и Тайдан на охоту.

Целый день по тайге ходили, никакой дичи не подстрелили. К вечеру в деревню Шуш забрели, ночевать попросились.

Утром проснулись братья, смотрят, на столе золотой котел стоит. Шипит, пытит, паром плюется.

Хозяйка за стол гостей усадила, нос котлу в сторону повернула, побежала из золотого котла горячая вода. Хозяйка чашки подставила, чай братьям подала, а сама зачем-то из избы вышла.

Выпили братья чай, еще захотели. Сампир нос котлу повернул, а завернуть обратно не догадался. Льется кипяток, Сампир чашку за чашкой наливает. Скоро на столе пустой посуды не осталось. Схватил тогда Сампир шапку, под струю подставил. А вода сквозь шапку на стол бежит, со стола на пол льется.

— Что-то в этом доме неладно, — сказал Сампир брату.

— Что-то в этом доме неладно, — сказал брат Сампиру.

Быстро собрались и — за дверь.

Опять целый день по тайге ходили, никакой дичи не встретили. На другую ночь в деревне Картагаш в дом попросились.

Утром братья едва глаза открыли, опять золотой сердитый котел увидели. Хотели сразу бежать, да хозяйки побаиваются. А хозяйка гостей за стол усадила, чаем горячим угощает, подает чашку за чашкой, чашку за чашкой...

— Хо-хо-хо, — тихо сказал Сампир брату. — Опять к ведьме попали. Видно, утопить нас задумала. Что мы в этом доме плохого сделали?

— Ведьма! — закричал Тайдан хозяйке, — думаешь, не знаем, сколько воды в твоём волшебном котле? Дважды посуду можно занять, трижды шапку налить.

Испугалась ведьма, спиной к гостям повернулась, плечи от страха трясутся. А братья ружья свои схватили — и вон из избы.

Третий день в тайге, да не до охоты Сампиру и Тайдану — все про волшебный котел думают. Повернули обратно домой с пустыми руками.

Вот и родное селение перед ними, жены из дома выглядывают, мужей поджидают.

Вошли братья в дом — что такое! — знакомым дымом пахнет, волшебный котел золотом блестит. Кипит, шумит, паром плюется.

Не по себе стало братьям, — неужели их жены тоже ведьмами сделались? Переглянулись Сампир с Тайданом, жен схватили, скрутили, из дома вытолкали.

А жены бранятся, сердятся, во весь голос криком кричат:

— Мы обрадовать вас хотели, у проезжего купца самовар медный купили, а вы нас из родного дома гоните!

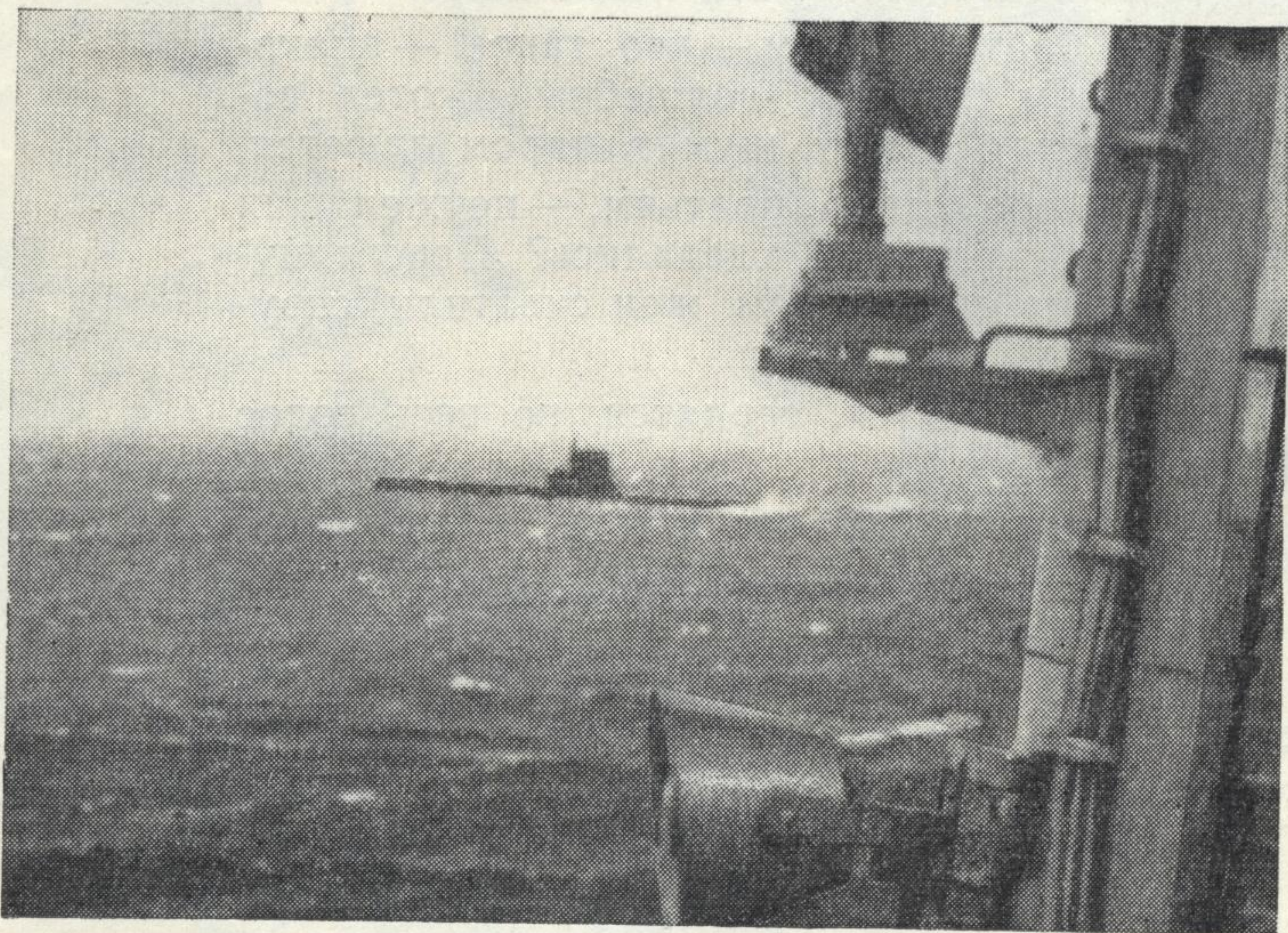
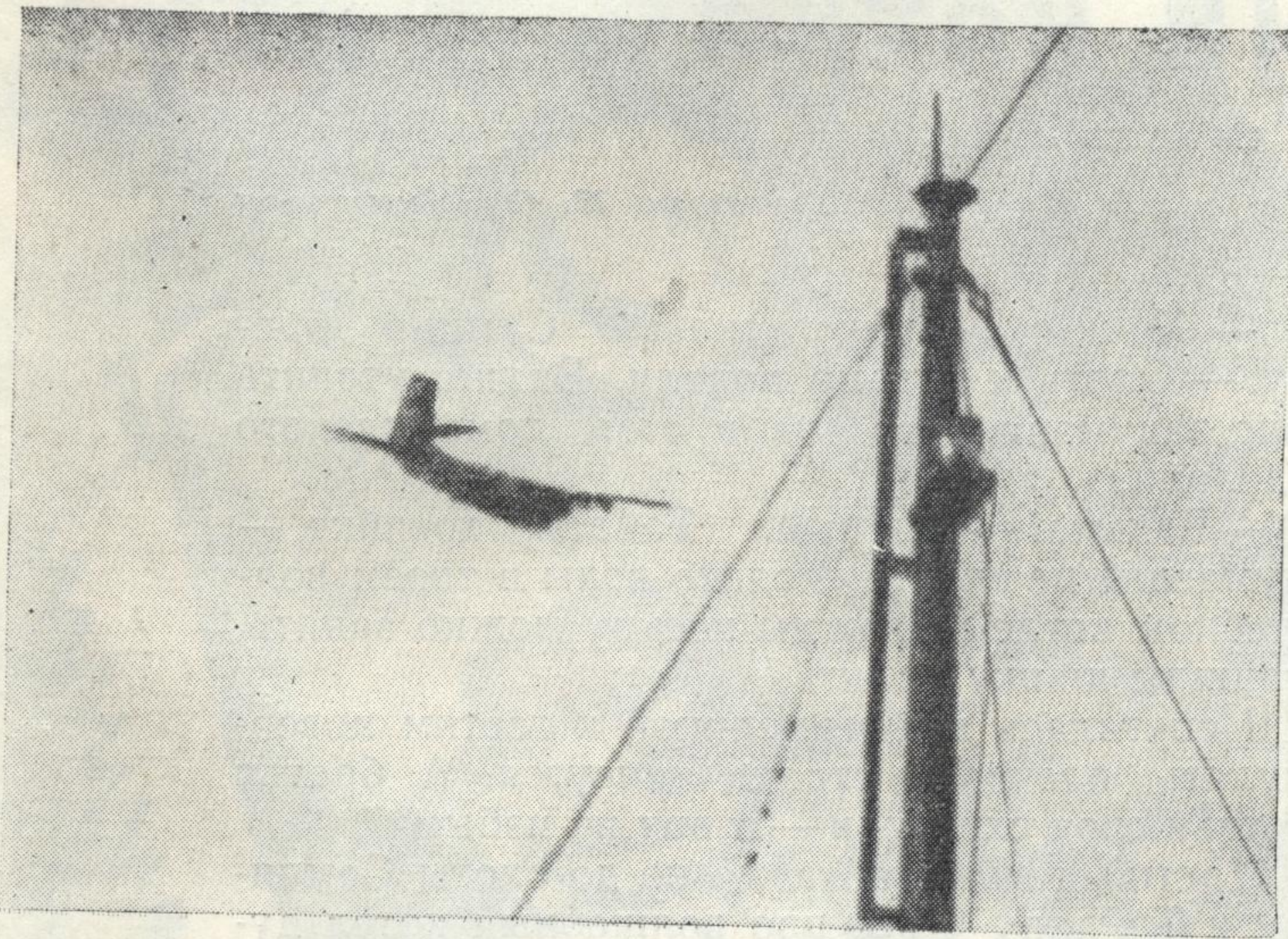
Мигом народ собрался. Пока спорили да рядили, угли в самоваре жаром разгорелись, вода выкипела, — он и распаялся.

Записала А. Медведовская

Литературная обработка Л. Кокориной

СЕЛЕДКА С ПРИВКУСОМ

К. Голованов

Впервые я понял, что значит настоящая исландская сельдь, десять лет назад в Голландии. Мы целый день бродили по Амстердаму, к вечеру порядком устали и проголодались. Вот тогда меня подвели к лотку. Мелкая монета прозвенела об оцинкованный прилавок. А продавец выхватил из бочки сельдку, сделал два неуловимых взмаха острым, как бритва, ножом и ловко отбросил в корзину рыбий скелет вместе с головой и внутренностями. В руках у меня очутились два длинных и сочных ломтика филе. Мы съели их без хлеба тут же у лотка. Вкус был удивителен.

Вскоре исландская сельдь появилась и в наших магазинах. Темно-серая с просинью, она выделяется среди своих сородичей и солидными размерами и желтым бисером жира на широкой мясистой спинке.

И вот недавно я вдруг почувствовал, что как-то иначе стал относиться к своей любимой исландской сельдке. Нет, ее качество было здесь ни при чем. Просто накануне на студии телевидения мы вскрыли необычную посылку. Она пришла из Атлантического океана с борта рыболовной плавбазы «Иоханнес Варес». Один из моряков, Владимир Воробьев, прислал кинофильм, который он снял во время очередного рейса.

Мы увидели на экране заснеженные, закопанные в лед берега Исландии. Здесь, в самом центре Северной Атлантики, редкий день обходится без шторма — и именно отсюда начинается свое путешествие к прилавкам знаменитая сельдь. Десятки судов из Таллина и Риги, Калининграда и Клайпеды, Ленинграда и Мурманска день и ночь «пашут» океан мощными глубинными тралами.

Неподалеку от советской флотилии трудятся норвежские, голландские, исландские рыбаки. Открытый океан отдает свои богатства каждому, кто сумеет их взять. Так гласят международные законы о свободе мореплавания. Тех, кто осмелился их нарушать, испокон веков называли: «пират». И мало кому из бандитов удавалось кончить жизнь не на виселице.

В темном зале студии стрекочет проекционный аппарат. На экране документальные кадры. 4 февраля нынешнего года плавбаза «Иоханнес Варес» подошла к Джорджес-банке. Здесь морское дно чуть поднимается и вода за бортом кишит рыбьими косяками. Моряки начали принимать с траулеров богатый улов.

Вдруг из облаков со стороны солнца вывалился самолет. С надрывным воем он пикировал прямо на судно и прошел вдоль борта так низко, что все увидели ухмылку на лице пилота и опознавательные знаки военной авиации США.

На пути в Голландию, в проливе Большой Бельт, корабль тоже встретили реактивные истребители. Они поднялись с аэродрома военно-морской базы НАТО — Корсер на острове Зеландия. Самолеты пикировали на встречных курсах и только в последний момент отворачивали в сторону. А фарватер в проливе узкий, изломанный. Чуть дрогнет рука на руле, и надо уже вызывать спасателей.

— Пираты они и есть, — выругался рулевой, сменившись с вахты. — Рассчитывают на слабонервных.

Точнее не скажешь.

«Американские самолеты не давали нам возможности спокойно работать и отдыхать, — пишет автор фильма Владимир Воробьев. — Заход следовал за заходом. Они с ревом пронеслись над мачтами и фотографировали нас без конца. Облеты происходили ежедневно с 4 по 11 февраля. Их было более двухсот. Американцы утверждают, что это делается для метеослужбы. Но разве мы — явление природы?»

Нахальные визитеры чувствовали свою безнаказанность. Они вели себя, как стая акул за бортом. Впрочем, 14 февраля район рыболовного промысла посетили и другие акулы — стальные. Капитан Владимир Эдуардович Петер вдруг заметил перископ. Неизвестные подводные лодки избрали мирное промысловое судно объектом для имитации торпедных атак. Когда одна из субмарин всплыла рядом с бортом «Иоханнеса Вареса», никто не сомневался, что там поднимут звездно-полосатый флаг. Легко было догадаться, так сказать, по «почерку».

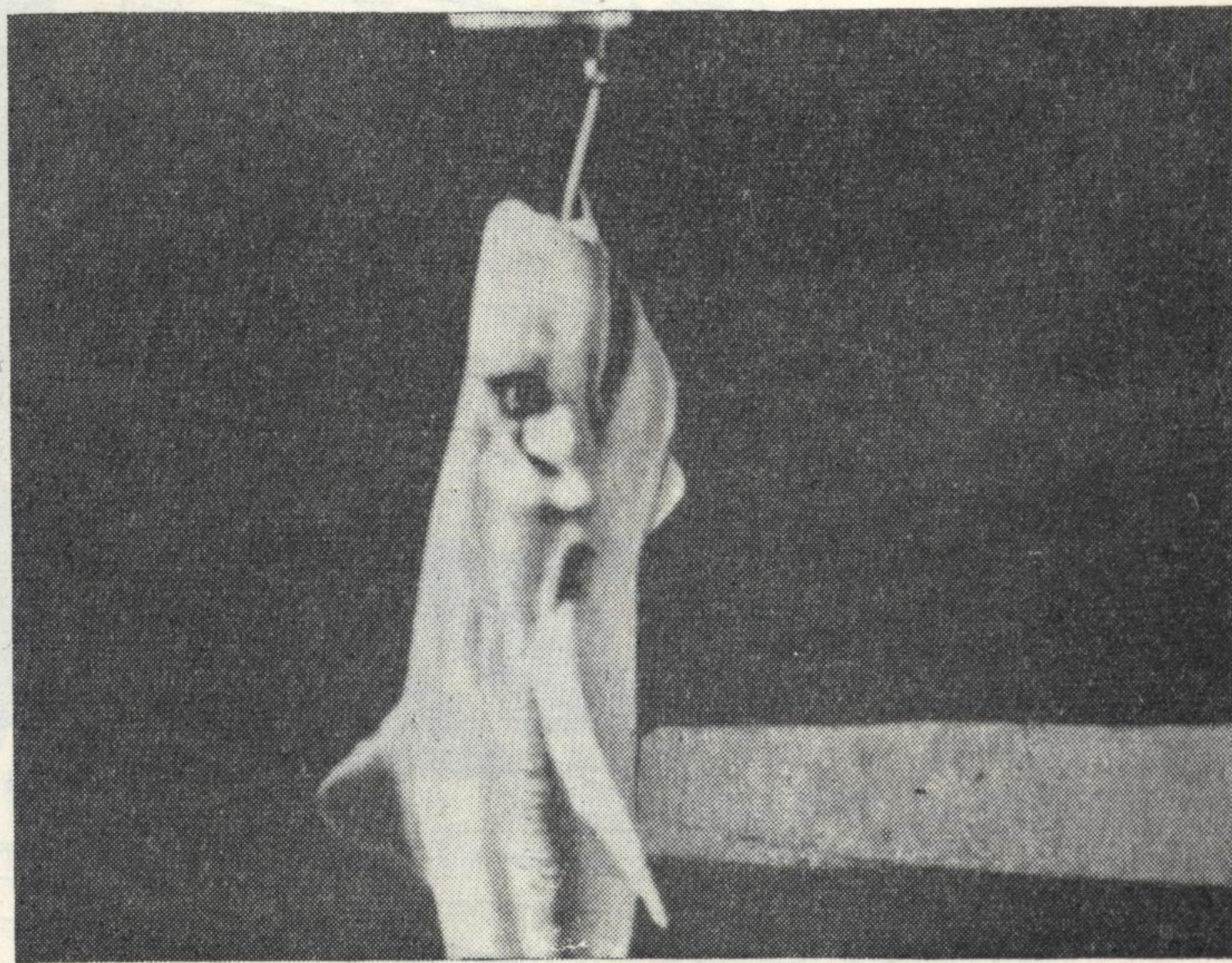
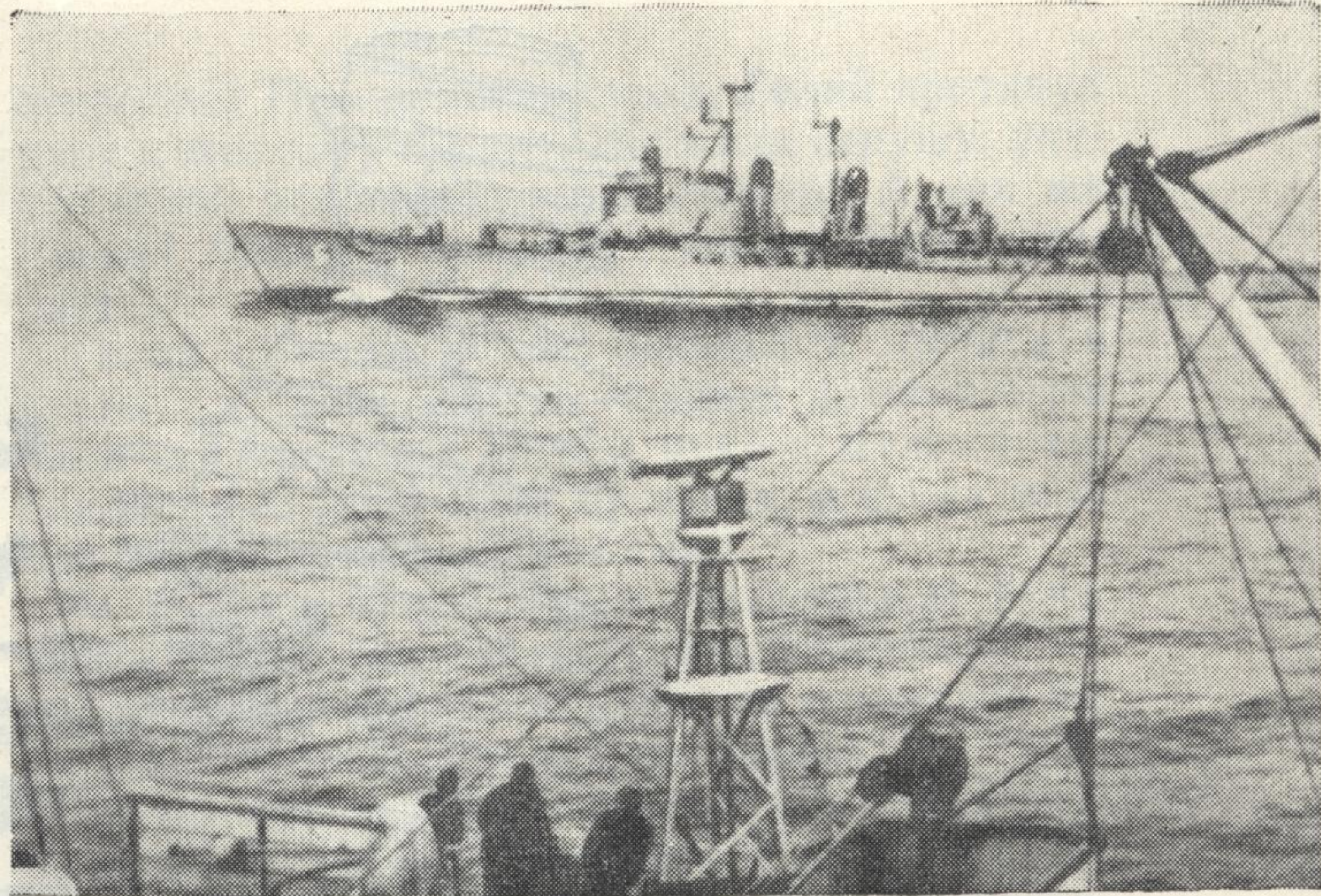
А потом на горизонте появился надводный военный корабль.

«Он долго курсировал у нас по носу и с правого борта, затем световыми сигналами запросил название нашего судна, развернулся и пошел прямо на нас. Настроение было испорчено. Что это за контроль в открытом море, что это за осмотры мирных промысловых судов?»

Несколько месяцев продолжался рейс «Иоханнеса Вареса» в Северную Атлантику. В Таллине прямо к борту корабля подошли железнодорожные вагоны. Тысячи тонн свежемороженой, соленой рыбы, ящики с консервами поехали в разные города страны.

И если у вас за обедом на столе исландская сельдь, знайте: может быть, она как раз из трюмов «Иоханнеса Вареса» и именно ее современные пираты пытались снабдить на морских дорогах милитаристским привкусом.

А рыболовная плавбаза «Иоханнес Варес» сейчас снова в Атлантике. Капитан ведет судно к скалистым берегам Исландии, на Джорджесбанку.

ЖЕЛТЫЙ КУБИК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Людмила Подосиновская

Рисунки Н. Кустова

Гелий пристально глядел на покачивающиеся листья клена. Он не замечал, что ветер тихонько перелистывал учебник геометрии.

— Здравствуйте, молодой человек!

Гелий вздрогнул, поднял голову — и увидел «черного человека».

Он весь был черным — на нем был черный костюм, черные туфли и черный галстук, у

него были черные волосы, черные очки на смуглом лице и острая черная бородка. Что за странный тип? Что ему нужно?

— А знаете ли вы, что на свете бывают чудеса? — спросил «черный человек», садясь рядом с Гелием на скамью. — Вы не согласны со мной?

— Почему не согласен? Согласен... — неуверенно ответил Гелий. — «Чудес на свете столь-

ко, что их всех не счесть». Даже песня есть такая.

— Есть, верно. Ну, а если мы с вами вот сейчас пожелаем воздвигнуть здесь в одно мгновение великолепный дворец, это возможно?

— Нет, конечно.

— А через тысячу лет это будет возможно? Гелий пожал плечами.

— Н-не знаю... Может быть... Ведь тогда будут всякие поля...

— Вот именно, поля, — обрадовался незнакомец. — Электромагнитные, гравитационные и многие другие. Я вижу, вы кое-что понимаете в этом. Видите ли, чудеса — это просто открытия, которые на тысячелетия опередили свое время. Ковер-самолет... Или, скажем, волшебная палочка, — если помните, она исполняла желания...

— Да... А разве это... уже возможно?

— Вы догадливы, мой юный друг, и это меня радует. Хотите стать владельцем волшебной палочки?

— Но... — запнулся Гелий. — Разве можно?..

— Смотрите.

И незнакомец вынул из кармана кубик с ребром примерно в пять сантиметров.

Гелий тихонько ахнул — ему показалось, что внутри кубика светится маленький желтый огонек.

— Вот это и есть волшебная палочка. Я отдам ее вам, если только вы решитесь ее взять — ведь за исполнение желаний нужно расплачиваться.

— Как это?..

— Объяснять долго, молодой человек, я спешу. Для того чтобы пробить многомерное пространство-время направленным лучом желания, нужна энергия, а мы умеем брать ее пока только из одного источника — человеческого организма. С каждым новым вашим желанием кубик будет уменьшаться, и вместе с ним будет угасать ваша жизнь.

Гелий с восторгом и ужасом глядел на чудесный кубик.

— Наука требует жертв, не правда ли? — серьезно сказал «черный человек». Черные стекла выжидающе и насмешливо уставились на Гелия. — Ну, так как?

Гелий молча кивнул — говорить он не мог. Незнакомец положил кубик на скамью и исчез. Гелий готов был поклясться, что он или провалился сквозь землю или растворился в воздухе. Свидетельством его реальности остался желтый кубик, теплым светом сияющий на скамье.

Кто же он, этот «черный человек»? Сумасшедший? Или ученый, сделавший гениальное

открытие? Преодолевая страх, Гелий протянул руку к желтому кубику. Неужели струшу, упущу такой необыкновенный случай? А как же Вовка? Вовка в больнице, может быть, умирает...

Гелий схватил кубик, огляделся, нырнул в кусты — в такие минуты человек должен быть один — и протянул вперед руку с желтым кубиком на ладони. Рука дрожала, и кубик мерцал беспокойными огоньками.

— Я хочу, чтобы Вовка выздоровел! Хочу, чтобы выздоровел! Я так хочу, слышишь!

Кубик не менялся, не таял, он оставался таким, как прежде. Что же это такое!..

Запыхавшись, Гелий ворвался в тихий прохладный вестибюль больницы, с разбегу налетел на дежурную медсестру и едва не растянулся на скользком полу прямо у ее ног.

— Куда?! Ах, это ты, Гелий! Что же так рано? — удивилась знакомая медсестра.

— Как Вовка? Жив? Ему лучше?..

Медсестра ласково пригладила его растрепанные волосы.

— Не волнуйся, с твоим Вовой все в порядке. Сегодня был кризис, он только что уснул.

Гелий растерянно смотрел на нее. Значит, правда. Значит, исполнилось. Вот оно, чудо, возможное только в сказке.

— От радости опомниться не можешь? — улыбнулась медсестра. — Уж никто не думал, что выживет твой дружок. Как видишь, бывают чудеса.

— Спасибо, — пробормотал Гелий. — Я пойду...

Да, бывают чудеса... Бывают чудеса... Гелий торопливо вытащил из кармана кубик, и ему показалось, что кубик стал чуть меньше.

* * *

Вовка ерзал на стуле, толкал Гелия в бок.

— Сейчас, Гелька! Сейчас бежит Игорь Малинин!

— Ага.

На экране телевизора яркими красками сверкал далекий южный город, в котором проходили сегодня спортивные состязания. Вот уже приготовились к старту юноши в белых майках, затихли в напряженном ожидании зрители. Старт! Бегуны сорвались с места и стремительно рванулись вперед.

— Игорь, давай! Игорь, миленький! Давай!

Мальчики забыли, что они не на стадионе. Их любимец как птица несся к финишу, все дальше и дальше уходя от соперников. Никогда еще не было такого триумфа! Вовка прыгал перед экраном и, размахивая руками, кричал что-то непонятное.

И вдруг... вдруг Гелий вскочил и резко повернул ручку включения. Исчез южный город, исчезли белые майки бегунов, телевизор погас и умолк. От изумления и негодования Вовка оторопел.

— Ты что, Гелька? С ума спятил? Включай сейчас же!

— Нет.

Гелий стоял перед ним, неожиданно сумрачный, строгий и какой-то осунувшийся.

— Что с тобой, Гель?

Гелий немного помедлил с ответом, словно колеблясь. Потом выглянул из комнаты и затем плотно закрыл дверь.

— Я тебе скажу... Может быть, нельзя, это важная тайна, но я больше не могу... Ты должен помочь... вот смотри, видишь?

И, вытащив из кармана изрядно уменьшившийся в размерах желтый кубик, Гелий сбивчиво и бессвязно рассказал товарищу о встрече с таинственным «черным» человеком.

— Ты понимаешь, ничего у меня не получается. Желтый камень входит на всякие пу-

стяки. Пожелал я моему соседу Сережке поступить в вуз, потом всякой чепухи для себя, как последний эгоист... в кино там, книжку... глупости, как маленький... Вот и сейчас — видел?

— Игорь Малинин?.. Да?

— А как бы ты на моем месте? Думаешь, я специально? Это само получилось.

— Ой, Гель! Вот здорово! — Вовка ошеломленно уставился на желтый кубик. — На таком расстоянии действует!

— При чем тут расстояние? — пожал плечами Гелий. — Луч идет через многомерное пространство-время...

Вовка поморгал, — непонятно, но убедительно. И тут перед ним предстала другая сторона этих невероятных событий.

— Гель... а как же ты? Камень совсем растает, и ты...

— И я умру, — Гелий хотел сказать это твердо, но голос его дрогнул. — Ну и что ж? Самое главное — принести пользу людям. Я тебе потому и рассказал, чтобы вместе думать.

— Гель, ты настоящий герой. Я всегда это знал. Ты такой человек... Гель! Так это ты тогда... что я выздоровел? Это ты сделал, Гель?

— Ну, что ты... Нет.

Вовка вскочил.

— Это ты! Я знаю! Это ты приказал, чтобы я выздоровел!

— Ну, ладно, брось, — смутился Гелий. — Мы же друзья, и точка. Давай думать, что нужно пожелать, чтобы для всего человечества... Для всего человечества, понимаешь?

* * *

Они сидели в пыльном пустом подвале. Где-то вдалеке сквозь узкое окно пробивался луч света.

Вовке было страшно. В голову лезли всякие мысли. Что-то шуршит, что-то шевелится... А если вот взять и захотеть, чтобы появился призрак? Все считают, что это чепуха, сказки. А может, призраки были на самом деле?

Шепотом Вовка поделился своей мыслью с Гелием.

— Может быть, — ответил тот, подумав. — Но призраки совсем не души мертвых. Наверное, это были космические пришельцы, которые умели становиться невидимыми и неосязаемыми, когда им нужно... Позовем призрак, а?

— Ой, Гель!.. Что ты...

— Боишься?

Вынув из кармана желтый кубик, Гелий раскрыл ладонь. Вовкино сердце билось где-то в самом горле, он не смел дышать.

— Хочу, чтобы появился призрак, — негромко сказал Гелий. — Хочу, чтобы он пришел к нам.

Наступила звенящая тишина. Вовка, оцепенев, глядел во мрак подвала. И вдруг послышался шорох... Шаги!

Вовка вскочил, ударился головой о локоть Гелия и бросился вон из подвала. Они мчались во весь дух, не смея оглянуться. Выскочили во двор, завернули за угол, пробежали детскую площадку и только тогда, наконец, остановились. Никто за ними не гнался.

— Он там?.. — сдавленным голосом прошептал Вовка.

— Нет, его не было.

— Как не было? А чего же ты бежал?

— Из-за тебя. Ты кинулся, как заяц...

— Сам ты заяц.

— Пошли посмотрим?

— Ой, что ты...

Гелий решительно направился обратно к подвалу. Вовка нехотя плелся за ним, готовый каждую секунду кинуться наутек.

Все-таки они спустились в подвал еще раз. Дошли до того места, где сидели, прошли немного дальше. Подвал был пуст.

* * *

Щелкнул замок входной двери: вернулась мать. Гелий поднял книгу, рассеянно перелистнул страницу, сделал вид, что читает. Мать заглянула в комнату.

— Гелик, ты не заболел? Что с тобой?

— Ничего, мама. Я читаю.

— Почему ты опять дома? Ведь школа уже на носу, потом не погуляешь.

— Да, мама. Я сейчас.

— Сначала поешь, Гелик. У тебя последнее время что-то неважный вид. Если плохо себя чувствуешь, ты скажи, не скрывай от меня, родной. Может, пойдем сегодня к врачу?

— Ох, ну что ты, мама, честное слово. Я совершенно здоров. А что похудел, так просто... просто я расту.

Это было похоже на правду. Мать еще раз испытующе оглядела сына и ушла на кухню. Гелий облегченно вздохнул.

Его рука привычно нащупала в кармане теплый кубик. Он стал совсем крошечным, вот-вот исчезнет. Почему он растаял так быстро? Гелий думал, это протянется не один год — ну, два, три, пять. А прошло только лето...

Гелия передернуло. Макароны не лезли в горло, чай показался слишком сладким и противным. Он с трудом сделал несколько глотков. В это время мать включила радио.

Гелий сразу понял, о чем идет речь — о лунной экспедиции. «Что это? Пропали?! Как пропали? Сигналы бедствия? Нет точных координат, мало шансов на спасение?.. Нет, этого не может быть, этого не будет!

Этого не будет! Еще осталась крупинка чудесного желтого камня, они будут спасены! Только не здесь, здесь нельзя, здесь мама... Скорее на улицу, в сад!»

Гелий мчался по тротуару, расталкивая прохожих. Он бежал изо всех сил, задыхаясь, хватая воздух открытым ртом.

«А вдруг они уже погибают? Если через минуту будет поздно?» Гелий сжал в кулаке маленькую желтую крупинку и остановился.

— Хочу, чтобы их спасли!.. Хочу, чтобы не погибли...

Вдруг небо сорвалось со своего места и с пронзительным визгом полетело вниз. «Почему с визгом?» — успел подумать Гелий, и в этот миг небо обрушилось на него и сбросило во тьму.

* * *

— Что интересного, спрашиваете? Да, знаете, вчера был довольно своеобразный

случай... Даже странный. Привезли мальчика лет тринадцати с переломом ребер и ушибом головы...

— Неужели?

— Да, сбила машина, в наше время случай редкий. Машиной управлял не автомат, а человек, молодой парнишка. Расстроен, конечно, чуть не плачет. Говорит, мальчик бежал через улицу, но внезапно остановился, что-то закричал. Даже автомат вряд ли успел бы затормозить.

— Ну, а мальчик? Жив?

— Жив, полежит месяц и будет здоров. Но знаете, что удивительно? Когда он пришел в себя, первым его вопросом было: «Почему я жив?»

— То есть как?

— Слушайте дальше. Потом спросил о лунной экспедиции. Я ему сказал: обнаружена и все спасены. «Странно, — говорит, — они спасены, а я жив.. Вы ничего не нашли у меня в кармане?» Я запомнил все его вопросы, потому что, сами понимаете, человек, вытасченный из-под колес...

— А он не бредил?

— И я было так подумал, но ошибся. Тайну раскрыл его приятель, мальчишка того же возраста. Он рассказал фантастическую историю. Якобы у его друга был камень, который давал волшебную силу исполнять желания. Он, например, пожелал выздоровления этому самому приятелю, когда тот был тяжело болен, а вот сейчас, мол, на улице, — спасения лунной экспедиции. Все исполнялось, но за это он должен был расплачиваться своей жизнью.

— Что за средневековая чепуха!

— Да, это очень странная история. Будто какой-то «черный человек» дал мальчику очень красивый золотисто-янтарный кубик и сказал, что кубик будет исполнять желания,

но сам при этом растает, и вместе с ним растает... что с вами, Алексей Дмитриевич?

Алексей Дмитриевич Гребенченко, руководитель одной из лабораторий Института новых материалов, вдруг остановился посреди тротуара и воззрился на своего соседа, хирурга районной больницы.

— Стойте, стойте... Как вы сказали? Кубик золотисто-янтарного цвета, постепенно тающий, уменьшающийся в объеме?

— Да... Он вам знаком?

— И кто дал его мальчику? «Черный человек»?

— Ну, человек, одетый в черное, смуглый, черноволосый, с черной бородкой и в темных очках.

— Ах, вот как? Смуглый, значит? Одетый в черное? С черными очками и бородкой? Ну, погоди ж ты...

И Гребенченко, не прощаясь, ринулся к остановке воздушной дороги.

Запыхавшись от быстрой ходьбы и кипя негодованием, Гребенченко быстро поднялся на второй этаж и распахнул дверь своей лаборатории.

— Рузин здесь?

— Здравствуйте, Алексей Дмитриевич, — приветствовала его лаборантка. — Здесь, здесь. Рузин, идите сюда, начальник зовет! — крикнула она.

Из соседней комнаты вышел высокий человек в белом халате. Аккуратная черная бородка клином удлиняла его смуглое приятное лицо.

— Доброе утро, Алексей Дмитриевич!

— Я вам сейчас покажу доброе утро! — взорвался Гребенченко. — Это что за фокусы? Кто вам позволил раздавать образцы новых пластмасс да еще городить при этом какие-то басни?

СТОЛ ЗАГАДОК—66

Задача двенадцатая и последняя

Рассмотрите внимательно одиннадцать кружков, в которые вы уже вписали цифры. Можно заметить, что числа представляют собой какой-то ряд, изменяются не случайно, а закономерно. Три цифры — и одна, три цифры — и другая, три цифры — и третья... Догадайтесь, какое число нужно вписать в последний кружок. Теперь вы можете прочесть название космического корабля: вычеркните из шифрованной надписи на борту все буквы, которые встречаются в названии только что найденной вами цифры. А сумма всех чисел ряда даст бортовой номер корабля. Ответы присылайте короткие: только название и номер. Конкурс длится до марта 1967 года. Победители будут признаны абсолютными чемпионами «Стола загадок-66» и получат льготы в «Столе загадок-67».

ЖДЕМ ПИСЕМ!

— Как раздавать? Какие басни? Ничего не понимаю...

— Не понимаете? Может быть, это не вы дали мальчишке образец 51/133 и наговорили при этом кучу всякого вздора об исполнении желаний?

— А-а! — засмеялся Рузин. — Вспомнил. Весна, знаете, экзаменационная пора — сидит такой печальный паренек в сквере, что-то учит. Ну, мне и захотелось его развлечь, что-то сфантазировал. Откуда вы узнали? Да и образец давно не секрет, почему такой шум?

— Ах, почему шум? Наговорили ребенку всяких ужасов и с легким сердцем отправились дальше? Да как у вас язык повернулся?

— Что вы, Алексей Дмитриевич, ведь это же была просто сказка. Неужели детям никогда не рассказывают сказок?

— Хороша сказка! Ведь вы же сказали ему, что он умрет, когда растает желтый кубик! А он поверил этому! Вы что, не знаете силы самовнушения?

Инженер некоторое время молча смотрел на

— Мальчик едва не погиб, вот что случилось!

Рузин отступил на шаг, снова вытащил из кармана очки. Лицо его стало растерянным.

— Но... как же так? Ведь я сказал... Он же видел, что желания не исполняются, он сразу должен был понять, что это шутка...

— А если его желания исполнялись?

— Исполнялись?!

— А чего, по-вашему, он должен был пожелать?

— Ну... выстроить сказочный дворец или чтоб двойка исчезла сама...

— А он пожелал знаете чего? Выздоровления больному другу, спасения космонавтов на Луне. И все его желания сбылись, понимаете? И камень таял. Да тут и я поверил бы, черт возьми!

— Что с ним? — глухо спросил Рузин. — Он будет жить?

— Насколько я знаю, большой опасности нет. Вы, вот что, снимайте-ка рабочий халат и марш-марш в больницу.

— Да, да... где это? Я сейчас еду...

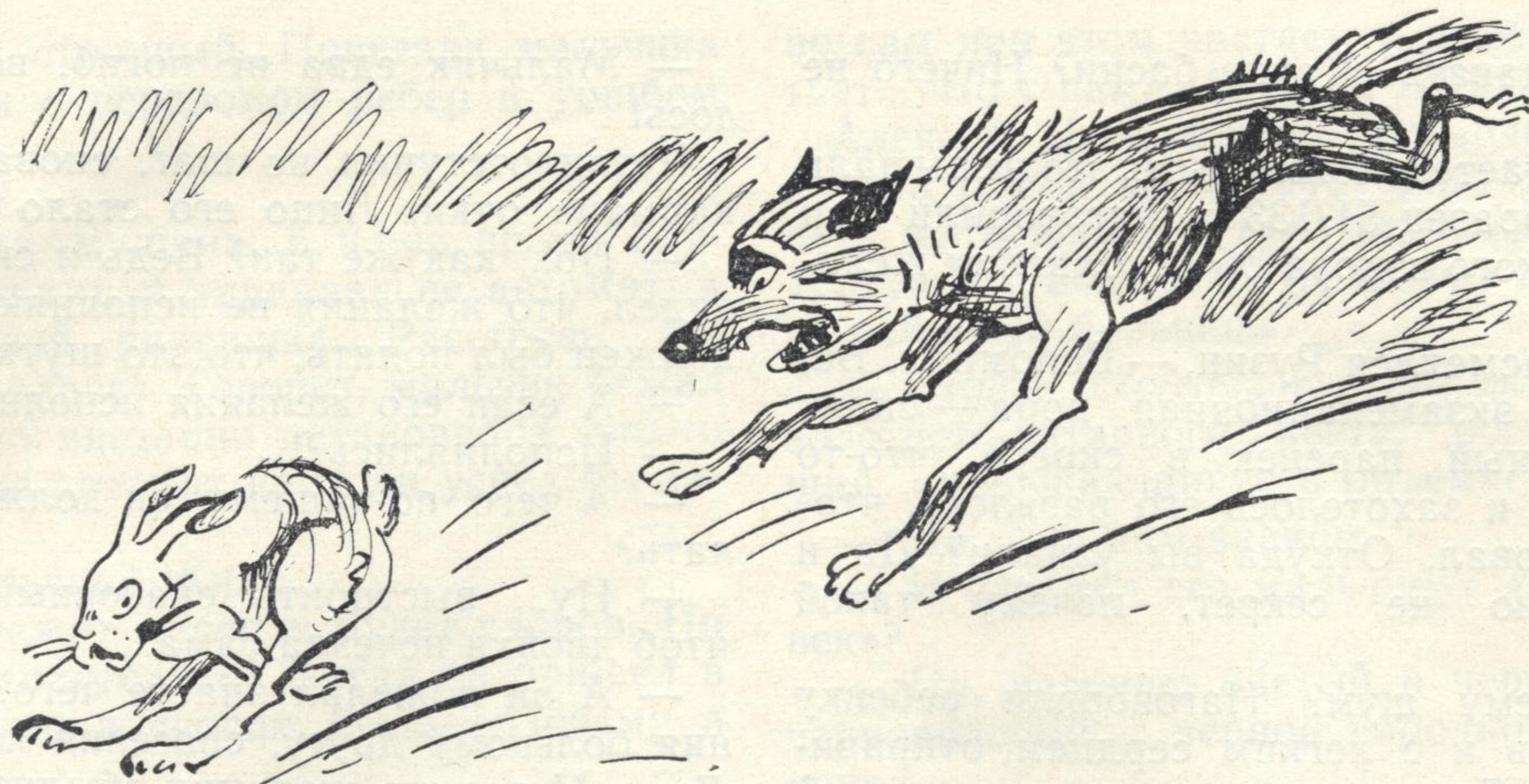

Гребенченко, затем побледнел, снял очки, сунул их в карман.

— Поверил?! Не может быть. Что-нибудь случилось, Алексей Дмитриевич?

— Адрес я вам напишу. Валя, дайте листок бумаги.

Рузин стащил с себя халат, схватил листок с адресом и бегом поспешил к выходу.

Заяц пустомеля

Пр. Слепцов

Рисунок Н. Муратова

Голодным как-то рыскал Волк
И вдруг увидел Зайца.
Глазами — зырк,
зубами — шелк:
— А ну, косой, спасайся!
Косой — бежать,
а Волк — вослед,
разинул пасть, преследуя:
«Ужо, — мечтает, — на обед
зайчатины отведаю!»
Совсем зайчишка окосел,
давай бог только ноги.

Медведь в малинике пыхтел
у Зайца на дороге.
Как содрогнется вдруг тайга
от рывканья медвежьего:
«Ты что так мчишься, мелюзга?
Толкаться, брат, невежливо!»
— Простите! —
Заяц говорит, —
я вас не видел толком...
У нас, —
трусичка говорит, —
соревнованье с Волком.

Вольный перевод с эвенкийского Гл. Семенова

РЕЦЕПТ БУРГАВЕ

Профессор Лейденского университета в Голландии врач Бургаве в 1750 году получил письмо от знатного вельможи. Богач страдал расстройством нервов и просил ученого помочь ему избавиться от недуга. Бургаве согласился, но лишь на том

условии, чтобы больной прибыл к нему пешком, без слуг и кареты, к которым он так привык.

Вельможа отправился в путь. Дальняя дорога шла через луга и леса. Не один день пришлось провести больному под открытым небом. Он ловил рыбу, собирал орехи и ягоды, ночевал у костра.

И вот он сидит в кабинете у Бургаве.

— На что жалуетесь? — с хитрой улыбкой спрашивает знаменитый врач.

Вельможа собрался ответить и... не смог. Теперь он ни на что не мог пожаловаться!

— Природа и перемена образа жизни, — сказал Бургаве, — избавили вас от недуга лучше всяких лекарств!

МЕДЛЕННЫЙ ЯД

Приглашенный к известному французскому писателю Фонтенеллю врач уверял своего знаменитого пациента, что кофе — медленно действующий яд.

Фонтенелль был уже глубоким стариком (как известно, он дожил до ста лет). Выслушав врача, писатель заметил:

— Я тоже думаю, доктор, что кофе очень, очень медленный яд. Ведь я пью его уже восемьдесят лет!

ГРОЗНЫЕ ПРИЗНАКИ

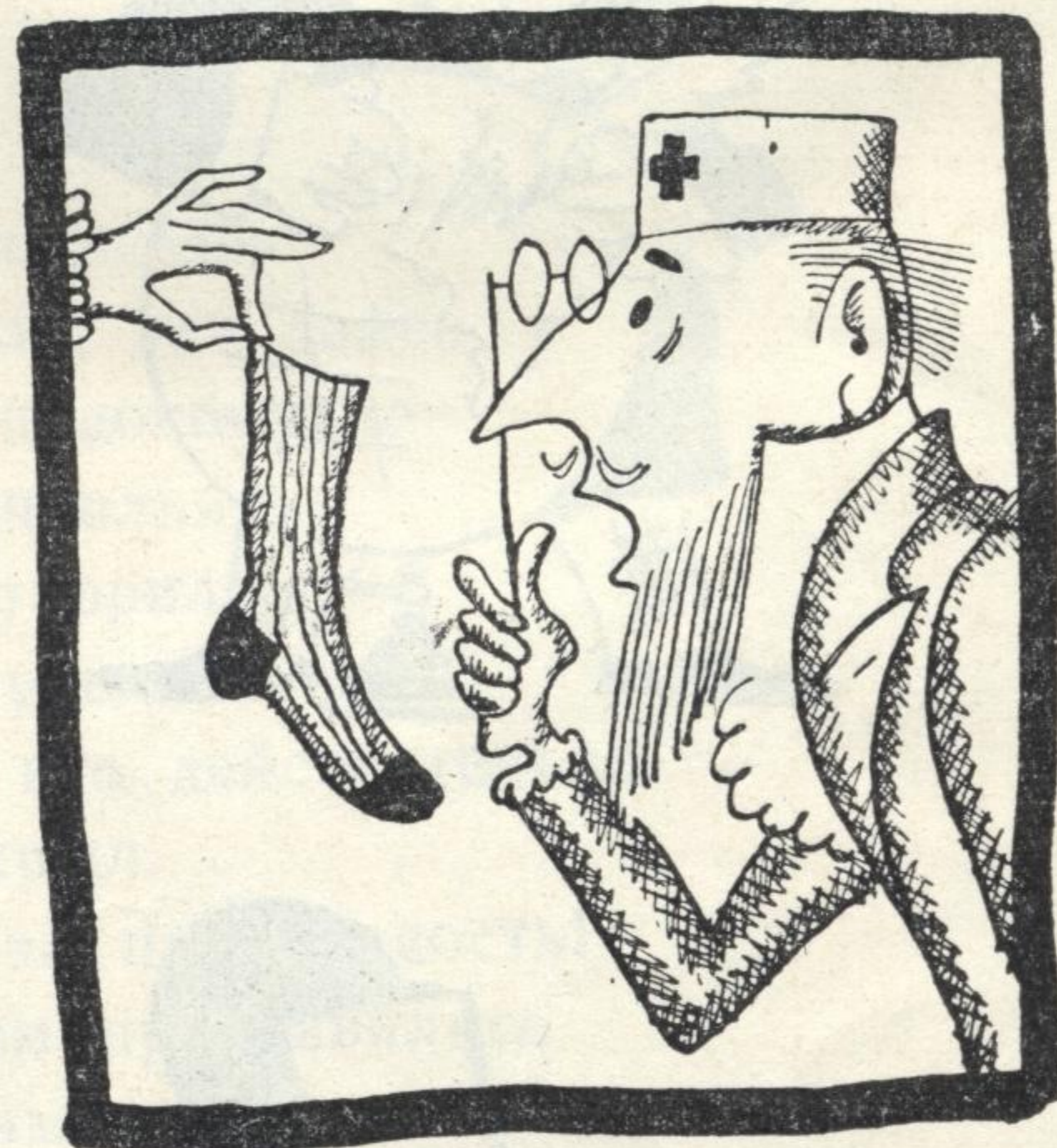
После освобождения из ссылки декабрист Волконский жил за границей. Однажды он обратился к знаменитому в то время дрезденскому профессору Вальтеру с просьбой осмотреть его. Профессор осмотрел больного старика и заявил, что для спасения жизни ему необходимо немедленно ампутировать ноги.

Через несколько часов все было подготовлено к операции.

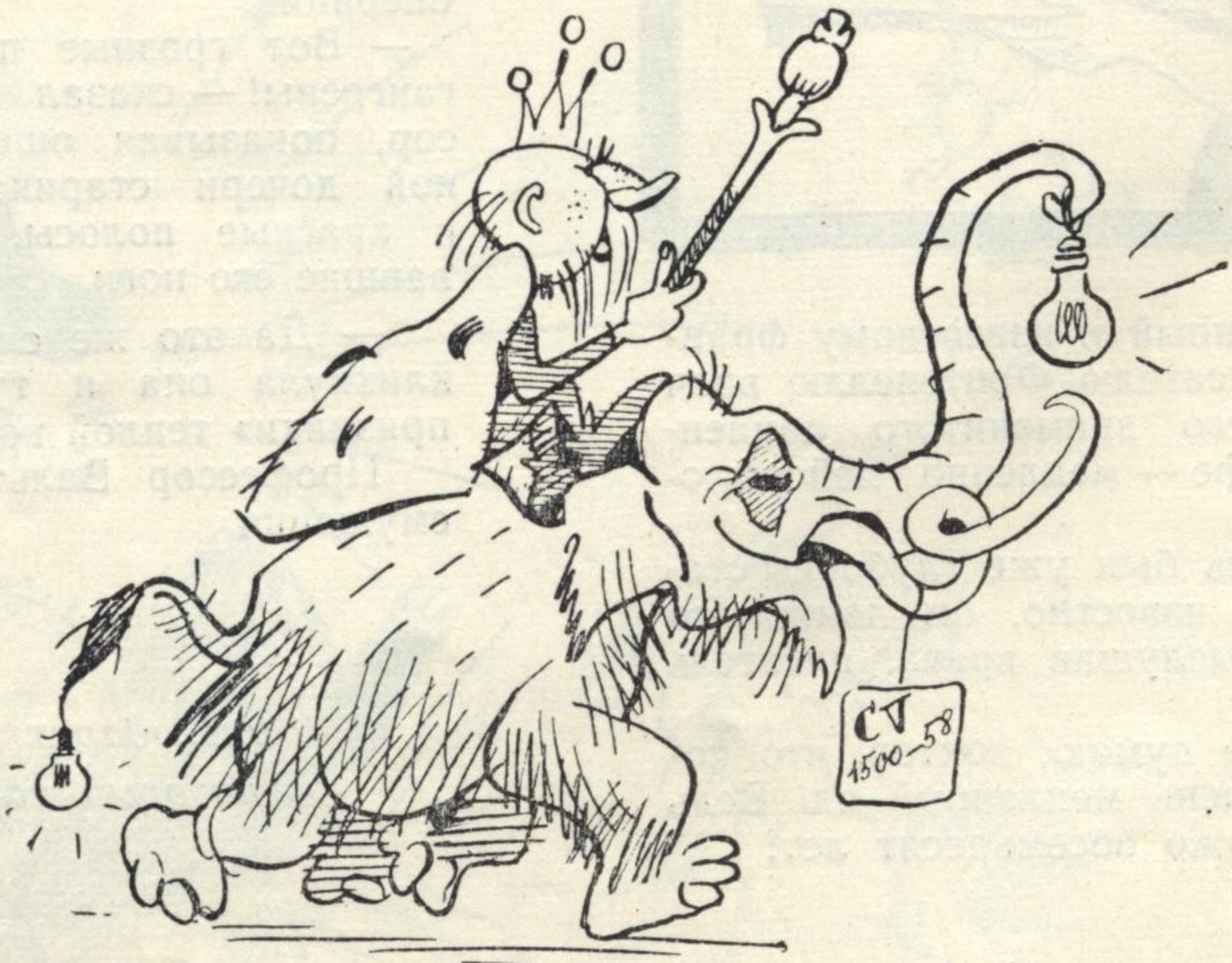
— Вот грозные признаки гангрены! — сказал профессор, показывая ошеломленной дочери старика синие и красные полосы, покрывавшие его ноги.

— Да это же следы от полосатых носков! — облегченно воскликнула она и тут же, на глазах у врачей, смыла «грозные признаки» теплой водой с мылом.

Профессор Вальтер и его ассистенты удалились в крайнем смущении.

*Веселый архивариус
благодарит художника Михаила Беломлинского,
который нарисовал все картинки для «Уголка»
в 1966 году.*

**13 ОЧКОВ,
ИЛИ СТИХИ О ТОМ,
КТО ОТКРЫЛ АМЕРИКУ**

И. Бродский

— Шекспир открыл Америку.
Давно. При Г. Ю. Цезаре.
Он сам причалил к берегу.
Потом его зарезали.
— Вы что? Шекспир — Америку?
Он умер до отплытия!
Принадлежит Копернику
честь этого открытия.
— Да нет, перу Коперника,
французского поэта,
принадлежит трагедия
«Ромео и Джульетта».
— Ах нет, вы просто спятили!
Да что ж вы, в самом деле?
Америка, приятели,
открыта Торичелли!
— Да нет, вы все напутали.
Как следует усвойте:
не Торичелли, — Ньютоном
Америка... — Постойте,
не Ньютоном, а... — Нужно ли
настаивать на имени?
Ее ведь обнаружили
до нашей эры римляне!
— Я чувствую без имени
себя совсем подавленным.
Вы что, какие римляне?
Она открыта Дарвином!
— Не Дарвином, а Байроном!
— Плешивым и
пришибленным?
— Да нет, известным
барином.
— Не Байроном, а Шиллером!
— Уверьтесь, бросив
глупости,
в сужденье обоснованном:
Америка на глобусе
нанесена Бетховеном!

Рисунки В. Гальбы

— Бетховена примерное
служение наукам
известно. Но Америка
открыта Левенгуком!
— Нет, что-то тут не вяжется.
Она открыта... — Врете!
— Буонапарт, кажется.
— Вот-вот: Буонарроти!
— Да нет, его величество,
Карл Пятый... —
Заблуждение!
— В эпоху электричества!
— Да, до оледенения...
— Шекспир нам дал
подробное...
— Шекспир? Он из Италии...

Ну, и тому подобное
и, так сказать, так далее...
Вот так на подоконнике
беседовали школьники.
Я двери притворил.
Прошу вас убедительно
сказать им, кто действительно
Америку открыл.
Очко даем за правильность!
Скажите, чем прославились
все те, чьи имена
здесь были упомянуты.
Мы сами — очень заняты,
а истина — нужна.
Даем очко за правильность.
Надеемся, что справитесь,
пусть это — нелегко.
Тринадцать лиц, которые
прославились в Истории!
ЗА КАЖДОГО — ОЧКО.

ОПЕРАЦИЯ «64»!!!

Я, ШАХМАТ-АДМИРАЛ ФЕРЗЬБЕРИ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ОПЕРАЦИЕЙ «64», ОБЪЯВЛЯЮ:

Приказ № 2

§ 1. В команды шахматно-ша- шечных ракет зачислены все запи- савшиеся, и эскадрилья к старту готова. Курс — Созвездие Черно- белых клеток, место посадки со- общу в полете.

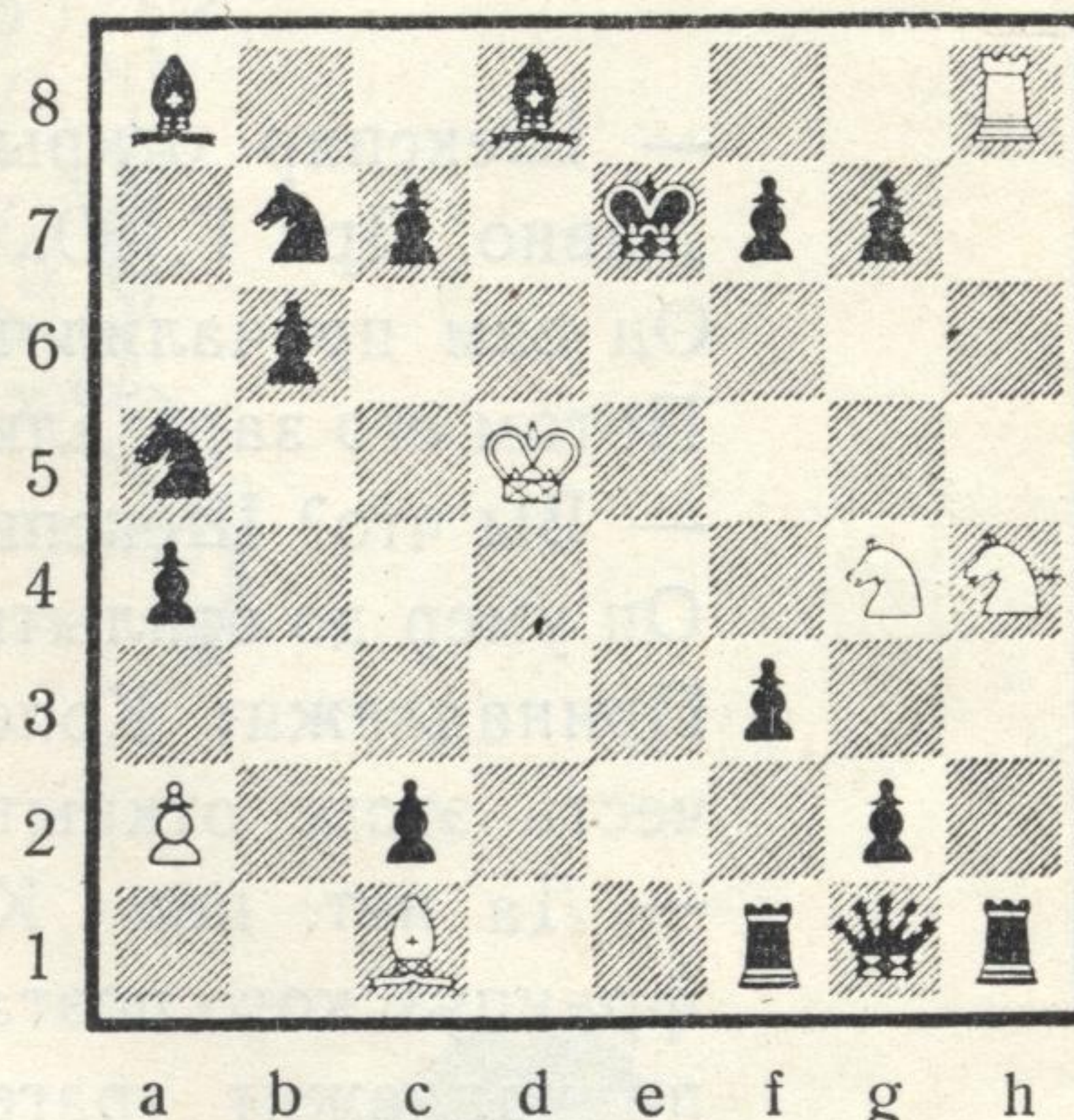
§ 2. В ознаменование старта эскадрильи в ночь на 1 января

1967 года произвести новогодний салют многочисленными шахами чер- ному королю.

Объявить черному королю столько шахов, сколько сможете. Кто больше? На конверте помечайте: «Операция «64».

§ 3. Приказываю шахматистам-юнгам, пока не умеющим играть, не- медленно узнать названия шахматных фигур и их ходы. Спрашивать старших и товарищей, умеющих играть, — разрешаю.

Шахмат-адмирал ФЕРЗЬБЕРИ

УЛЫБКИ

ИЗВИНИЛСЯ

— Сынок, ты извинился перед че- ловеком, которому ты наступил на ногу?

— Да. Он улыбнулся и дал мне конфету. Тогда я наступил ему на другую ногу.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

— Как случилось, что в твоей до- машней работе нет ни одной ошибки?

— Папа уехал в командировку.

ЭТО НЕ МОЙ

— Ваш сын швырнул камень в мою арбу.

— Попал?

— Нет.

— Тогда это не мой сын.

ИЗВЕСТНОСТЬ

Известный американский артист Джеймс Стюарт отправился в путе- шествие на машине. В маленьком городе к нему обратился рабочий бензоколонки:

— Извините, но ваше лицо мне определенно знакомо...

— Возможно, вы видели меня в кино, — равнодушно ответил привык- ший к славе Стюарт.

— Да, да, в кино, — обрадовался рабочий. — А вы где обычно сиди- те — в партере или на балконе?

Обложка В. Травина

На второй странице обложки фото А. Ритова

На четвертой вклейке рисунки В. Голявкина

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова,

Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор
А. А. Двораковская

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76.

М-51124

Подписано к печати 17/XI 1966 г.

Формат 84×108¹/₃₂.
Заказ № 377.

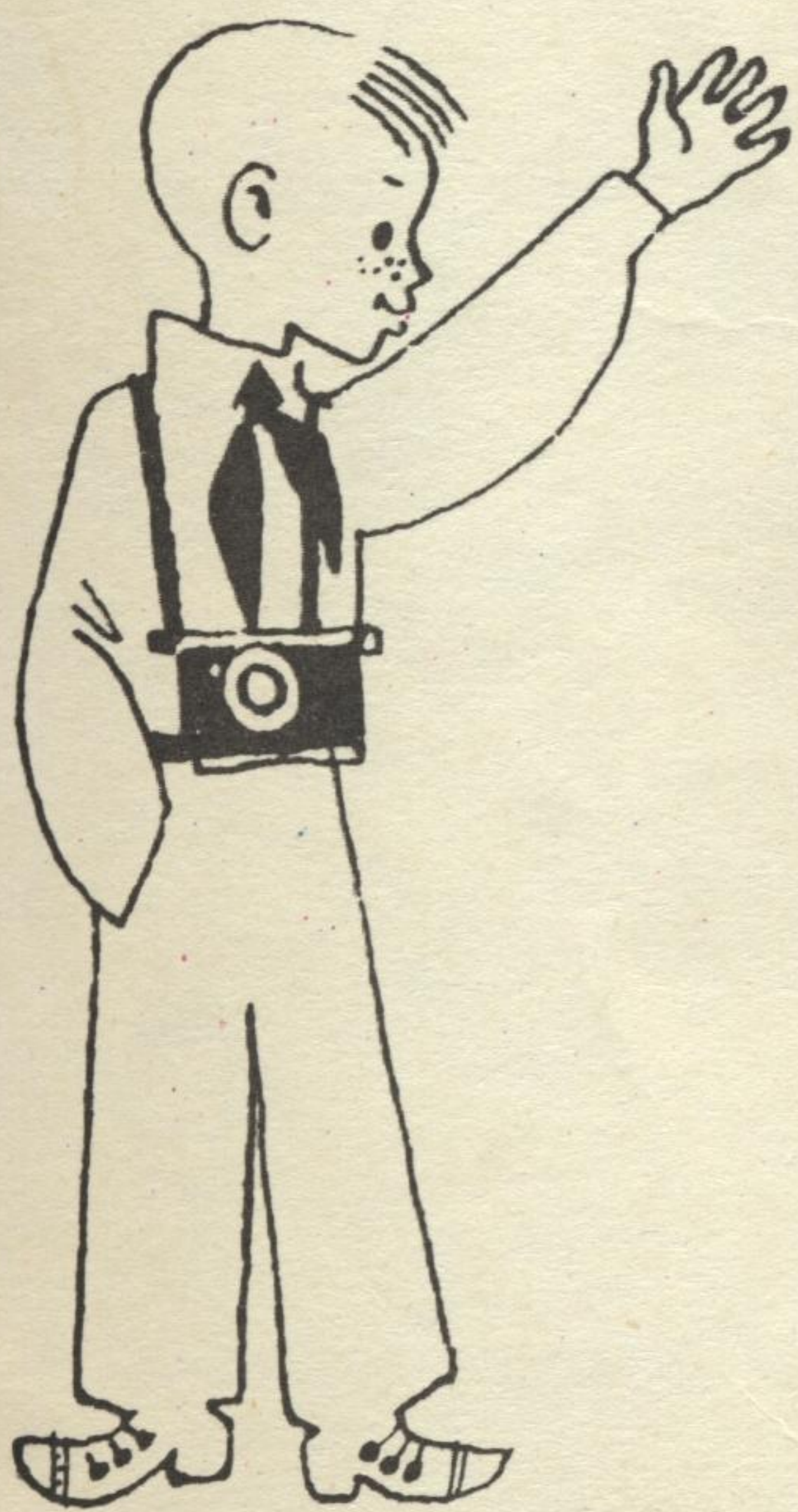
Печ. л. 8+1.
Цена 25 к.

6,36 усл.,

8,8 уч.-изд. л.

Тираж 300 000 экз.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

**БИБЛИОТЕКА
КОСТИ ТЁРКИНА**

Костя Тёркин открыл дверь библиотеки и замер на пороге: неужели пятеро читателей могут производить столько шума! Кричат, руками размахивают. О чем же они так спорят?

— Вот это книга! Я давно мечтал прочитать такую! О революционерах — «искровцах». Называется «Посылка с секретом». Да у них вся работа была секретная и бесстрашная...

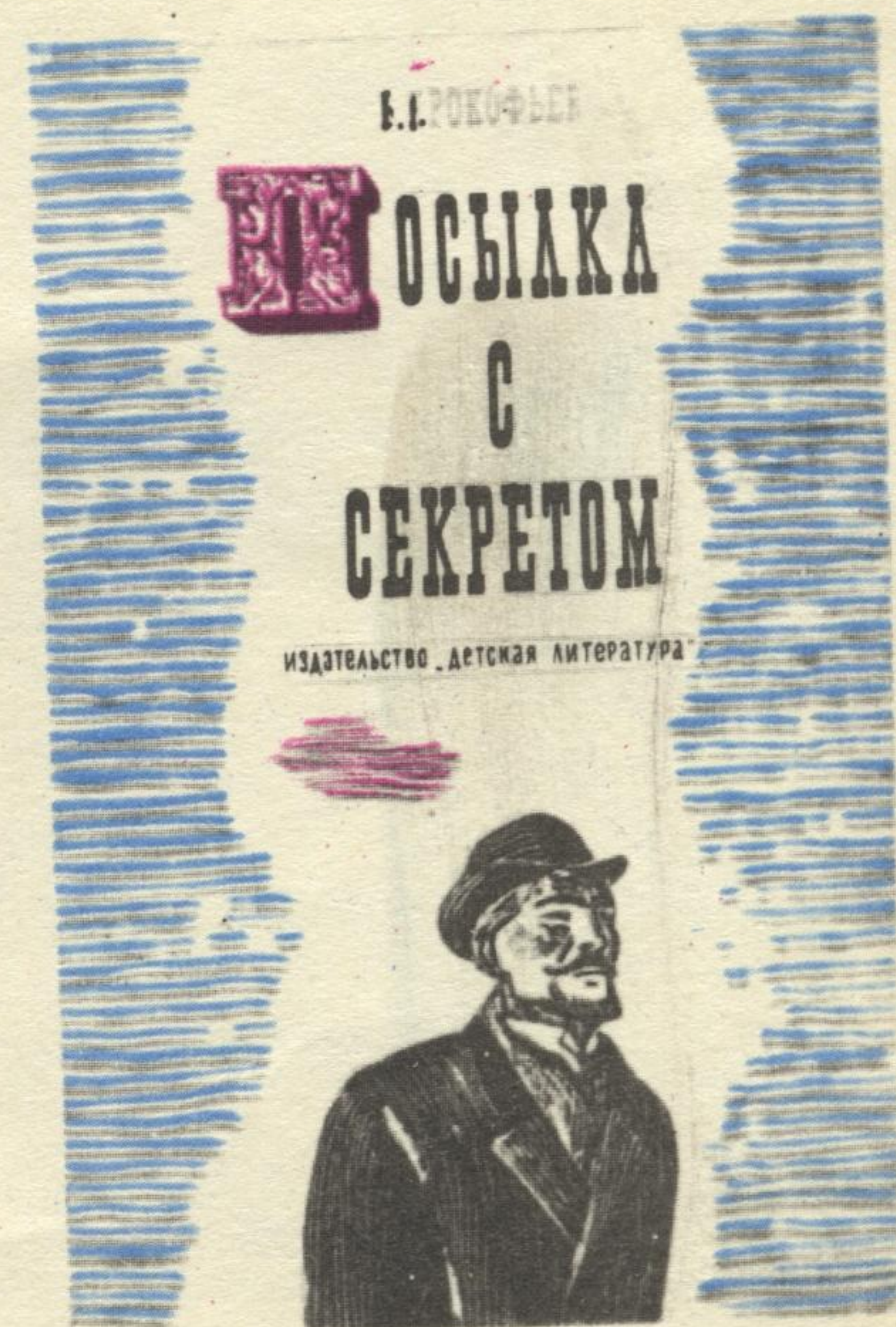
— А ты читал «Алтайские сказки»? Я еще никогда таких не встречала. Про Шелковую кисточку, про богатыря Алыпманаша, про смелых семерых братьев...

— Подумаешь, сказки! А у меня книга — про настоящую жизнь написана. «Синее море, белый пароход». Представляете, — Южный Сахалин сразу после войны. И встретились там наш мальчишка Герка и японская девочка Сумико...

— Все равно моя самая интересная. Знаете «Лесную газету»? А теперь вот есть «Подводная газета». Про реки, моря, озера, про рыб разных, про всякие удивительные приключения под водой...

— Да вы только посмотрите, только название прочитайте: «Мужчинам до 16 лет!» Это вам не разные там разности для малышей, а разговор по большому счету, всерьез. Автор прямо тебе заявляет, как Святослав: «Иду на вы!» Так что моя книга самая-пресамая...

Задумался Костя Теркин — какая же из этих книг действительно самая интересная?

РАННИЙ СНЕГ

Владимир Коркин

День какой-то невозможный!
 День какой-то суматошный!
 Все проспали
 Все пропали!
 На работу опоздали!
 На кровати я уселся.
 В нашей комнате светло.
 Сразу сон куда-то делся,
 Мне печально и тепло.
 Может, ночи,
 Стали ночи
 Не длиннее, а короче!

Льется свет сквозь занавески
 Белый-белый, резкий-резкий!
 А в окне,
 Окне,
 Окне
 Снег сияет, как во сне,
 Белый,
 Белый
 Первый снег.
 Выйдет первый человек,
 Он оставит первый след.
 Снег зажег нам ранний свет.

Рисунок И. Казаковой

*Сокон-51
 и змея*